

Валентин Саввич Пикуль

Барбаросса

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164085

Пикуль В. Барбаросса. Роман-размышление: АСТ, Вече; 2004

Аннотация

Сталинград – это не просто город на Волге , символ нашей Победы. Это еще и главный военно-политический фактор Второй мировой войны; его влияние сказалось на всем ходе истории человечества. Героической и трагической Сталинградской битве посвящен роман-размышление «Барбаросса» – первый том последней, незавершенной дилогии «Площадь Павших борцов» Валентина Пикуля. Написать второй том автор не успел – здоровье оказалось подорванным многолетней работой на износ. Валентин Саввич честно признавался, что не считает себя вправе приглашать читателей в «окопы Сталинграда», ибо сам в них не бывал. Но как сын героя Сталинграда, как писатель-историк и участник войны (соловецкий юнга) он не мог пройти мимо грандиозных событий на великой русской реке.

Содержание

НАЧИНАТЬ ЛУЧШЕ С КОНЦА	4
Часть первая	21
1. РУКИ ПО ШВАМ	21
2. ВНИМАНИЕ – ТАНКИ!	32
3. И ДАЖЕ ЗУБНЫЕ ЩЕТКИ	47
4. ГЕНЕРАЛЫ	54
5. НАПРЯЖЕНИЕ	65
6. «ЗИГ ХАЙЛЬ!»	77
7. РОЛИКИ И КОЛЕСА	88
8. КАРЬЕРЫ	99
9. ВОЗВЫШЕНИЕ	112
10. «БАРБАРОССА»	123
11. ДРОЖАТ ОДРЯХЛЕВШИЕ КОСТИ	136
12. СЛЕД ЛЬВИНОЙ ЛАПЫ	146
13. А ТЕПЕРЬ МОЖНО ТАНЦЕВАТЬ	161
14. ВИЗИТ В СТАЛИНГРАД	175
15. КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ	190
16. ПО СИГНАЛУ «ДОРТМУНД»	210
17. БЛИЦКРИГ	222
Конец ознакомительного фрагмента.	234

Валентин Пикуль

Барбаросса

Роман-размышление

*Светлой памяти отца,
Саввы Михайловича Пикуля,
который в рядах морской пехоты погиб в руинах
Сталинграда, –
с сыновней любовью посвящаю*

НАЧИНАТЬ ЛУЧШЕ С КОНЦА

Последний самолет из Сталинграда... самый последний!
6-я армия Паулюса давно потеряла аэродромы в Питомнике и Гумраке; трехмоторный Ю-52 с трудом оторвался от земли – среди гиблых воронок, обгорелых грузовиков и штабных автобусов, забитых окоченевшими трупами. Чтобы скорее уйти от огня зениток, пилот слишком резко набрал высоту, при этом мешки с полевой почтой сами по себе откатились в хвост фюзеляжа... Перегруженную машину трясло от близких разрывов, осколки часто барабанили в корпус. Штурман прогорланил:

– Это развлекаются русские девки, которых Сталин соблазнил зенитками, вот они и лупят. Поверьте: лучше бы-

ло десять раз пролететь над Тобруком или Мальтой, нежели один раз над русской Волгой...

Ю-52 еще недавно снабжал армию Роммеля в Африке и потому летел над заснеженной степью – желтый, как заморский попугай, замаскированный под цвет пустынь Киренаики. Штурман велел радисту передать в Полтаву, что «воздушный мост» 6-й армии Паулюса разрушен, пусть никто не вздумает повторить их опыт: они последние! Радист сообщил:

– Сальск уже не принимает, садимся в Новочеркасске. Не знаю почему, но это – личное распоряжение Геббельса.

– Геббельс? – удивился пилот. – Но с каких это пор министр пропаганды стал вмешиваться в дела военных?

– Сам дьявол в делах Берлина не разберется...

На аэродроме в Новочеркасске самолет ожидала команда полевой жандармерии и служба войсковой почты. Семь мешков с последними письмами последних солдат «крепости Сталинград» шмякнулись на снег. Теперь предстояла проверка пассажиров, улизнувших из Сталинграда. Раненых из котла давно не вывозили. Покидающие котел должны были иметь разрешение на вылет, заверенное лично Паулюсом или начальником его штаба Артуром Шмидтом. Но была еще спасительной для счастливых справка о тяжелой болезни за подписью генерала-профессора Отто Ренольди – главного врача окруженной армии. Среди пассажиров Ю-52 только один капитан улыбался, почти блажен-

но. Остальные – как выходцы с того света. Впрочем, хлопот жандармерии они не доставили: кинооператор из ведомства Геббельса с отснятой пленкою, немощный генерал с камнями в печени, инженер по наладке станков, знания которого в котле оказались лишними, зубной техник, инспектор метеослужбы, два священника и прочие. Дошла очередь и до капитана, о принадлежности которого к войскам связи можно было судить по желтым петлицам...

Блаженная улыбка еще не покинула его лица.

– Сейчас, сейчас, – пугливо говорил он, ковыряясь в обширном бумажнике. – Генерал Шмидт даже настаивал на моем вылете. Не могу найти! Куда я засунул эту справку?

– Причина вылета? – спросили жандармы.

– Специалист по штабным телетайпам.

– Это профессия, но это не причина.

– Мне обещано место в гарнизоне Кракова.

– Тоже не причина. Может, вы ранены?

– Нет... Впрочем, нуждаюсь в операции.

– Тогда где же справка генерала Ренольди?

– Ренольди меня осматривал, но я...

– Ясно, – сказал офицер полевой жандармерии, и на его груди качнулась большая бляха с № 3307. – Отойдите.

– В сторону... быстро! – заорали жандармы.

Только теперь капитан все понял, и улыбка блаженства сменила серая, как гипс, маска ужаса.

– Не надо... прошу вас, – бормотал он, становясь жал-

ким. — Клянусь... у меня жена... трое детей! Вот они...

Он загораживался фотографией трех кудрявых детишек.

Его расстреляли под «брюхом» самолета, который медленно докручивал в морозном воздухе последние обороты пропеллеров. Большие жирные вши ползали на застывающем трупe.

Жандарм под № 3307 еще передернул затвор «шмайссера».

— Когда же это кончится? — сказал он...

Через пять дней все кончилось: Паулюс капитулировал.

.....
Был объявлен трехдневный траур. Театры, рестораны и даже пивные закрыли. Берлинское радиовещание транслировало траурные марши Бетховена; жутко было от мощного вздрагивания оркестров — в «Гибели богов» Вагнера. Политический радиокомментатор Ганс Фриче прослушивал последнюю сводку советского командования, которую Москва передавала на немецком языке. За этим занятием его и застал Геббельс.

— Ну, что они там? — спросил министр пропаганды.

— Торжествуют... Конечно, такого еще не бывало: один фельдмаршал и сразу двадцать четыре генерала, куда же больше? Сейчас их там загонят в подвалы Огэпэу, где они и подпишут все как миленькие. А потом — пиф-паф в затылок!

Беседа проходила в «Радиодоме» на Мазурен-аллее.

— Надо бы вытащить к микрофону сына Паулюса, — сказал

Геббельс. — Он в чине майора, тоже был в Шестой армии, хотя котел его миновал. Я уже слышу скорбный, но мужественный голос сына, вещающего Германии о героической гибели отца на приволжской площади Павших борцов...

Геббельс шлепнул на стол папку, перечеркнутую по диагонали красной полосой, означавшей: **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**. Неожиданно завел речь о жене Магде и своем пасынке.

— Ночью она, бедняжка, опять жаловалась на перебои в сердце. Я понимаю ее страдания: Гервальд повидал только Крит, и теперь она боится, как бы его не загнали на Восточный фронт. Материнское сердце! Тут ничего не поделаешь... Ну, — спросил он, — а как дела с почтой из Сталинграда?

Над Германией погребально звонили церковные колокола. Фриче был весь в черном — как церемониймейстер на похоронах.

— Семь мешков писем с последним самолетом, — отвечал он. — Вот не ожидал... Когда летом я вел трансляцию из Харькова об успехах Шестой армии по окружению Тимошенко, разве я мог подумать, что вещаю в эфир о покойниках?

— Не раскисать, Фриче! Мы же работаем столько лет... Сейчас самое главное — поставить фильм о короле Фридрихе Великом. Это будет здорово! Пусть мундир короля обветшал и весь в заплатках, пусть режиссер крупным планом выделит его дырявые ботфорты. Но лица королевских гренадеров должны излучать железную веру в победу... Я опять вижу

крупный план! Это будет потрясающий фильм, Фриче...

Паулюс и его генералы этого фильма уже не увидят. Застуженные русские поезда развозили 6-ю армию по лагерям для военнопленных. Их везли так, чтобы они не могли прочесть названия станций. Им оставили все ордена и отличия, но отобрали географические карты и наручные компасы, дабы не возникло соблазнов к побегам. Гитлер в эти дни много рассуждал о том, что напрасно поспешил, присвоив Паулюсу чин генерал-фельдмаршала: он вспомнил красивую благородную даму – секретаршу Геринга:

– Порядочная женщина! Рейхсмаршал распустил свои руки, обращаясь с ней, а она прошла в свой кабинет и застрелилась... Как все просто! Пистолет – это же легкая смерть. Какое малодушие испугаться выстрела... В эту войну больше никто не получит звания фельдмаршала!

Паулюса отвезли в Суздаль, а в Германии о нем сообщили, что он погиб, отстреливаясь до последнего патрона, – на той же площади Павших борцов.

3 февраля Геббельс дал установку для прессы:

«Газеты должны выйти без траурных рамок. На первой странице можно поместить несколько иллюстраций героического содержания. Надлежит описать эту битву в сдержанном, мужественном, национал-социалистском духе. Настал момент, когда немецкие журналисты и писатели должны создать миф, который даст силы грядущим поколениям германской нации. Полученные раны заживут, а героизм пере-

живет века. Разъяснение: самостоятельные комментарии за-
прещаются...»

– Допустимы ли сейчас, – спросил Фриче, – аналогии между нынешним положением рейха и положением старой Пруссии после поражения от русских при Кунерсдорфе?

– Пожалуй... да! – согласился Геббельс. – При этом у микрофона следует напомнить слушателям (но с умом!), что героизм сталинского солдата мало чем отличается от храбрости русского солдата времен царицы Елизаветы. Это скорее упрямство скотов на великой мясной бойне, а совсем не продуманное явление патриотизма, как утверждает нам по радио московская пропаганда...

Мешки с письмами вскрыли в канцелярии Геббельса.

– Начнем творить миф! – сказал он. – Создадим особую комиссию из проверенных членов партии. Срежем адреса на конвертах. Все письма из Сталинграда классифицируем по их настроению. Последние слова гренадеров Паулюса станут основой для создания бессмертной биографии... Я уже вижу, как потомки с трепетом приникнут к этим скрижалям!

Все сделали, как он велел: письма пустили в набор, и тут наступило отрезвление... Геббельсу было доложено:

– Такого мифа создать нельзя! Лишь два процента солдат армии Паулюса еще продолжали верить в дело фюрера, остальные слали проклятия. Вот послушайте: «Сталинград – хороший урок для немецкого народа. Жаль только, что тем, кто получил этот урок, трудно будет использовать его в бу-

душие времена. Но всем нам, немцам, следует помнить о нем...»

Геббельс вчитался в корректуру. Некоторые фразы были уже подчеркнуты цензорами из бюро военно-статистической информации: «Ты – жена немецкого офицера, и ты должна понять все, что я тебе скажу... Я не трус! Но мне обидно, что самую большую храбрость я мог проявить в деле, которое абсолютно бессмысленно и преступно... Итак, ты знаешь, что я к тебе не вернусь. Но меня никто не убедит умереть со словами: „Хайль Гитлер!“

– Да, это для печати не годится, – огорчился Геббельс...

18 февраля он выступил в берлинском Спортпаласте:

– Нам осталось две крайности: капитулировать или открыть тотальную войну... Вы разве хотите поражения?

– Нет, нет, никогда, – хором отвечали из зала.

– Значит, вы хотите тотальной войны?

– Да, да... хотим! – И зал вздрогнул в овациях.

...Геббельс не дожил до Нюрнбергского процесса. Зато на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались два представителя германского генштаба – Йодль с Кейтелем. А фельдмаршал Паулюс занял место на трибуне свидетеля, и, кажется, был момент, когда из свидетеля он мог стать подсудимым.

.....
Нюрнберг! Как он был страшен в те годы...

Американский солдат, удовлетворяя половой инстинкт прямо в подворотне, грубо сказал раскрашенной немке:

– Не все в Германии так уж и погано, как об этом писали в наших газетах. Благодарю вас, фрау!

Немка заплакала от женского стыда:

– Я ведь не проститутка... вдова капитана! У меня трое голодных детей, а что получишь от вас по карточкам?

«Джи-ай», ухмыльнувшись, протянул ей чулок:

– Можешь обменять на кофе... идет?

– А где второй?

– Если хочешь иметь пару, то второй получишь завтра на этом же месте. Сам я не приду, но пришлю вместо себя своего хорошего друга – со вторым чулком!

Да, страшен был Нюрнберг в 1946 году – поверженный, голодный, опозоренный. Над дверями приличных баров висели объявления: «Немцам вход воспрещен». На смену победным радиофанфарам Геббельса пришли ветхие шарманки, напевавшие старое, памятное еще со времен кайзера Вильгельма:

Мое дитя, ты не свихнись,
Где больше спятивших –
Туда стремись...

Бравые сержанты армии США торговали на рынках пенициллином, безногие калеки в мундирах вермахта предлагали авторучки «Паркер». Чашка кофе стала праздником, а жевательная резинка – развлечением. По указанию Эйзенхауэра немцы получали продуктовые карточки в том случае,

если могли предъявить использованный билет на просмотр документального фильма о зверствах нацистов в концлагерях. Американцы гоняли немцев смотреть раскопанные рвы, в которых догнивали трупы замученных, а немцы говорили, что «они ничего не знали». Это бесило американцев:

– Хватит трепаться, будто вы не знали того, что у вас под носом творилось! Почему же мы, жившие за тысячи миль от Германии, были извещены обо всех ужасах в вашей стране...

В нюрнбергском Дворце юстиции заседал Международный трибунал, и там в качестве обвинительных документов тоже показывали фильмы о зверствах гитлеровского режима. Здесь тоже отворачивались от экрана, надевали непропускаемые очки, а некоторые военные преступники даже... плакали. Судьям и прокурорам невольно вспомнилась старинная сентенция: «Бойтесь побежденных немцев! Еще им не удалось затопить мир в крови, они затопят его своими слезами...» Нюрнберг, бывшая «партийная столица» Гитлера, оказался столицей международного правосудия. Конечно, наехало множество журналистов и хроникеров, жаждавших неповторимых кадров, уникальных сенсаций. Но скоро первичная острота впечатлений притупилась. Корреспонденты проводили время в барах пресс-кемпа, маклачили барахлом, флиртовали. Впрочем, администрация Дворца юстиции предусмотрела и это. В бары были выведены репродукторы, доносившие каждое слово прокуроров и подсудимых, о важных событиях процессов оповещали гудками си-

рены, чтобы все поспешили к телетайпам, занимали телефонные будки... Американцы жаловались русским коллегам:

– Все надоело! О чем писать? Вот если бы московский обвинитель Руденко выхватил из карманов галифе пистолет и шлепнул за барьером самого Геринга... ого!

Морозный день 11 февраля не сулил никаких сенсаций. Никаких, пока речь не зашла о плане «Барбаросса» – плане нападения Германии на Советский Союз. Руденко представил Трибуналу письменное показание по этому вопросу Паулюса:

– Его аффидевит прошу приобщить к делу...

Адвокаты, защищавшие на процессе военных преступников, даже в самом имени фельдмаршала ощутили добротный «материал» для защиты Йодля и Кейтеля, благо не кто иной, а сам Паулюс был главным создателем плана «Барбаросса».

Пошептавшись с Герингом и Риббентропом, они заявили:

– Суд, нам кажется, не может довольствоваться лишь письменным аффидевитом, для полного установления истины требуется и личное присутствие Паулюса.

Все заметили удовольствие на лице Геринга. Конечно, большевики способны подсунуть Трибуналу липовую бумажку, будто писанную Паулюсом, но... где они возьмут самого Паулюса? А если фельдмаршал еще не околел после зверских пыток на Лубянке, то что хорошего он может сказать?

Лорд Лоренс почтительно спросил Руденко:

– Сколько надобно времени советской стороне обвинения для доставки сюда свидетеля Паулюса?

– Пять минут, – ответил Руденко.

Это и был тот момент, когда сирена возвестила в пресс-кемпе небывалую для процесса сенсацию. Адвокаты в лиловых мантиях уже ринулись на трибуну:

– Нет, нет! Мы не настаиваем на вызове фельдмаршала Паулюса в качестве свидетеля советской стороны обвинения! Защита ознакомилась с его affidavitом, и она полагает, что этого вполне достаточно для судебного процесса...

Поздно! Уже прозвенел звонок в руке Лоренса:

– Прошу ввести свидетеля Фридриха Паулюса...

Настала мертвая тишина, и в этой зловещей тишине зал услышал четкие шаги человека – это шагала сама история. Появилась подтянутая, юношески стройная фигура генерал-фельдмаршала, одетого в синий ладный костюм. Выражение его лица оставалось непроницаемо даже тогда, когда вокруг него вспыхивали репортерские «блицы», его несколько не смутило резкое жужжание киносъемочных камер...

Нет, это не призрак. Нет, это не загробная тень.

– Вас зовут Фридрих-Вильгельм Паулюс?

– Да.

– Вы какого года рождения?

– Тысяча восемьсот девяностого.

– Вы родились в деревне Брейтенау?

– Да. Гессен-Кассельские земли Германии. – Рука фельдмаршала бестрепетно покоится на Библии. – Клянусь говорить правду, только правду...

Геринг надевает черные очки. Кейтель передает записку Риббентропу, Йодль делает вид, что сейчас нет ничего интереснее на свете, чем играть с карандашом. Паулюс ровным тоном рассказывает, как зарождалась преступная агрессия против Европы, прямо в лицо разоблачает тех, от кого отделен сейчас барьером неприкасаемости. Адвокатам военных преступников такая правда не нужна! Но есть выход: запугать фельдмаршала, вызвать к нему антипатию, здесь же следует превратить его в мерзавца и продажную тварь:

– Знает ли господин Паулюс, что если высокий Трибунал, осуждая фельдмаршала германского генштаба, сочтет этот генштаб организацией преступной, то и господин Паулюс автоматически переводится в разряд преступников?

Но Паулюс не такой человек, которого можно упрятать за барьер. Ясно, что сидеть между Йодлем и Кейтелем он не намерен... Вот его протокольный ответ:

– Я здесь выступаю в качестве свидетеля в отношении тех обвинений, которые предъявлены подсудимым. Поэтому я прошу суд позволить мне не отвечать на вопросы, которые направлены на то, чтобы обвинить лично меня.

Перекрестный допрос адвокатов напоминает ему перекрестный обстрел из пулеметов... еще там, в Сталинграде!

– Правда ли, что вы читаете лекции в московской Академии Генерального штаба, обучая советских генералов?

Что-то вроде улыбки исказило лицо Паулюса:

– Постарайтесь вспомнить, кто кого победил в этой войне. Есть ли резон в том, что русские генералы будут выслушивать мои лекции, основанные на горьком опыте?

– А какая у вас должность сейчас?

– Самая отвратительная – военнопленный.

– Вас привезли сюда из концлагеря?

– Нет. Я живу под Москвою... на даче.

– И чем же вы заняты на этой даче?

– Вспоминаю. Рисую. Кормлю белок. Развожу цветы...

Чешский журналист из «Руде право» Зденек Кропач записал:

«Когда фельдмаршал уходил, не чувствовалось, что он устал. Все такой же уверенный в себе, он шел длинными коридорами в сопровождении советско-американского конвоя».

Здесь его перехватил корреспондент Хейдеккер:

– Один вопрос – как живет пленным в России?

– Хорошо, – ответил Паулюс кратко.

«Джи-ай» уже отталкивал Хейдеккера, приказывая ему удалиться, но тот успел еще крикнуть:

– Хорошо? И даже вашим сталинградским?

– Успокойте немецких матерей, – холодно произнес Паулюс. – Напишите в своей газете, что германские военноплен-

ные в России обеспечены гораздо лучше, нежели русские дети... Они были бы счастливы иметь сахарный паек – какой имеют мои солдаты...

.....

Повидать отца приехал из-под Кёльна сын, Эрнст-Александр Паулюс, бывший майор вермахта. На постоянном дворе в деревне под Нюрнбергом майор не отказался от беседы с московским журналистом Михаилом Гусом, который всю войну вел в эфире борьбу с радиопропагандой Геббельса.

Здесь, в немецкой деревне, Гус узнал, что осенью 1944 года семья фельдмаршала была репрессирована.

– Арестовали не только меня, но и мать, жену, всех детей. Я сидел в гестапо на Принц-Альбертштрассе, восемь. Потом перевели в военную тюрьму Кюстрина. Сейчас с женою проживаю во Фризене, где служу на печной фабрике тестя...

– Наверное, репрессии обрушились на вашу семью, когда фельдмаршал выступил по московскому радио против нацистского режима и лично против Гитлера?

– Пожалуй, раньше... Сразу, как только отец вступился за генерала Зейдлица, и я до сих пор не пойму, зачем он это сделал? Отец знал обстановку в рейхе, мог бы и пощадить нас. Я знаю, что Зейдлиц в плену стал вашим агентом. Но он предал моего отца еще в котле. Роль этого генерала в судьбе отца оказалась столь же роковой, как и влияние Артура Шмидта... Вы его знаете?

– Да, майор. Они и в Сталинграде не ладили. Генерал

Шмидт, как нацистский преступник, осужден на двадцать пять лет и освободится вскоре.

В беседе было никак не миновать Сталинграда.

– Вы, – сказал майор Паулюс, – не должны думать об этой трагедии упрощенно. Это не только наше поражение и не только ваша победа. В котле Сталинграда возникали проблемы не обязательно военные. Были и политические. Были и чисто моральные. Надеюсь, с вашей стороны тоже возникали подобные вопросы. А теперь немецкий фельдмаршал, мой отец, вынужден перед лицом Международного трибунала осуждать своих же коллег.

– Все, что делает ваш отец, – отвечал Гус, – он делает добровольно, и не ошибаетесь ли вы, думая, что он вынужден давать показания? Вам, вышедшему из тюрьмы гестапо, не следовало бы рассуждать так наивно. Простите меня.

– Ах, при чем здесь тюрьма! Франц Гальдер, начальник нашего генштаба, тоже сидел в концлагере, Ялмара Шахта американцы вытащили чуть ли не из печей крематория в Дахау. А теперь вы же объявили их военными преступниками... Да, – заключил майор, – Германия сейчас в слезах, но придет время, и мы, побежденные, еще станем потешаться над вами, победителями. Помните, что завещал великий Шиллер: «Даже на могилах пробиваются яркие ростки надежды...»

И даже здесь, в пригородах Нюрнберга, скрипела старинная шарманка, воскрешая былое, из которого все и возник-

ЛО:

Мое дитя, ты не свихнись,
Где больше спятивших –
туда стремись...

Часть первая

БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ

Следуй реке, начиная с ее истоков. Истина сегодня – завтра окажется ложью.

Ф. Паулос. Из записной книжки

Мне тогда совсем не приходила в голову революционная мысль о том, чтобы сознательно вызвать поражение и тем самым привести к падению Гитлера и нацистского режима как препятствия для окончания войны.

Из архива фельдмаршала Ф. Паулоса

Фридрих Паулос – одна из наиболее выразительных фигур германского фашистского генерального штаба. Судьба этого человека, если рассматривать ее через призму исторических судеб германского милитаризма, характерна.

Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа

1. РУКИ ПО ШВАМ

Красная вертикаль лампаса подчеркивала его стройность.

Внешне и внутренне Фридрих Паулос как бы выражал некий эталон образцового генштабиста. Неразлучное при-

существование красивой жены с ее очень выразительной внешностью яркой бухарестской красавицы дополняло его лаконичный облик.

В светском обществе он любил вспоминать былое:

– Дамы и господа, я вышел из школы Ганса Секта, стесненного условиями Версальского мира. Сект не имел права усиливать нашу армию. Но старик извернулся, найдя выход. В его рейхсвере любой фельдфебель готовился в лейтенанты, а лейтенанты умели командовать батальонами. Версаль воспретил нам, немцам, иметь танки! Но в автомобильной роте Цоссена мы обучались на тракторах, ибо трактор сродни танку. А наши замечательные конструкторы втайне уже работали над проектами совершенных форм и прекрасных моторов. Наконец пришел Гитлер, он денонсировал позорные статьи Версаля, и мы сразу оказались закованы в крупную броню...

Типичный офицер старой школы, Фридрих Паулюс, отдадим ему должное, был далек от пруссачества – с его моноклем в глазу и выпревшим фанфаронством. Ему, рожденному при жизни Бисмарка и Мольтке, было суждено отмаршировать в рядах армии кайзера, рейхсвера генерала Секта и гитлеровского вермахта. Перешагнув за сорок лет, Паулюс с нежной грустью вспоминал минувшую эпоху «Вильгельмцайт», отзвучавшую призывными звуками вальса:

– Германия жила иначе. По вечерам на улицах слышалась музыка, немцы были добрее и много танцевали. А какие

вкусные ликеры привозили из Данцига! Тогда от самой Оперы до Бранденбургских ворот можно было гулять под липами...

Теперь – увы – Унтер-ден-Линден казалась голой: Гитлер вырубил древние липы, посаженные еще при Гогенцоллернах, чтобы деревья не мешали его факельным манифестациям.

Паулюс всегда грустил, вспоминая эти берлинские липы, а площадь Павших борцов в Сталинграде еще не тревожила его стратегического воображения, да и сам Сталинград на картах именовался по-старому – Царицын. Но как генштабист, Паулюс хорошо знал самое для него существенное:

– Там у большевиков тракторный завод, а где трактора – там и танки. Только этим интересен для меня этот город...

А все-таки, читатель, как же эта жизнь начиналась?

.....

Фридрих Паулюс был сыном счетовода, служившего в тюрьме Касселя; мать его, тихая и болезненная женщина, была дочерью дирижера, управлявшего хором арестантов в той же тюрьме, и, пока тесть разучивал с арестантами божественные хоралы с призывами ко Всевышнему о милости, его отец отщелкивал на счетах количество съеденного арестантами гороха с салом.

Семья Паулюсов, очень старинная в Гессен-Кассельских землях, знатной родословностью не могла похвастать, ибо

их предки извечно крестьянствовали, лишь одиночки выбились в священники, сельские учителя или оставались мелкими чиновниками.

Отец внушал быстро подрастающему сыну:

– Всегда помни, Фриц, что все гессенцы, потомки древнегерманского племени каттов, были людьми честными, верными и добропорядочными. Знай, что лучше совсем не иметь друзей, но только бы никогда не иметь и врагов.

– Да, папа, – соглашался мальчик...

Паулюсу запомнилась вечно заботящаяся обо всех мать, старательный труженик-отец, который вечерами иногда приносил домой кастрюлю с гороховой похлебкой, что оставалась от ужина арестантов, семья Паулюсов насыщалась, старательно вспоминая Бога, который о них не забывает.

Шел 1909 год, когда Фридрих Паулюс закончил гимназию и вышел в большой мир, который для него был заранее ограничен кастовыми перегородками. Он вырос грамотным, послушным, со всеми одинаково ровный, ни с кем не сближаясь и ни с кем не враждуя. Его аттестат зрелости лишь подтверждал достоинства юноши, но дорог в будущее не указывал. Германия времен кайзера была строгой империей, где все люди были заранее расположены по сословиям, как товары в магазине по полкам, и рожденный в подвале не смел претендовать на место в высших этажах имперского здания. Свою ущербность выходца из мелкобуржуазной семьи Паулюс испытал сразу же, когда его не приняли в военно-мор-

скую школу.

– Советуем быть скромнее в своих желаниях, – заявили в школе Паулюсу. – Разве у вас в роду имелись офицеры?

– Нет, – стыдливо покраснел Паулюс.

– Может, были коммерц-советники?

– Тоже нет.

– В таком случае ищите в жизни другие пути...

Иные пути привели его в Марбург, где Паулюс стал изучать право в университете. Юридическая казуистика не заманивала его в свои головоломные дебри, где привольно паслись будущие зубры прокуроры и адвокаты с повадками хитрых лис, – Паулюса волновало иное: как ему, сыну счетовода, сбросить ярмо своего презренного сословия, чтобы вступить в новый, сверкающий мир?..

Факультет права в Марбурге примыкал к клинике для умалишенных, и вечерами, покинув аудитории, Паулюс гулял в скверике, раскланиваясь с психопатами, среди которых встречались умнейшие люди. Как-то один из них, узнав о сессиях юноши, сказал, что история Германии во все времена была, есть и будет только историей офицерского корпуса:

– Рано или поздно Германии предстоит вести большую войну, и армия готовится к ней, допуская в офицерское казино даже отпрысков из семей чиновничества. Попробуйте счастья в Баденском полку имени принца Евгения Савойского... Служить не трудно, если держать руки по швам!

Паулюс начал службу в звании «юнкер-ассистента при знамени». Это случилось в феврале 1910 года, а осенью уже выбился в фенрики – кандидаты в офицеры. Он получил допуск в офицерское казино, под сень которого и вступил с молитвенным настроением пилигрима, отряхнувшего прах с ног своих, чтобы войти в заколдованный храм, где ему откроются непреложные истины. Тогда же Паулюс окончил военную школу в Энгерсе, и наконец пробил волшебный час: в августе 1911 года он стал лейтенантом. Первой узнала об этом его любимая сестра Корнелия, которую в семье называли Нелли. При встрече в Ранштадте она пылко ласкала эполеты на плечах брата, целовала эфес его сабли.

– Кто бы мог подумать, – шептала она в небывалом экстазе. – Неужели и мы, Паулюсы, стали иметь офицера? Фриц, только б не было войны... Ах, ты бы знал, что стало с отцом и матерью, когда они известились о том, что их сын – лейтенант!

– Нелли, – отвечал Паулюс, обнимая ее узкие плечи. – Знала бы ты, что со мною происходит! Да, я ступил одною ногою на ту лестницу, по которой легко избегали другие. Но теперь, теперь... я очень влюблен.

– Так это же хорошо, – порадовалась сестра.

– Это очень сложно. Ибо добиться руки и сердца моей избранницы для меня сейчас труднее, нежели стать фельдмаршалом. Не пугай маму и папу тем, что у их сына кружится голова.

.....
Было от чего закружиться голове лейтенанта...

Внешне это ни в чем не проявлялось: Паулюс оставался по-прежнему пунктуальным в службе, ровным в обращении с высшими и низшими, его голос – в радости или гнев – оставался спокойным. Казалось, возмутить его невозможно! Высокий и очень стройный, Паулюс был излишне щеголеват, бдительно следил за чистотой манжет, за блеском своих сапог, за строгоустановленным размером мундирного воротничка.

– Милорд, – говорили о нем в Баденском полку, и он даже гордился этим прозвищем, которое заслужил корректной холодностью, одинаково пленявшей и его врагов, и его друзей.

Товарищами в полку были два брата-румына – Ефрем и Константин Розетти-Солеску, сыновья бухарестского консула в Берлине, и Паулюса влекло к братьям, ибо они для него были выходцами как раз из того загадочного и волшебного мира, который для Паулюса всегда оставался недоступным.

– Знай, – говорили братья, – что по линии матери мы происходим от племянника римского императора Юстиниана, наши предки из Генуи выехали в Валахию, где и стали боярами. Прабабушка была из рода князей Стурдза, что были господарями Молдовы, а наша бабка из сербской династии Обреновичей, что были королями в Белграде. Наконец, наш родной дядя, Георг Розетти-Солеску, был румынским послом в Петербурге, где и женился на Ольге фон Гире, племяннице русского министра иностранных дел в царствова-

ние Александра III...

Да, действительно, было от чего закружиться голове Паулюса!

Розетти-Солеску считались в Баденском полку крезами, ибо их мать, разведенная с мужем и оставшаяся жить в Германии, имела немалые доходы с колоссальных имений в Валахии, – к маркам они относились небрежно, а Паулюс подсчитывал даже пфенниги. Как бы ни был он респектабелен внешне, как бы ни стремился оставаться в душе порядочным человеком, все равно Паулюс в глубине сердца мучительно завидовал аристократам, родня которых образовала космополитическую диаспору – от Петербурга до Берлина, от Белграда до Бухареста.

– Где ты проводишь отпуск? – спросили братья.

– Да так... где придется. А что?

Но при этом подумал, что дома, в родимом Касселе, опять ему доедать вчерашний суп, слушать вздохи и стоны матери, вечно больной, слушать, как после ужина отец будет вслух читать газету «Тетка Фосс» – о берлинских сплетнях, а сестра позовет в гости свою любимую подругу Лину Кнауфф, давно влюбленную в Паулюса, чтобы потом исподтишка и даже завистливо наблюдать за развитием романа... Тошно!

– Вот что, – сказали ему братья Розетти-Солеску, – мы отдыхаем летом в горном Шварцвальде, составь нам компанию для отдыха. Кстати, у тебя такие длинные руки и ноги, что как раз годишься сестре для игры в теннис.

Спасибо, что пригласили! Уже не денщик в казино ставил перед Паулюсом тарелку, а вышколенный лакей расставлял перед ним целый куверт из серебра с бокалами. Аристократическим холодом веяло от матери его однополчан. Катаржина Розетти-Солеску была дружна с румынской королевой Елизаветой, по рекомендации которой она и была принята в Карлсруэ при дворе баденской герцогини Луизы, что доводилась дочерью германскому императору Вильгельму I. Придворная дама, внешне очень приятная, она смотрела на лейтенанта Паулюса свысока, словно на мелочь, недостойную ее внимания.

Усаживаясь во главе стола как хозяйка дома, Катаржина Розетти-Солеску даже и не посмотрела на Паулюса и, заметив пустой стул возле него, недовольным тоном сказала:

– Моя дочь имеет дурную привычку опаздывать...

Елена-Констанция, ее дочь, села рядом с Паулюсом, и он невольно сжался, очарованный ее красотой и напряженный оттого, что боялся ее вопросов, неожиданных для него, на которые не всегда мог ответить. После обеда Елена предложила ему прогулку до водопада в Раумюнцбахе.

– Извините, что по-немецки я говорю с акцентом француженки, – сказала девушка. – Виною тому мое воспитание. Наверное, не самое лучшее для моего круга...

Паулюс осторожными намеками выведал, что она старше его на один год, что воспитание она получила сначала в Париже, училась в пансионе Константинополя, а потом...

– Потом окончила девичий лицей королевы Виктории в Карлсруэ, почему и принята при дворе герцогини Луизы...

И вдруг случилось чудо! На горной тропе Паулюс испытал головокружение, и Елена-Констанция бережно указала ему место, где можно присесть, чтобы избавиться от дурноты при виде пропасти.

– Вы очень милы, лейтенант, – сказала она, откровенно любуясь им. – Мне братья рассказывали о вас. Кстати, я забыла, как зовут вас в полку?

– Милорд, – смущенно отозвался Паулюс.

– А еще как?

– Кунктатор. Потому что я слишком щепетилен в вопросах службы, стараясь быть пунктуальным во всем, что я делаю.

Стройная и красивая, она долго смотрела вдаль, а внизу, где-то глубоко, струились к вершинам тонкие дымки деревень шварцвальдских крестьян. Кажется, девушка о чем-то думала. Неожиданным был для Паулюса ее вопрос:

– И что же теперь вы собираетесь делать?

– Я хотел бы...

«Поцеловать вас», – ожидала она, но ответ был иным:

– Я хотел бы получить адъютантскую должность, ибо склонен к усидчивой кабинетной работе при штабах.

– Это... все? – смущенно спросила она.

– На первые годы – да, я был бы счастлив.

– Вы ошибаетесь. Аксельбант адъютанта от вас не уйдет,

а вот я могу уйти и оставить вас на этой горной тропе, где вы изнемогаете от робости и головокружения...

Все стало ясно! Брак предстоял морганатический, неравный для нее, зато очень выгодный для Паулюса, сразу выводящий его из общей шеренги лейтенантов. Паулюсу было не совсем-то удобно представлять жену-аристократку в родительском доме, которую он ласково называл Коко, но она восприняла все как надо – и бедный суп с картофелем, и чтение по вечерам газеты, и даже сестру мужа – Корнелию, которая смотрела на свою золовку во все глаза, как на заморское чудо...

Вот и 1914 год! В этом году началась мировая война, а жена Паулюса одарила его дочерью, которую нарекли славянским именем – Ольга; в конце той же войны Елена-Констанция разрешилась близнецами-сыновьями. Фридрих в чине капитана будет убит итальянскими партизанами после свержения Муссолини, а второй сын, Эрнст-Александр, – это тот самый майор вермахта, который в Нюрнберге 1946 года почти озлобленно заявил нашему корреспонденту:

– Вы слишком гордитесь своей победой. А скоро все вы, и русские и ваши союзники, разинете рты от изумления, когда избитая Германия поднимется с корточек, на которые вы немцев поставили... Так уже было! Было после Версальского мира, так будет и после Потсдамского... А имя моего отца уже принадлежит истории!

2. ВНИМАНИЕ – ТАНКИ!

Паулюс закончил войну капитаном, имея Железный крест от кайзера. Подвигов за ним, правда, не числилось, да он и сам не стремился совершать их. Известно: Паулюс использовал годы войны для того, чтобы заявить себя штабным работником. Он держался подальше от окопов и поближе к начальству; он не сидел в блиндажах, давя на себе вшей, а в тиши кабинетов, благоухая одеколоном, составлял отчеты по расходу вооружения и графики движения войск. «Офицер для поручений», Паулюс становился необходим для начальства, как хороший справочник для повседневного употребления. К тому же он обладал природным тактом, был сдержан в выражении эмоций, умел совмещать несовместимое, очень любил писать, никогда не уставая, неизменно помня о том, о чем начальники часто забывали, – все эти качества делали Паулюса нужным всем командирам.

Один из его полковников, принц Эрнст Саксен-Мейнингенский, в душе артист и художник, предупреждал Паулюса, чтобы тот никогда не совался в политику, и в этом случае предрекал ему скорую карьеру генеральштеблера (офицера генерального штаба):

– Только не лезьте в это вонючее дерьмо, что называется политикой, – говорил принц. – Если бы не политики рейхстага – мы бы сидели сейчас дома возле камина, а кошка ка-

тала бы клубок ниток возле ног любимой жены... Разве же это плохо, Паулюс?

Война закончилась Версальским миром, который офицеры называли «позорным», готовые хоть сейчас «переиграть» войну заново. Германия была в разброде чувств и мнений, все чего-то хотели, все кого-то ненавидели, а больше всего немцы хотели... есть! Однажды в отеле «Бристоль», где вместо масла подавали маргарин, а вместо свежего мяса консервы, Паулюс заказал натуральный бифштекс, который стоил четыреста марок, а одноглазый официант, распознавший в нем фронтовика, дружески предупредил:

– Ешьте скорее, ибо цены растут, и, пока вы ковыряетесь с ножом и вилкой, бифштекс будет стоить уже семьсот марок...

Ряды рейхсвера редели, множество офицеров слонялось без дела, вспоминая блиндажи и окопы, как уютные квартиры. Отставные генералы хвастались победами, каждый из них выиграл грандиозную битву, и было лишь непонятно, почему все вместе они проиграли войну, ввергнув Германию в хаос нищеты, в разброд инфляции и политической бестолочи. Паулюсу повезло: он остался в рядах рейхсвера, продолжая делать карьеру, столь удачно начатую...

Как искусствовед по фрагменту картины безошибочно угадывает автора полотна, так и Паулюс – по рельефу местности и отметинам построения войск – точно определял время и название битвы. В эти трудные годы ни он, ни его семья

нужды не испытывали, ибо доходы с валашского имения Капацени поступали регулярно. Паулюс имел хорошую квартиру на Альтенштайнштрассе, но служба постоянно отрывала его от любимой жены и детей, которых он очень любил.

Военная служба однажды забросила его в Штутгарт, где стоял 13-й полк (пехотный), и здесь, далекий от того, чтобы заводить друзей, он, кажется, нашел друга, и позже, много лет спустя, что-то роковое будет связывать его с ним, делая неудачи одного зависимыми от побед другого.

Этого офицера звали Эрвин Роммель, он был тогда командиром пулеметной роты, а в офицерском казино Роммеля иначе как «швабский задира» и не называли. Казалось, что общего может быть между ними? Роммель – обвешанный орденами фронтовик, всегда готовый выпить и поскандалить, а Паулюс – джентльмен, с утра застегнутый на все пуговицы, легко ранимый грубостью, тихий, иногда даже мечтательный. Однако крайности сходятся, и Паулюс, обычно замкнутый, был с Роммелем доверителен.

– Эрвин, – как-то сказал он ему, – ты со своим буйным характером когда-нибудь оставишь голову в канаве.

– Завидуешь? – хохотал Роммель.

– Нет. Я не люблю строчить из пулеметов, предпочитая любой стрельбе музыку Баха... Моя мечта – планировать и руководить; чтобы слева от меня лежали карты, а справа – названивал телефон. Наконец, я хочу читать лекции по оперативному искусству, чтобы видеть раскрытые рты слушате-

лей.

– Валяй, Фриц! Может, заодно и выпьем?

– Ты пей, а я должен быть со свежей головой, чтобы вечером, как актер, отрепетировать свои планы на завтра.

– Черт с тобой, репетируй! А я напьюсь...

Паулюс уже прошел специальные курсы для офицеров генерального штаба, сдал экзамены в Высшей технической школе в Шарлоттенберге, куда неучей не принимали, изучил военную топографию. Брак с румынской аристократкой во многом дописал облик Паулюса; умная и образованная женщина, она привила мужу интерес к широким познаниям, от Коко он приобрел лоск культурного светского человека (будучи в плену, фельдмаршал поразил нашего академика А. М. Кирхенштейна: «Фельдмаршал со знанием дела говорил мне о новейших способах лечения туберкулеза, о целебных свойствах швейцарского курорта Давоса, о последних трудах немецких физиологов...»).

Осенью 1931 года Паулюса отозвали в Берлин, где его поздравили с чином майора генерального штаба и поручили ему чтение лекций по вопросам тактики:

– Вы же знаете, Паулюс, как унижена наша армия всякими запретами «Версаля», и потому курс ваших лекций не будем афишировать для публики. Часть офицеров, ваших слушателей, нужна для окружения этого... Ну, вы догадываетесь, этого ефрейтора Адольфа Гитлера, чтобы мы, военная элита, водили его потом на коротком поводке. Но у нас имеется

запрос из Москвы, чтобы курс лекций по тактике прослушали и советские командиры.

Удивляться не стоит: Гудериан учился водить танки в Казани, говорили, что Геринг учил наших ребят водить самолеты в Липецке, ибо отношения между немцами и русскими были приличными.

Имя Гитлера было известно, но Паулюс не придавал фюреру нацистов особого внимания и значения.

– Я привык держать руки по швам! – не раз повторял Паулюс. – Мои погоны майора определяют мое положение в рейхсвере, но никак не могут определять мои политические взгляды...

Кажется, его недаром прозвали «кунктатором» (замедлителем). Паулюс любил все обдумать и взвесить, за раскаленное железо он голыми руками не хватался. В служебной характеристике его было начертано:

«Прекрасно воспитанный, иногда излишне скромен... почитителен, очень методичен. Отличается выдающимися способностями как тактик, хотя склонен тратить чрезвычайно много времени на обдумывание обстановки... детально исследует каждую ситуацию».

– Пожалуй, – сказал Гудериан, – этот человек мне подойдет.

Гудериана называли в рейхсвере, а потом и в гитлеровском вермахте «быстроходным Гейнцем»!

.....

Танки... Когда лорд Китченер, отъявленный консерватор, увидел первый танк, ползущий по земле, он сказал:

– Этой дурацкой тарактелкой хорошо бы пугать беременных кошек, но разве таким железным ящиком можно выиграть войну?..

Время опровергло скептицизм. Когда Паулюс начал в Цоссене «пахать» землю на тракторах, далеко за океаном молодой, еще никому не известный майор Дуайт Эйзенхауэр уже призывал в американских газетах: «Нужно забыть о неуклюжих неповоротливых машинах. Их место должны занять скоростные, надежные танки, обладающие колоссальной разрушительной силой».

Гитлеру недолго оставалось до прихода к власти; немецкий генштаб, работавший еще скрытно, почти подпольно, однажды встревожился, а все думающие военные, в том числе и Паулюс, были крайне озабочены сообщением из Москвы.

– Неужели русские нас перегнали? – говорил Гудериан. – У них в армии появились механизированные корпуса. Правда, – успокоил он себя, – я не вижу у них хороших машин, их конструкторы еще не нашли верных решений для своих «роликов», чтобы маршевая скорость отвечала силе оружия...

В рейхсвере и вермахте танки было принято именовать роликами. Гудериан в чине полковника был тогда начальником главного штаба всех мотомеханизированных частей.

– Вы уже покатались на тракторах, – сказал он Паулю-

су, — а сейчас приходит время готовить боевые машины. Чтобы французы или англичане не слишком нервничали, будем считать, что в Вюнсдорфе существует только автотранспортная часть...

Паулюс тогда же получил чин подполковника.

Гитлер явно спешил к власти, а престарелый маршал Гинденбург не торопился умирать, чтобы освободить ему вершину политического парнаса. Как и большинство военных, Паулюс не испытывал никакой гармонии с идеями национал-социализма, и он даже не удивился, когда генерал Герд фон Рундштедт высмеял бредовые мысли Гитлера о расовом превосходстве немцев:

— Боже мой, какая бессмыслица! И разве можно говорить о «чистоте расы», если население Германии — *сброд*? В наших дедушках и прабабушках мы отыщем слияние славянской, романской и динарской кровей. Стоит ли говорить о чистоте крови, если в древности даже Берлин был славянской деревушкой на берегах Шпрее, в которой славяне ловили раков и осетров.

Фельдмаршал Теодор-Федор фон Бок, поздравляя Паулюса с назначением на танкодромы в Вюнсдорф-Бергене, о политической «возне» там, наверху, высказался более откровенно:

— От размягчения костей немецкий народ переключается на размягчение мозгов... В любом случае, — договорил фон Бок, — от этого парня с челкой на лбу всегда надо прятать

спички подальше, чтобы он не устроил хорошего пожара...

Нет цели светлей и желаннее.
Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра всю землю возьмем...

Из источников достоверно известно: Паулюс воспринял появление Гитлера с брезгливостью чистоплотного человека; ему, как и многим немцам, претили нравы нацистской верхушки, возмущали их крикливые выходки. Но мундир требовал повиновения:

– Я только солдат. Мои руки – по швам! Мы во времена Секта даже не задумывались над политикой. Во что превратится армия, если в казармах устроят публичные митинги?..

Его отчасти обескуражило, что многие офицеры, которых он знал и достаточно уважал, вдруг оказались в окружении Гитлера. Паулюс всегда сторонился любой «партийности».

– Вокруг любой идеи, – говорил он, – будь она плохой или хорошей, всегда крутится толпа бездельников, словно вокруг бочки свежего пива. Потом к идее примазываются всякие жулики и политические аферисты, заинтересованные уже не в идеалах партии, а лишь в том, чтобы нажраться как можно больше при жизни и оставить детям кое-что в банках Швейцарии. И пусть наши социологи не завираются: еще никому не удалось создать рай на земле, зато в аду каждый человек побывал...

В офицерском казино Вюнсдорфа, конечно, были одни разговоры, а в семье Паулюса совсем иные. Катаржина Розетти-Солеску, его теща, была переполнена гневом аристократки.

– Это грязный плебей с замашками балаганного зазывалы, – говорила она о фюрере, а жена Паулюса не возражала матери, она еще более едко судила о Гитлере и его компании.

Паулюс, оставаясь почти равнодушным, отвечал теще, что Гитлер не с потолка свалился, а пришел к власти демократическим путем – через всенародное избрание.

– Ах, эта демократия! – восклицала теща. – Все преступления прикрывает она заботою о народе. Вы только посмотрите, что случилось с Россией, когда убили царя... Нет, я была и остаюсь убежденной монархисткой.

– Я... тоже, – добавила Елена-Констанция. – Впрочем, история любой страны знала диктаторов: во Франции – кровавый Робеспьер, в Италии – дуче Муссолини, в России – азиат Сталин, а у нас, а у нас... Гитлер!

Как бы то ни было, но вскоре Паулюсу стало импонировать внимание фюрера к созданию мощного вермахта, к развитию боевой техники. Гитлер не поленился лично посетить Вюнсдорф, и во время обкатки новых танков системы Т-1 Паулюс убедился, что фюрер ценит силу моторов, они очень мило и даже душевно побеседовали о фильтрах, всасывающих воздух в утробу раскаленного чудовища. Паулюс остался доволен визитом Гитлера и потом, встретившись с гене-

ралом Вальтером фон Рейхенау, сказал ему:

– Наш ефрейтор разбирается даже в танковых фильтрах. Вот чего я никак от него не ожидал...

Рейхенау, грубый весельчак, долго смеялся:

– Нам следует держаться этого удачливого парня! Если бы Гитлер играл в картишки, он бы каждый вечер таскал домой по чемодану денег. На чьей стороне воевать – за чертей или за ангелов – этот вопрос оставим для мозаключений папы римского.

Под окнами рейхсканцелярии не расходились берлинские обыватели, ждавшие явления фюрера на балконе, как чуда, и кричали ему: «Хайль, Гитлер!» Правда, в толпе находились и отчаянные смельчаки, под шумок возвещавшие «Хальб-литер!» (что означало хвалу пол-литру шнапса). Но это были герои-одиночки. Берлинскую толпу уже пронизывали агенты гестапо, как жирную землю пронизывают алчные черви...

Скоро жене Паулюса надоели его постоянные поездки по танкодромам и мотошколам в Вюнсдорф-Бергене и Дебериц-Эльсгрунде:

– Не пора ли, Фриди, осесть где-нибудь при штабе?

Паулюс понимал ее сетования, он и сам хотел бы уйти в кабинетную жизнь, в приятный шорох разворачиваемых по ночам карт и графиков, за которыми стояло призывное выражение Гудериана: «Танки – вперед!» На Гудериана же он и сослался:

– Коко, все зависит от «быстроходного Гейнца»...

Судьба Паулюса разрешилась 1 июня 1935 года, когда, срочно вызванный в Берлин, он предстал перед Гудерианом. Тот был обложен стопками книг, и среди них Паулюс успел заметить только военные труды Фуллера и Лидел Гарта.

– Кажется, – сказал Гудериан, – Тухачевский в Москве начал понимать то, о чем я твержу много лет нашим болванам. В будущей войне главным фактором станет движение, помноженное на мощь огня... Поздравляю! – вдруг сказал Гудериан.

– С чем? – удивился Паулюс.

– Отныне вы – полковник генерального штаба и... Я отъезжаю в Вюрцбург принимать новую панцер-дивизию, а вы остаетесь на моем месте.

– Кем?

– Начальником главного штаба всех мотомеханизированных войск, которые и станут для вермахта главной бронетанковой силой... Надеюсь, вас устроит мой кабинет?

– Благодарю.

– Благодарите фюрера, который очень хорошо отзывается о вас, Паулюс, ему сейчас нужны именно такие люди, как вы, чтобы не болтать, а – делать...

На прощание Гудериан преподал Паулюсу добрый совет: так как у Гитлера есть техническое чутье ко всему, что касается развития техники, то Паулюс в любом случае может добиться успеха в борьбе за все новое в танкопроизводстве, если он обратится непосредственно к фюреру:

– Фюрер поймет и поможет. Всего доброго, Паулюс...

В новом звании и с новым назначением Паулюс вернулся домой, на Альтенштайнштрассе, с букетом цветов.

– Теперь мы, Коко, не расстанемся. Все получилось так, как ты и хотела. Конечно, мое призвание – теория. Я ведь не Гудериан, который согласен дрыхнуть внутри танка; ты, Коко, сама знаешь, что я более склонен к мозговым решениям!

Однако этот интеллектual, склонный (не спору) лишь к умственному труду, въехал в историю Европы на грохочущем танке, заляпанном грязью, кровью и мозгами раздавленных людей. Бронетанковая сила вермахта была основой всех будущих агрессий, и Паулюс оказался в числе первых – после Гейнца Гудериана! – толкователей глубоких прорывов, бронированных таранов на поле боя. В силу своей порядочности, очень далекий от примитивной зависти, Паулюс иногда все-таки испытывал к «быстроходному Гейнцу» некое ревнивое чувство, которое от Коко и не думал скрывать:

– Верно ли считать Гейнца автором танкового блицкрига? За время учебы в Казани он наверняка перенял для себя новое из тактики русских. Наконец, немало позаимствовал из рассуждений австрийца фон Эймансбергера, который раньше всех нас преподнес миру идею глубокого танкового прорыва. Русские перевели фон Эймансбергера, и, надо полагать, в будущем они учтут наступательный дух своих танковых двигателей.

.....

Еще в двадцатые годы Берлин был переполнен русскими эмигрантами, русская речь звучала на улицах, всюду русские издательства, русские журналы в киосках, на киноэкранах – русские актеры, вечерами шумели русские рестораны, из которых на улицы немецкой столицы выплескивалось столь знакомое:

Марфуша все хохочет,
Марфуша замуж хочет,
И будет она верная же-е-на-а-а...

В ту пору даже существовал анекдот. На улице встретились двое русских, поздоровались, вспомнили, как водится, феерический блеск Петербурга или дремотную тишину Тамбова.

– Ну, а как тебе Берлин? – спросил один другого.
– Да ничего городишко. Одно в нем плохо.
– Плохо? А что же?
– Да то, что немцев в нем еще много и – вот беда! – все немцы говорят по-немецки...

Понятно, что русские эмигранты не миновали и дома Паулюса, где их любезно привечали Розетти-Солеску, мать с дочерью. Теще Паулюса, конечно, эти эмигранты казались намного интереснее и дороже тех выскочек «нового времени», что появились при Гитлере на высотах власти и которые – это было ей даже неприятно! – появлялись иногда за столом в доме ее зятя.

Паулюс никогда не питал особого любопытства к России (по родству жены он более интересовался Румынией), но как хозяин дома полковник радушен к русским. В его обширной квартире на Альтенштайнштрассе перебивало немало знатных эмигрантов: Бискупский – муж певицы Вьяльцевой, а теперь приятель Гиммлера, графы Шуваловы, князя Васильчиковы и граф Валентин Зубов. Специально для русских ставился самовар, и, попивая чай, неумело заваренный горничной, Паулюс вежливо вникал в разговоры гостей, не всегда ему понятные, о той России, что была раньше и какой не стало. Иногда он даже вмешивался в беседу, но информация Паулюса о новой русской жизни была скорее забавной:

– Мне рассказывали люди, недавно побывавшие в России, что русские после революции приобрели очень странные, даже дикие привычки. Так, они теперь не любят иметь отдельные квартиры, а стараются занимать в них лишь отдельные комнаты. Мало того, страсть к коллективизации так велика, что русские почему-то любят спать по пять-десять человек в одной комнате: мужчины, женщины, дети – все вповалку...

Странно, что Паулюс, человек эрудированный и начитанный, был очень далек от понимания русской культуры; он знал лишь музыку Чайковского, что-то слышал о Пушкине, но русская история и русское искусство оставались для него книгою за семью печатями. Перед женою он оправдывался:

– Коко, ты напрасно надо мною подшучиваешь. Я все-таки генералштеблер, и по этой причине знание рельефа рус-

ской равнины для меня более важно, нежели русская поэзия...

Елена-Констанция, как румынка, наоборот, высоко ценила русскую культуру и однажды, выбрав вечер, увлекла мужа в театр, где ставили «Три сестры» Чехова:

– Посмотришь, как жили русские раньше – еще до того, как их обуяла бешеная страсть к коллективизации...

Из театра Паулюс возвращался сумрачный, о чем-то думал, потом вдруг сделал неожиданный вывод:

– Жизнь в Германии все-таки была лучше, нежели в этой России. Я, милая Коко, так и не понял, почему три сестры все время завывали со сцены: «В Москву, в Москву, в Москву...» Очень им хотелось в Москву, но так и не уехали. Наверное, и при царе это был закрытый город. А жизнь в Германии намного проще: захотел немец в Берлин – купил билет и поехал.

3. И ДАЖЕ ЗУБНЫЕ ЩЕТКИ

Вскоре Паулюс развеселил жену информацией, исходившей из близкого окружения фюрера. Почти сразу, как только Гитлер засел в рейхсканцелярии, на стол ему стали регулярно подкладывать вырезки из советских газет о производстве зубных щеток в СССР. Год за годом русские писали, что зубных щеток опять нет в продаже, а если они и появляются, то их щетина остается во рту советского гражданина, решившего раз в неделю почистить зубы. Когда же – спрашивалось в газете – наша передовая советская индустрия наладит производство и массовый выпуск зубных щеток, столь необходимых для культурного развития народа, закладывающего прочный фундамент социализма?..

Гитлер каждый раз оставался доволен:

– Вот еще убедительный пример слабости большевистской системы! Если эти кремлевские дикари несколько лет возятся с зубными щетками, никак не наладив их массовое производство, то я полностью уверен в том, что они никогда не смогут наладить конвейерный выпуск танков...

Паулюс, отдыхая дома после служебного дня, редко включал радиоприемник, но однажды, случайно поймав московскую волну, он попросил графа Валентина Зубова переводить.

– Очередное хвастовство «железного наркома» Клима Во-

рошилова. Он опять заверяет мир, что Красная Армия никогда не отступала.

– Тем хуже для маршала, если его армия не умеет отступать, – изрек Паулюс. – Мастерство отхода перед противником – это альфа и омега тактики, и оно гораздо сложнее тактики наступления...

Ворошилов закончил речь, эфир заполнило – бодрое:

И с нами Ворошилов –
первый красный офицер,
готовы умереть мы
за Эс-эС-эС-эР!

Зубов перевел текст песни, а Паулюс засмеялся:

– Странно, что они готовы умереть? За что? И за кого?

Валентин Платонович Зубов был создателем Музея истории искусств в Петрограде, который он оставил Зиновьеву и мадам Троцкой на разграбление, а сам бежал, ибо аристократов ожидала страшная участь в застенках ЧК. Сейчас он воспринял слова Паулюса на свой лад, заговорив о том, что не понимает, почему Сталин отказался подписать Женевскую конвенцию от 1929 года о военнопленных и обращении с ними. Ему было непонятно, почему Гитлер конвенцию подписал, а Сталин от нее отмахнулся:

– Сталин мотивировал свой отказ тем, что конвенция о плененных не отвечает духу социалистического государства.

Паулюс ответил, что, пока в мире существуют войны, до

тех пор в мире будут и военнопленные, а Сталин не подписался под конвенцией совсем по иным причинам:

– Ворошилов уже не раз заявлял, что в случае войны Красная Армия будет только наступать, и обязательно на чужой территории, а красноармейцы в плен не сдаются...

Известно, что стратегия, как и тактика, никак не зависит от идеологических рецептов, а в СССР армию воспитывали на мысли, будто любое наступление – это «помощь страдающим братьям по классу», и стоит Красной Армии пересечь границу, как сразу во всем мире перед ней распахнут объятия «представители угнетенного пролетариата»... Может, и прав был Черчилль, который говорил о Советской России, что это даже не страна, а некий секрет, завернутый в загадку и укрытый непроницаемой тайной...

.....

Паулюс в разговоре с Зубовым мог бы добавить, что в берлинском здании гестапо уже имеются советские военнопленные, доставленные прямо из... Испании!

Война там была гражданская, но в нее вмешались Гитлер и Сталин, используя Испанию вместо полигона: под Мадридом и Гвадалахарой впервые скрестилось оружие – советское и немецкое. Нашим летчикам пришлось горько разочароваться в своих истребителях, а немцы выкатили на прямую наводку новейшее оружие XX века – противотанковую артиллерию, и Сталин в Кремле с большим недоверием разглядывал фотоснимки своих развороченных танков.

– Неужели мы начали отставать? – обеспокоился он, подозревая, что и тут не обошлось без «врагов народа»...

Настал 1937 год, и в Берлине нервно и «чутко реагировали на все репрессии, которые Сталин – раз за разом! – обрушивал на свою же армию. Среди немецких генералов иные недоумевали, даже не смея верить, другие откровенно радовались тому, что Сталин истребляет лучших полководцев и офицеров. Генеральный штаб возглавлял Людвиг фон Бек, генерал старой выучки, нелицеприятный и резкий; Бек почти откровенно презирал Гитлера, не допуская его вмешательства в дела вермахта. При встрече же с Паулюсом он начал разговор о Сталине:

– Неужели сами большевики не понимают, что к власти над страной пришел сумасшедший? Его хваленая армия никак не является шедевральной, офицерский корпус задавлен страхом... Я всегда привык отыскивать в истории аналогии, и знаете, с кем я могу сравнить этого усатого грузина?

– С кем?

– С персидским шахом Надиром, который даже своим сыновьям выколол глаза, подозревая в них изменников. Сталин был бы на своем месте, если бы лет триста назад управлял каким-либо маленьким ханством на Востоке, но... в Московском Кремле? Но во главе такой великой страны, как Россия!.. Не верится!

Наконец как удар грома отозвалось в Берлине известие о расстреле маршала Тухачевского, и Паулюс, узнав об этом,

даже подумал, что Людвиг фон Бек в своих предположениях прав.

– Если Тухачевский и его коллеги, – рассуждал Паулюс, – осуждены Сталиным справедливо, то... Простите, что же это за армия, если вся ее верхушка состоит из предателей? А если Тухачевский и его коллеги осуждены Сталиным несправедливо, то... Простите, что же это за государство, в котором один человек обладает властью рубить головы генералам?

Его сомнения разрешила жена, подчеркнув в газете от 24 июня 1937 года статью под игривым названием: «Счастье и гибель Тухачевского». Паулюс был согласен с тем, что было там сказано:

«Расстреляв известнейших военачальников Советского Союза, сознательно пожертвовали в интересах политики боеспособностью и руководством Красной Армии. Тухачевский, бесспорно, был самым выдающимся из всех красных командиров, и его нельзя заменить... Мнимый шпионаж, конечно, был просто выдуман. Если большевики утверждают, что „обвиняемые признались во всем“, то это, конечно, ложь!»

– Все кончится плохо для России, – сказала Коко.

Вывод был справедливый, ибо вскоре авторитет СССР вдруг резко упал по всем мире, политики Европы, и правые, и левые, открыто говорили, что эту страну нельзя иметь в числе союзников, а мощь Красной Армии, не в меру рас-

хваленной, попросту эфемерна. Никто в Европе уже не верил Сталину и его приспешникам, которые, засев за стенами Кремля, словно в крепости, творили неслыханные зверства, а население страны превратили в своих рабов, понукаемых страхом и лозунгами, зовущими их в «светлое будущее».

Паулюс в эти дни как раз инспектировал панцер-дивизию Вальтера Рейхенау, и, конечно же, в офицерском казино было немало разговоров о репрессиях в России.

– У меня такое впечатление, – рассуждал Рейхенау, – что этот грузин решил помочь нам, немцам, в решении танковой проблемы. Ведь именно Тухачевский ратовал за развитие бронетанковых корпусов, а теперь в Кремле восторжествует угодное Сталину мнение его кавалеристов. Не знаю, как вы, Паулюс, а я и мои офицеры готовы Сталину аплодировать.

Молодой майор Виттерсгейм толковал о том, что пишут сейчас газеты Франции и Чехословакии:

– По их данным, вопросы стратегии и тактики в Красной Армии исходят из понятий времен гражданской войны и боев под Царицыном. Оснащение армии отвратительное. Нигде нет такой отсталой техники и вооружения, как у русских...

Этот разговор неожиданно завершился беседой с Францем Гальдером, ведавшим оперативными вопросами в генштабе (и, по слухам, он был не прочь занять место фон Бека).

– Сейчас, – сказал Гальдер, – из числа военных мыслите-

лей в Москве осталось лишь два толковых генералыштаблера – это еще царские теоретики Шапошников и Свечин.

Борис Михайлович Шапошников был хорошо известен, его труды о развитии штабного мышления не раз переводились в Германии, Свечина знали хуже. А вот в Москве его таскали по тюрьмам, ибо мысли Свечина никак не совпадали с военной доктриной Ворошилова, благоухающей ароматом конюшен. Профессор Академии Генштаба Александр Свечин утверждал нечто крамольное: мол, боеспособность армии никак не зависит от идеологии правительства. Мало того, Свечин призывал укреплять дружбу с Финляндией, чтобы иметь в ней доброго союзника, и тогда сам по себе прикроется один из главных рубежей страны. Случись же война, – предрекал Свечин, – и Ленинграду суждено испытать примерно такие же муки, какие испытал Севастополь в Крымской кампании... Этого хватит! Александра Андреевича Свечина расстреляли как «врага народа»!

Был репрессирован даже легендарный маршал В. К. Блюхер, славе которого Сталин явно завидовал. Над народным героем палачи так издевались на допросах, что выбили ему глаз. Блюхер держал свой глаз на ладони, которую протягивал к следователям, спрашивая:

– Что же вы делаете? Люди вы или нелюди?

4. ГЕНЕРАЛЫ

– Все, что делает Сталин, – утверждал Гитлер, – все это принесет пользу нам. Красная Армия благодаря отеческим заботам о ней уже осталась без головы. У нее теперь целы только ноги, чтобы драпать до самого Урала.

Кейтель кивал одобрительно, но Йодль выражал сомнения:

– Война с Россией – это такая война, когда всегда знаешь, *как* начать ее, но никогда не будешь знать, *чем* она закончится. Любую войну с любой страной можно довести до победного конца. И только в войне с Россией нам не дано заранее увидеть ее финала...

Гитлер тоже не сидел без дела, устраняя тех генералов, которые мешали ему взять власть над вермахтом в свои руки. Только – в отличие от Сталина – он поступал гораздо изощреннее.

Рокировка генералов на шахматной доске вермахта была достаточно сложной, и Паулюс говорил Коко:

– Я вынужден следить за расстановкой главных фигур, чтобы самому не остаться пешкой, задвинутой в угол...

Гитлер уже начал сблизжаться с генералом Вильгельмом Кейтелем, которого в вермахте отчасти презирали, считая его выскочкой, называли «диспетчером дежурной бензоколонки», ибо Кейтель отличался любезностью, более схожей с

лакейской угодностью. Не так давно его сын женился на дочери фельдмаршала Вернера фон Бломберга от первого его брака. Но в январе 1938 года и сам Бломберг женился на молоденькой секретарше Эрике Грюн, причем шаферами на его свадьбе были сам фюрер и Герман Геринг... Казалось, что бы тут такого?

Но Бломберг мешал Гитлеру, ибо он не выносил Гиммлера, который свои войска СС возвышал над вермахтом. Не прошло и нескольких дней после свадьбы маршала с секретаршей, как однажды Паулюсу показали фотографию голой девицы в соблазнительной позе.

– Порнографией не увлекаюсь, – отвернулся Паулюс.

– Но это не просто ветреная девушка, решившая обнаженной позировать, а Эрика Грюн, ставшая на днях женой Бломберга. Как выяснилось, она провела юность в «массажном салоне» своей матушки, которая тоже состояла на учете полиции...

Вот за эту «ветреность» жены Бломберг и расплатился скорой отставкой. Вслед за тем фюрер взялся за генерала Фрича, помощника Бломберга, и Фрич был обвинен в педерастии, которая считалась «изменой государственным интересам», ибо люди этой породы лезут не туда, куда надо. Фрич доказал, что любая задница мужчины вызывает в нем только отвращение, но клеймо позора уже было наложено, почти несмываемое, и Фрич, злобно шипя, ушел в тень отставки, а его пост освободился для генералов, казавшихся Гитлеру бо-

лее восприимчивыми к усвоению его национал-социалистских идей...

Паулюс не догадывался, что в это время возникло нечто вроде «заговора генералов», никак не согласных с агрессивной политикой фюрера. Людвиг фон Бек призывал удалиться в отставку генерала Вальтера фон Браухича:

– Разве не видите, что фюрер разевает рот шире своего желудка? Рано или поздно, но он втянет Германию в войну, выдержать которую немецкий народ не в состоянии.

Вальтер фон Браухич обещал подать в отставку. В это время он как раз разводился со старой женой, чтобы жениться на молоденькой Шарлотте, и Гитлер одобрил его брак с этой Шарлоттой.

– Но моя старая жена, фюрер, желает иметь «отступное».

– Понимаю. Я дам вам денег, – согласился Гитлер.

– А моя молодая Шарлотта желает иметь виллу.

– В чем дело? Будет, Браухич, и вилла...

После этого Браухич согласился занять пост командующего сухопутными силами, а фон Беку он заявил, что с фюрером порывать не собирается, ибо все страхи Бека излишни:

– Наш фюрер не такой парень, чтобы допустить войну на два фронта, а Сталину не до Германии, ибо он сам не знает, как разобратся со своими маршалами...

Паулюс, пронаблюдав за расправой над Бломбергом и Фричем, за тем, как одни падают, другие возвышаются, сказал жене:

– Сейчас следует ожидать и взлета Гальдера... Думаю, что Бека фюрер все же не тронет, ибо репутация этого человека безупречна, и к нему Гитлер не подыщет отмычек.

Коко волновало другое – верно ли говорят, будто вскоре начнется война более страшная, нежели при кайзере?

– Вряд ли, – отвечал Паулюс. – Германия к войне не готова. Как можно воевать, если даже в бензобаки такси заливают лишь половину бензина, разбавляя его спиртом или бензолом. Нет, на войну без горючего фюрер никогда не решится.

Он знал и другое: нехватку стали Германия покрывала за счет импорта из Швеции, а в холодильниках рейха заморожены лишь 750 000 свиных туш – разделили их на всех, и один из дней немцы поедят суп с мясом, а что потом?

– Наконец, – добавил Паулюс, – ты, милая Коко, живешь в достатке, не зная, что такое нормированные продукты или товары... Успокойся, в ближайшее время войны не будет.

Сталин в это время сокращал военные поставки в Испанию, а Гитлер, напротив, их увеличивал, укрепляя режим Франсиско Франко, в котором видел на будущее приятного союзника. Адмирал Канарис подозрительно зачастил в Эстонию, завел в Ревеле дружбу с военными, и эстонцы теперь поставляли в абвер секретную информацию об СССР. В марте 1938 года состоялся аншлюс Австрии, отчего Германия сразу усилилась, уже начиналась подготовка к аннексии Чехословакии...

Было ясно, куда идет Гитлер и куда он тащит за собой вермахт, потому среди генералов и возник «заговор», о котором сохранилась легенда, будто сам Франц Гальдер брался застрелить фюрера в его кабинете рейхсканцелярии. Генералы, пережившие поражение в прошлой войне, не хотели второго «Версаля», они предвидели, что рано или поздно неизбежен конфликт с Востоком, а какова бы ни была Россия сейчас – верхом на лошади или верхом на танке, – в любом случае эта гигантская держава всегда останется опаснейшим противником в войне с Германией. Конечно, при этом вспоминался не только завет Бисмарка, но и поучения Клаузевица, считавшего, что Россия всегда останется непобедима, а любая армия, даже самая совершенная, растворится, как пыль, в ее роковых и необозримых просторах... Узнав о недовольстве среди генералов, Гитлер пребывал в ярости. Но из многих генералов-заговорщиков только один фон Бек открыто выразил Гитлеру свое несогласие с его политикой, которая очень дорого обойдется всем немцам. Предупреждая Гитлера, чтобы не лез в Чехословакию, фон Бек подал в отставку. «Солдатское повиновение кончается там, – писал он, – где существует сознание и где есть совесть честного человека и моральная ответственность...»

С такими словами фон Бек и удалился!

На его место – место начальника генерального штаба – сразу же был назначен Франц Гальдер, желавший стрелять в Гитлера, а Паулюс в одну из ночей – по секрету – нашептал

любимой жене:

– Ты догадываешься, как мне трудно сохранить свою честь на этой псарне, где все грызутся... Видишь, как все просто! Несчастный фон Бломберг, когда вел под венец свою секретаршу, разве мог подумать, что порнографические открытки с ее изображением уже давно лежат в кармане у фюрера, который сам и благословил свадьбу! Но теперь, после всех манипуляций с генералами, Гитлер обрел власть над вермахтом, а его верный Кейтель топчется подле него, превратившись в Лакейтеля...

Кейтель стал начальником штаба верховного главнокомандования, а подле него выдвигался и генерал Йодль, который с Гитлером мирился. Схожие между собой, как близнецы-снаряды единого калибра, порожденные из одной матери-пушки, Кейтель с Йодлем были столь неразлучны, что даже на эшафоте в Нюрнберге их объединяла одна веревка... Гитлер спрашивал их, каков ожидается результат, если за Польшу вступится Англия с Францией? Генералы угодливо отвечали, что возня с поляками не займет много времени:

– После чего наш вермахт развалит и всю Европу...

Гитлеру снова подсунали информацию о производстве зубных щеток в стране победившего социализма.

– Вот! – воскликнул он радостно. – Это ли не доказывает крах сталинских пятилеток? Бедные русские, – нес Гитлер, – которым даже нечем зубы почистить...

.....

Тогда же японцы решили «прощупать» прочность дальневосточных рубежей СССР, и возле озера Хасан завязались бои. Наши войска изгнали самураев, и 11 августа 1938 года японский посол Сигэмицу предложил в Москве мирные переговоры.

Но ситуация была странная. Все тихо и мирно.

Вдруг – ни с того ни с сего – напали!

Можно догадываться, что в случае первого успеха японцы, наверное, развернули бы мощное наступление в глубины Сибири и началась бы самая настоящая война – до Байкала! Советская сторона официально признала 236 человек погибшими, а 26 бойцов получили высокое звание Героя Советского Союза.

Что-то плохо мне верится в первую цифру, ибо в этом случае на каждых десять убитых приходилось по одному герою...¹

Но дело не в этом – в другом. Время, словно рентгеном, безжалостно просветило забытые страницы битвы у озера Хасан, и наружу вдруг выступили те самые язвы, о которых при Сталине предпочитали умалчивать...

Тридцать седьмой год, будь он проклят, уже сказывался на состоянии наших войск. Вот что писал С. Шаронов, участник тех событий: «Дивизию обезглавили *полностью*: арестовали комдива Васенцова, комиссара Руденко, начштаба

¹ Сомнения автора понятны – число погибших, по статистике тех лет, действительно оказалось заниженным. (Здесь и далее прим. А. Пикуль.)

Шталя, начальника артиллерии, начмеда и его жену... Мы, рядовые бойцы, даже не знали – *кому верить?* » В штабах царила неразбериха, люди не доверяли один другому, в каждом приказе слышали голос «врагов народа». Связь работала безобразно, иногда открывали огонь по своим же людям и танкам. Бинокли офицеров были на сорок процентов негодны, при любой панике бойцы бросали противогазы, винтовки и пулеметы...

Так было, читатель, и не стоит стыдливо зажимиваться! Это еще не все. Дополню. На передовую слали новые полки. Но они прибывали на позицию, имея *холостые* патроны и *деревянные* макеты гранат (калабашки), с боевыми же гранатами умели обращаться даже не все офицеры, и часто после боя поле было усеяно *невзорвавшимися* гранатами. Оказывается, бойцов не всегда учили, как вырвать чеку перед броском. Виноваты ли в этом люди? Нет. В свое оправдание они говорили, что ради экономии (?) их учили бросать что придется, а боевых гранат многие и не видели.

– Чем же вы занимались в своей части? – спрашивали их.

– Мы-то? А мы сено в колхозах на зиму заготавливали, овощи собирали на полях. Иной час дровишки на зиму кололи. А бывало и так, что нас всех строем сгоняли лекции слушать! Иногда нам кино показывали.

Такова была подготовка бойцов в те времена огульного хвастовства, когда «железный нарком» Ворошилов бахвалится перед всем миром о непобедимости Красной Армии...

Думаете – в Берлине не знали о том, что было на берегах озера Хасан? Все знали, и любая мелочь учитывалась на будущее, а подробности боев немцы тщательно анализировали. Гальдер в беседе с офицерами генерального штаба говорил:

– Россия при сталинском режиме – это даже не страна, а большущий мыльный пузырь, слегка бронированный снаружи. Ткни его пальцем – и он сразу лопнет, обнажив свою пустоту. Недаром же, чтобы прикрыть свое убожество, Москва так любит щеголять всяческими рекордами. Выше всех, дальше всех и... часто, пожалуй, глупее всех. Не хотел бы я быть русским в эту эпоху, столь гибельную для России. Наверное, наш фюрер прав, что следит за производством зубных щеток...

.....
«В Москву, в Москву, в Москву», – тосковали сестры в пьесе Чехова. А Паулюс тогда больше всего привлекало кафе «Комик», где в роли конференсье подвизался отважный Вернер Финк; он выходил к рампе, вскидывая руку в нацистском приветствии:

– Хайль! – Но руки не опускал, объясняя: – Вот на какую высоту умела прыгать моя любимая собака... Кстати, сегодня я что-то не вижу среди публики этого парня с челкой, который не признает мясной пищи. Ах, опять я забыл, как его зовут... Может, кто из вас и подскажет мне его имя?

Паулюс навещал кафе «Комик» совсем не потому, что со-

стоял в оппозиции к Гитлеру, – нет, ему просто иногда хотелось от души посмеяться и послушать от Финка свежие анекдоты о видных членах нацистской партии, и, как беспартийный, он мог себе это позволить – без ущерба для своей карьеры.

Карьера же складывалась удачно! Паулюсу хорошо жилось и при нацистском режиме. Победные почести, денежные дотации, поклонение толпы, обезумевшей от восторга, грохот танковых гусениц и солдатских сапог на маршах – все это невольно взбадривало, все это увлекало его вперед. (Много позже, оправдывая себя, Паулюс говорил Вальтеру Ульбрихту: «Прошу понять, что Гитлер дал нам, генералам, все, в чем мы нуждались. Он поставил политическую цель – завоевание жизненного пространства, он дал нам отличное оружие, и он сумел привлечь к себе весь народ ради осуществления этих целей...»)

Может быть, именно поэтому Паулюс никогда не вызывал у Гитлера никаких подозрений в смысле его лояльности.

Сколько было фрондирующих против нацизма, сколько офицеров замышляло заговоры против фюрера, и никто из диссидентов – вплоть до 1942 года – даже не подумал привлечь Фридриха Паулюса в ряды оппозиции. Очевидно, сам Всевышний велел ему пройти через горнило Сталинградской битвы, чтобы он осознал: Германия – это не Гитлер, а Гитлер – это еще не Германия, и эти два понятия не следует совмещать.

Но сейчас для него осталось самое главное:

– Танки – вперед! Panzer – marsch!

Начинался 1939 год – поворотный, решающий...

1 января Фридрих-Вильгельм Паулюс, сын тюремного счетовода, получил чин генерал-майора генерального штаба.

По этому случаю он выпил... с Кейтелем!

Отцовский завет остался памятен: лучше пусть не будет друзей, только бы не было и врагов. Хайль!

5. НАПРЯЖЕНИЕ

Сыновья уже вышли в офицеры, изредка появлялись в доме в форме танкистов (короткие черные кителя, на головах черные пилотки). Но любимицей Паулюса всегда оставалась дочь Ольга, ставшая женой барона Альфреда Кутченбаха ², который носил мундир эсэсовца (тоже черный).

В звании зондерфюрера СС барон появился в доме Паулюсов, привлеченный не только матримониальными планами, но и русскими эмигрантами, с которыми был давно связан. Один из его предков еще при Николае I торговал сыром в Тифлисе, а сам барон делал карьеру военного переводчика с русского языка. Череп и кости в эмблеме его фуражки никого в семье Паулюсов не пугали, ибо звание зондерфюрера СС присваивалось тогда в Германии многим профессорам, врачам, даже кинорежиссерам (от этой чести не смел отказаться даже знаменитый писатель Ханс Фаллада).

На правах зятя Кутченбах был откровенен с Паулюсом, однажды признавшись, что боится, как бы его не послали в Россию:

– Легко догадаться, с какими целями! Вы, наверное, слышали, что русские недавно провели аресты наших агентов в Кузбассе, Баку и Челябинске, а сейчас, по слухам, фюрер сильно заинтригован танковым производством в Сталингра-

² В разных источниках фамилия Кутченбах пишется по-разному.

де. Меня тоже готовили не для того, чтобы я читал Достоевского в подлиннике...

Очевидно, Альфред Кутченбах обладал какой-то информацией по ведомству Риббентропа, и весною он намекнул, что сейчас возникает дипломатическое напряжение между Москвою и Хельсинки. Сталин как будто решил покорить Финляндию, а Шапошников, будучи начальником Генштаба, возражает Сталину.

– Смелый человек! – заметил Паулюс.

– Да. Сталин к нему прислушивается, единственного называя по имени-отчеству, а не «товарищем». Мало того, он простер свое внимание к Шапошникову вплоть до того, что позволяет курить ему в своем кабинете, когда вздумается...

Сталин давно подумывал приобщить финнов к миру социализма, а Гитлер решил покорить Литву: вермахт получил приказ о захвате Мемеля (Клайпеды), чтобы затем присоединить к Германии всю Прибалтику. Литве был предъявлен ультиматум – чтобы отвела свои войска и полицию от побережья, а Гитлер, страдая морской болезнью и вволю наблевавшись, прибыл в Мемель на крейсере «Дойчланд» уже как хозяин, и Литва с этого времени вошла в сферу германских интересов.

Альфред Кутченбах сообщил Паулюсу:

– Сейчас следует ожидать известий с Дальнего Востока...

Верно! Отброшенные от озера Хасан, японцы вдруг открыли фронт в Монголии – на реке Халхин-Гол, и здесь они

получили столь мощный удар, что их 6-я армия была окружена и разгромлена полностью. Действия на Халхин-Голе никак не были схожи с топтанием на месте у озера Хасан, а советскими войсками командовал неизвестный еще тогда Жуков... Это имя ничего не говорило обитателям германского генштаба:

– На всякий случай, кажется, пора заводить на этого человека особое досье, как на человека способного.

Между тем Франц Гальдер пребывал в миноре, чем-то озабоченный, и – человек резкий! – однажды при встрече с Паулюсом как бы вскользь обмолвился:

– Кажется, наш фюрер начинает зарываться...

Паулюс, верный своим принципам не вмешиваться в политику, только пожал плечами. В дневнике Франца Гальдера появилась красноречивая запись, свидетельствующая о том, что он умел многое предвидеть: «Трудно поверить в пакт между англичанами и русскими, но это сейчас – единственное, что может *остановить Гитлера ...*»

Гальдер не пророк, но он удачно напрогнозировал.

.....

Между тем Гитлер от начала 1939 года повел себя несколько странно. 12 января во время приема в рейхсканцелярии дипломатического корпуса, аккредитованного в Берлине, фюрер, обходя шеренгу послов, посланников и доверенных, вдруг задержался подле московского полпреда и вдруг начал с ним беседовать, чего ранее никогда не делал.

Это была сенсация, газеты всего мира задавались вопросом: что бы это могло значить? Наконец, 30 января, выступая по радио, Гитлер в своей речи ни разу не лягнул Сталина, ни разу не облаял Москву, он уже не метал в сторону России и привычные громы и молнии... Политики были встревожены!

Остановить Гитлера взялись англичане с французами – миссия союзников по волнам Балтики тихо подплывала к бывшему «парадизу Российской империи». Английскую делегацию возглавлял адмирал Дракс, французскую – генерал Думенк, их окружала свита офицеров и чиновников от дипломатии, чтобы вовремя подсказывать Драксу и Думенку, что говорить в Москве, о чем большевиков спрашивать, что отвечать, споря...

И если бы, как предрекал Гальдер, возникла новая ось Лондон – Париж – Москва, в этом случае Гитлер не рискнул бы развязать войну. Но Сталину агрессивное поведение Гитлера импонировало больше, нежели неуверенная политика этих английских и французских гуманистов и демократов...

Переговоры с англо-французами Сталин поручил Ворошилову; к тому времени бывший наркоминдел Литвинов уже проживал под домашним арестом, а вот почему переговоры не вел новый нарком Молотов – этого я не знаю. Но странно, что Сталин сделал «дипломата» из своего друга Клима, человека полуграмотного, заносчивого, прифранченного с тем шиком, который был свойствен полковым пи-

сарям времен еще царской армии... Правда, Дракс и Думенк тоже не были дипломатами, и, может быть, именно по этой причине Сталин и приказал разговаривать с ними именно своему приятелю.

Англичане и французы хотели бы видеть СССР на своей стороне, чтобы воспетая в песнях «страна героев» не пожалела для них крови (как не пожалела ее Россия в 1914 году). На Западе уже знали, что следующей жертвой Гитлера, обреченной на заклание, станет Польша, но говорить о ней англичане и французы остерегались, зная, что в Варшаве не слишком-то хорошо отзываются о Советской России. Но вот вопрос: если Гитлер пожелает напасть на Россию, то прежде всего он должен прокатиться на своих роликах через Польшу, —это ясно; а если Сталину пожелается участвовать во всеобщей войне против Германии, то ему тоже никак не миновать Польши, чтобы выйти к рубежам Германии. Наконец, если оставить Польшу в покое, а следовать напрямик на Восточную Пруссию, то Красной Армии придется пропахать гусеницами танков поля в странах Прибалтийских республик... Вот так и судачили за круглым столом, не желая касаться Польши, но все же касаясь, не желая тревожить Прибалтику, но все же тревожа ее, и тут Ворошилову подсунули записку – столь выразительную, что она достойна сохранения в анналах истории:

«Клим! Коба сказал, чтобы ты сворачивал свою шарманку и – поскорее...»

Ворошилов понял, что Коба – Сосо Джугашвили знает что-то такое, что ему, Ворошилову, еще неизвестно, и потому он сразу же прервал переговоры. Сталину же просто мешало присутствие в Москве англо-французской делегации, ибо он получил телеграмму от Гитлера, который предупреждал: кризис в отношениях между Германией и Польшей назрел, есть угроза, что в войну с поляками будет вовлечена и Россия, а потому он призывал Сталина к переговорам на самом высоком уровне, обещая прислать Иохима Риббентропа, министра иностранных дел.

...В глубине души Сталин всегда восхищался Гитлером, и даже – об этом умалчивать нельзя! – он явно завидовал фюреру, в очень короткий срок достигшему такой небывалой власти.

– Вот молодец! – говорил о нем Сталин. – Всех скрутил в бараний рог, а немцы молиться на него готовы. Только почему у него в концлагерях так мало народу? Всего каких-то полмиллиона... для удержания власти этого мало!

Еще в 1933 году он пытался установить с Гитлером тайные контакты, но союз между ними не состоялся по той причине, что контакта не желал сам Гитлер, называвший Сталина... Чингисханом! Но Сталин по-прежнему считал, что с Гитлером надо не бороться, а находить с ним точки соприкосновения, так что задачи немецкой дипломатии были облегчены. Может быть, зная о симпатиях к нему Сталина, фюрер спокойно взирал на то, как немецкие коммунисты бегут в

СССР, где их сразу же ставили к стенке как «троцкистов», «фашистов» или «шпионов».

А вот слова Гитлера, сказанные им однажды:

– Сталин, безусловно, заслуживает нашего уважения, так как в своем роде он попросту гениальный парень...

Итак, все было готово, и московский аэродром украсился флагами со свастикой. 23 августа грузно приземлились два мощных «Фокке-Вульф-200»; Риббентрона встречали согласно общепринятому протоколу, а он, выходя на трап самолета, сказал по-русски:

– Господи, даже не верится... опять я в России!

Проезжая по улицам Москвы вместе с Молотовым (они учились когда-то в одной петербургской гимназии), Риббентроп спросил, как поживает предмет их общего юношеского увлечения. Молотов понял, что Риббентроп спрашивает об Анне Ахматовой, и он ответил, что она... жива. Живет и работает!

– Ты уж, Вячеслав, – дружески просил Риббентроп, – сделай так, чтобы ее ваши держиморды не обижали...

Может, не случись такой беседы, и гибель талантливой поэтессы была бы приближена, а Риббентроп невольно «спас» ее от неизбежной расправы. Сталин принимал Риббентропа очень радушно, о чем впоследствии Риббентроп рассказывал: «Я чувствовал себя в Кремле словно в кругу своих старых партийных товарищей...»

Между гитлеровской Германией и сталинской Россией

был заключен договор о ненападении сроком на десять лет, скрепленный подписями Риббентропа и Молотова, повторяю, еще когда-то в юности обоюдно влюбленными в талант Анны Ахматовой... Вот после этого, читатель, и говори, что история – наука скучная!

Финал этой встречи в Кремле известен.

Сталин поднял бокал с вином – за здоровье Гитлера.

– Я знаю, – сказал он, – как немецкий народ обожает своего вождя! Так выпьем за здоровье Гитлера...

Теперь, после подписания договора, Гитлер мог не бояться, что СССР откроет второй фронт, вступаясь за поляков вместе с Англией и Францией; теперь Гитлер мог не пересчитывать свиные туши в государственных холодильниках, немецким шоферам отныне не надо было разбавлять бензин чистым спиртом, – Сталин, согласно договоренности, сразу начал снабжать Германию сырьем, горючим, ценными металлами, мясом и хлебом. Любая антифашистская пропаганда в СССР была запрещена...

Конечно, такой «успех» следовало отметить хорошей выпивкой! У себя на даче, в Кунцеве, Сталин устроил вечеринку. Подвыпив, «вождь народов» выразительно глянул на Калинин, и «всенародный староста», тряся козлиной бородкой, прошелся перед ним вприсядку; Сталин мигнул потом Микояну – и тот, воспрянув от стола с закусками, охотно сплясал для него лезгинку.

Ах, если б я это выдумал! Увы... сохранились очевидцы,

засвидетельствовавшие эту отвратительную картину, при изображении которой вспоминается Иван Грозный с его опричниками...

.....

По улицам Берлина, в сиянии ламп и витрин, бесконечным потоком, постанывая сиренами и квакая клаксонами, катили «бенцы», «хорьхи», «опели», «испаносуизы», «фиаты» и «форды». Среди прохожих было немало военных, державшихся свысока, и немецкая публика, приученная обождать свой вермахт, легко определяла войсковую принадлежность: белый кант – пехота, красный – артиллерия, голубой – авиация, желтый – связисты. Возле газетных киосков выстраивались длинные очереди. Немцы торопливо разворачивали громадные (метр на метр) листы «Фелькишер беобахтер», официоза нацистской партии.

– А все-таки фюрер гениальный ловкач! – восклицали читатели. – Мигом договорился с Москвою...

В германской политике началась полоса фальшивого «ухаживания» за СССР, как за очень богатой невестой с отличным приданым, но зато с очень скверным характером. Немцы веселее стали взирать на жизнь, рестораны и пивные-бирштубе заполняла оживленная публика, рассуждая:

– Гениально... даже не верится! Украина давно лопается от избытка сала, теперь-то подкормимся. Спрашивается, зачем воевать с русскими, если они согласны торговать с нами?

Немцы читали в газетах о великих преимуществах кол-

хозной системы, о «солнце сталинской конституции», о передовом стахановском движении на производстве. Желая окончательно задурманить мозги, Геббельс указывал, чтобы нацистские газеты выходили под девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Выезжая по воскресеньям за город, немцы дружно распевали советские песни:

Все выше, и выше, и выше
стремим мы полет наших крыл,
и в каждом пропеллере дышит...

Генерал-майор Эрнст Кёстринг, военный атташе при германском посольстве в Москве, навестив Берлин, привез патефонные пластинки с новыми советскими маршами. Отыскивая нужную, он, между прочим, делился впечатлениями о первомайской демонстрации на Красной площади, явившей сказочное изобилие народов СССР:

– Мимо трибуны Мавзолея проволокли громадный бюст Ленина, слепленный из шоколада. Дюжина спортсменов-тяжеловесов вызвала смех Сталина, когда они показали ему колбасу длиною в трамвай. Комсомолки в трусиках несли на себе гигантский флакон одеколона «Красная Москва»... Нашел, вот послушайте:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин

И первый маршал в бой нас поведет...

У Кёстринга собрались как раз танковые генералы. Гудериан, Гот и Гёпнер, с деловитым вниманием прослушав, сказали:

– У них разве есть первый маршал? – усмехнулся Гот.

– Ворошилов, уповающий на лошадей и тачанки.

Было смешно, а Гот не удержался от вопроса:

– Кёстринг, какова скорость их танка БТ-7?

– Шестьдесят два километра в час. Это на гусеницах, – пояснил атташе. – И восемьдесят с чем-то на катках.

– Надеюсь, по гладкому шоссе? – спросили его.

– Нет, даже на грунтовых дорогах. Вы же знаете, господа, что большевики не слишком-то озабочены созданием дорог.

– Какова же броня?

– Только противопульная.

– Быстроходные самовары, – злобно фыркнул Гудериан...

Паулюса на этом вечере не было, с ним давно хотел повидаться фельдмаршал Эрвин Вицлебен, которого генерал-майор застал в состоянии нервной депрессии, почти озлобленным.

– Я всегда очень низко котирую политический курс нашего фюрера. Но теперь я никогда не прощу ему, что он заключил этот дурацкий пакт с большевиками.

Ненавидя Гитлера, фельдмаршал одинаково презирал и сталинское государство. В их беседе участвовал молодой

полковник Мартин Латтман, очень близкий семье Вицлебена, и он, человек опытный, поспешно накрыл телефон подушкой.

– Так будет спокойнее... гестапо все прослушивает. А я крайне удивлен, что попал в такую *реакционную* компанию.

Фельдмаршала эти слова Латтмана попросту взбесили.

– Молодой человек, – крикнул он, – попасть в компанию реакционеров – это еще не самый худший вариант в жизни!

– Стоит ли об этом? – примирительно сказал Паулюс.

Но Вицлебена было уже не остановить.

– Да, стоит! – закричал он на генерала. – Стоит, тем более что наш телефон накрыт подушкой... Разве вы, Паулюс, не допускаете мысли, что этот олух, – было понятно, о ком идет речь, – способен даже вовлечь нас в войну с Россией. Я не против, но кто спасет нас от поражения?

– Между нами договор о ненападении...

– Не смешите меня! – отвечал фельдмаршал. – Скоро фюрер снесет громадное яйцо, а мы должны будем кудяхтать...

6. «ЗИГ ХАЙЛЬ!»

Франц Гальдер, прощаясь с Паулюсом перед его отбытием в Лейпциг, сказал как нечто уже определенное:

– Фюрер все-таки решил сохранить в СССР колхозную систему, а не раздавать землю крестьянам, так как у частного труднее выбрать продукты, а колхозы при Сталине уже давно приучены к тому, чтобы их грабили подчистую... Так что ни вермахт, ни весь народ впредь нуждаться не будут!

«Но сначала, – домыслил Паулюс, – *Польша...*»

Перед отъездом в Лейпциг он был исполнен чувства воинского долга, но дома ему пришлось пережить неприятный момент. Конечно, жена догадывалась, ради чего он едет и что втайне готовится, а потому Елена-Констанция, аристократка до мозга костей, чересчур резко осудила и Гитлера, и весь вермахт, не пожалела она слов и для осуждения мужа:

– Война с Польшей, которую вы начинаете, – это чудовищная несправедливость. Поляки и так бедные люди, им всегда не везло, а вы собираетесь усугублять их страдания.

– Опомнись, Коко, о чем ты?

– Это вам надо опомниться. Если в семье муж и сыновья посходили с ума, то мне, матери и женщине, сам великий Господь указал хранить свой разум в истинной святости...

С этим Паулюс и отъезжал. Ему предстояло быть начальником штаба 16-й танковой дивизии, которой командовал

Вальтер фон Рейхенау и которая в Лейпциге заканчивала свое формирование. Именно эта дивизия – вот она, судьба! – стала ядром для образования 6-й армии, которой суждено сложить свои кости на площади Павших борцов в Сталинграде. Впрочем, тогда никакой астролог не мог бы предугадать ее будущего, и Паулюс, прибыв в Лейпциг, сначала установил деловой контакт с Рейхенау, служить при котором не мог ни один генералыштеблер, все давно разбежались, как мыши при виде кота.

– Что вы хотите? – миролюбиво сказал Рейхенау. – В моих служебных формулярах четко записано, что я, спортсмен и пьяница, обладаю «нетрадиционным» характером. Я только не кусаюсь, но способен дать коленом под зад даже фюреру...

Рейхенау, кастовый офицер прусского происхождения, был, бесспорно, чертовски талантлив как водитель танковых колонн, но карьеру он сделал еще в 1933 году, сразу и бесповоротно примкнув к Гитлеру, и – так рассказывали! – его дерзости побаивался сам фюрер. Но Паулюс, будучи покладист, ладил и с этим легкоатлетическим чудовищем: Рейхенау с утра делал пробежку, метал ядро или копье, забивал мячи в футбольные ворота, а Паулюс как проклятый сидел в штабе, взбадривая себя кофе и сигаретами, писал, переписывал, дописывал, вычеркивал, сокращал, уточнял, а вечером, пока Рейхенау еще не напился, он приносил ему на подпись бумаги, и Рейхенау, сверкая моноклем, говорил ему:

– Дай-ка гляну, что я там намудрил...

Где бы ни служил Паулюс, он нигде не заводил себе любимцев, никого из коллег не отличая, но в 6-й армии он явно симпатизировал адъютант-капитану танковых войск Альфреду фон Виттерсгейму, и тот, ощутив приязнь начальника штаба, иногда откровенно подтрунивал над Паулюсом:

– Вы в роли Гнейзенау при маршале Блюхере.

– А вот это не ваше дело, фон Виттерсгейм... Лучше быть Гнейзенау, чтобы таскать на веревке маршала Блюхера!

– Яволь! Мне все понятно, господин генерал...

1 сентября ударом небывалой силы Гитлер обрушился на несчастную Польшу. Никто в мире не мог предвидеть, какой силой обладает германский вермахт, который буквально размял под гусеницами польские гарнизоны. Европейцы по сводкам газет знакомились с неизвестными ранее именами: Клюге, Гот, Рундштедт, Клейст, Хубе, Гёпнер, Рейхенау и, наконец, Роммель. Паулюс занял место в штабном танке с рацией, невольно щелкая зубами, как волк, когда машину бросало вверх и тут же свергало вниз. Через полосу триплекса он разглядывал, как фланирует вдали польская кавалерия, как ползут допотопные танки поляков. Паулюс прикинул к микрофону:

– Рейхенау, я – штаб. Цель. Справа. Видите?

И в ответ дребезжали мембраны шлемофона:

– Я – команда, Рейхенау. Цель. Вижу, старье! «Виккерс» и «Карден-Ллойд». Мне смешно. Из какого сарая варшавские

зазнайки вытащили эти старые консервные банки?

Рейхенау, даже не стреляя, просто раскатал в блин, как на блюминге, весь этот железный и ржавый хлам времен «санации» пана Пилсудского и велел увеличить скорость. По крупновской броне звонко стучали клинки отважных варшавских жолнёров, об эту же броню ломались пики польской кавалерии. Под гусеницами танков погибло все живое. «Panzer – marsch!» – громыхало в наушниках шлемофонов... Под Варшавой их навестил Гитлер, очень довольный успехами танкистов, а Паулюс не стал выделять себя, докладывая фюреру:

– В этот момент Рейхенау подал прекрасную мысль... Рейхенау счел возможным... Рейхенау исправил положение тем, что... Рейхенау совершил невозможное...

Говоря так, Паулюс невольно вспомнил своего бедного отца с его афоризмом: «Лучше пусть не будет друзей, только бы не было врагов...» Гитлер ласково оттягал Рейхенау за ухо, что заменяло жест сердечного поцелуя:

– Молодец, Рейхенау! Я чувствую, что вашу бесподобную Шестую армию впереди ожидают великие дела...

В офицерском казино Рейхенау предложил выпить.

– Господа, – сказал он офицерам. – Напомню старую историю. После битвы при Ватерлоо великий Блюхер был однажды в обществе, где устроили игру в шарады. Был задан вопрос: кто из присутствующих способен поцеловать себя в голову? Дамы пытались целовать свое отражение в зеркалах,

но это был не ответ на вопрос. Вдруг поднялся Блюхер и сказал, что способен расцеловать свою голову. С этими словами он поцеловал голову Гнейзенау, своего начальника штаба: «Вот моя голова!» – сказал Блюхер. – И при этом Рейхенау поцеловал Паулюса...

Все было понятно, а объяснять не следует.

Рейхенау – да! – повезло, зато не повезло Гудериану.

Мощным рывком от Кенигсберга его танковый корпус возник на подступах к Бресту: город немцы взяли с налету, а крепость не сдавалась. Ее гарнизоном командовал генерал Константин Плисовский – бывший офицер царской армии. Наши историки, воспевая героическую оборону Брестской крепости в 1941 году, старательно умалчивали, что такой же героизм был присущ и полякам в 1939 году. Гудериан, образно говоря, разбил себе лоб о нерасторжимые ворота крепости, но поляки сдаваться не собирались. Три дня вокруг фортов громыhalo сражение, да такое, что все горожане попрятались в подвалах, а над Брестом ветер раскручивал языки пламени. Штурм за штурмом – нет, не сдаются, а горы трупов немцев растут. Гудериан откатился назад и вызвал авиацию. Бомбы рвались, танки – вперед, из пушек – прямой наводкой. Сбили ворота, ворвались в крепость, а в ней – ни души: Плисовский ночью обманул Гудериана и тишком вывел гарнизон так, что немцы даже не заметили его отхода...

Это случилось в ночь на 16 сентября, а через день к микрофону московского радиовещания подошел Молотов...

.....

Молотов! Так уж случилось, читатель, что пятый класс школы – последний в моей жизни – я заканчивал в городе Молотовске (ныне Северодвинск) и хорошо помню школьные учебники того времени по географии. На картах серым цветом были залиты многие страны Европы, а поверх краски было оттиснуто: «Область государственных интересов Германии». Помню, что вместе с папой я был на какой-то лекции, и лектор политпросвещения почти упоенно восхвалял гитлеровскую машину Германии, но при этом не забывал издеваться над англичанами и французами...

Итак, 17 сентября 1939 года Молотов по радио заявил о полной «несостоятельности» Польского государства, возвещая ему конец. Ни Англия, ни Франция не пришли на выручку полякам, а с востока в Польшу были введены советские войска, и бывшая великая Речь Посполитая оказалась в тисках: с запада – немцы, с востока – русские.

Одна старая женщина из Белоруссии недавно рассказывала:

– Помню, как входили красные. Сначала летели самолеты с красными звездами, и мы даже радовались, что помогут. Потом ехали конники – много-много. А когда показалась армия, мы смеялись... что такое? Шинели длиннющие, некрасивые, такому чучелу даже в плен стыдно сдаваться. Ведь наши польские жолнеры были одеты с иголочки, любо-дорого посмотреть!

Московские газеты возвещали о «братской миссии» Красной Армии, освобождающей украинцев и белорусов для их окончательного воссоединения, но в сводках командования уже появилось слово «пленные». Если мы несли на знаменах освобождение от «панского ига», то, простите, откуда могли взяться пленные? Впрочем, польские офицеры, когда мы предлагали сложить оружие, зачастую тут же стрелялись. Они кончали с собой перед немцами, они убивали себя и перед советскими командирами. «Рука дружбы», протянутая Сталиным в Польшу, оказалась с острыми когтями хищника: сразу же покатались в Сибирь из Польши эшелоны арестованных, тысячи и тысячи семей были разлучены навсегда. Зачем это делалось? Или опять «враги народа»? Друзей мы не приобрели. А если врагов и не было, так они сразу появились...

22 сентября в поверженном Бресте состоялся парад.

Объединенный парад победителей – войск немецких и советских, дружно маршировавших перед трибуной, с которой их приветствовал генерал Гейнц Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин. Оркестры гремели, над крышами домов с воем проносились немецкие «мессершмитты», а советские войска склоняли знамена, чествуя колонну гитлеровских танков...

Этот совместный парад был вычеркнут из нашей истории! Но помнить о нем надо. Будем же знать, что после парада Гудериан дружески потчевал Кривошеина, сказав ему за вы-

пивкой:

– Поляки – храбрецы, каких мало на белом свете. Второй раз штурмовать крепость Бреста я бы не мог... Ах, сколько тут поляки положили моих парней! Теперь из Берлина приехала целая миссия, каждый день вывозят трупы солдат в Германию...

Брест вошел в состав СССР, но в праздничные дни, 1 Мая или 7 Ноября, в Бресте создавалась трибуна – для почетных гостей, и немецкие генералы принимали парады нашего гарнизона. Советские войска уже вступили в Прибалтику, часть польских земель Сталин передал литовцам – вместе с древним городом Вильно, в котором тогда жили одни поляки, а литовцев было меньше одного процента, но литовцы сразу превратили его в свою столицу и назвали – Вильнюс. Вступив на территорию Прибалтики, войска вели себя тактично, ни во что не вмешиваясь: по приказу наркома Ворошилова от 25 октября им было запрещено общаться с жителями, они не имели права отвечать на вопросы о том, какова жизнь в Советском Союзе. Если красноармейцев и выводили в город, то обязательно в сопровождении политруков, которые следили за ними, а рядовые с удивлением озирали витрины магазинов, переполненные товарами, их шокировало, что на улицах все хорошо одеты, никто не падает с голоду, никто не молит о милостыне, нигде не видно трущоб, о которых им всегда говорили.

– Гляди-ка, – перешептывались, – эвон сколько колбас на

витрине сразу и никаких хвостов с улицы не тянется. Это как же понимать? Ведь они же капиталисты прогнившие... Да у нас в Сызрани покажи такое – враз бы набежали с кошелками!

Страшный сентябрь, определивший трагедию миллионов людей, этот сентябрь заканчивался, и московский аэропорт снова украсился знаменами со свастикой – столицу вновь посетил Риббентроп; Гитлер уже объявил о ликвидации Польского государства, теперь СССР и Германия становились соседями, имея общую границу, и требовалось определить демаркационную линию. На карте раздела польских земель расписались Сталин и Риббентроп, при этом Сталин подмигивал своим соратникам:

– Обдурил я Гитлера... провел его...

28 сентября между Германией и СССР был заключен пакт о дружбе, и Лаврентий Берия сразу же распорядился, чтобы в концлагерях охранники не вздумали оскорблять «врагов народа» кличками «фашист», ибо отныне все изменилось:

– Теперь слово «фашист» уже не может быть ругательным...

31 октября на сессии Верховного Совета Молотов указал советским людям, как правильно все понимать:

– Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от Польши, этого уродливого детища Версальского договора... Идеологию гитлеризма, – я ци-

тирую Молотова, – можно признавать или отрицать. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма, прикрытая фальшивым флагом борьбы за демократию... Теперь Германия находится в положении государства, стремящегося к миру (!), тогда как Англия и Франция стоят против заключения мира (!)...

С ног все было переставлено на голову. Отныне – в глазах советских людей – Гитлер должен выглядеть миротворцем, а демократы Англии и Франции переходили в разряд «поджигателей войны». Сталину теперь казалось, что перед ним открыта дорога на Запад, а в Берлине исподтишка уже готовился поход на Восток.

...Я заканчиваю. 1 сентября 1939 года стало первым днем второй мировой войны, и в этот же день в СССР был принят «Закон о всеобщей воинской обязанности». Сопоставьте эти события, и вы сразу почувствуете приторный запах пороха. Затем была ликвидирована трудовая пятидневка с семичасовым рабочим днем, рабочие и служащие потеряли право переходить с одной работы на другую. Шумели? Да еще как шумели:

– За что кровь проливали? За что боролись?

За что боролись, как говорится, на то и напоролись. Теперь стоило опоздать на работу хотя бы на пять-десять минут, и можно было закончить жизнь за колючей проволокой.

Но Сталин, кажется, уже начал понимать, что мы опаздывали. Нас уже обгоняли. Советский Союз отстал, и никакие рекорды и никакие стахановцы не могли скрыть это всеобщее отставание...

.....

Ничего для себя поучительного, кроме ужасов, Паулюс из польской кампании не вынес. Но из опыта боев были выделены два главных требования к насыщению вермахта: это полная моторизация, это устойчивая радиосвязь.

Паулюс вернулся в Берлин, устало сказав жене:

– Наши ролики крутились исправно. Правда, случались неувязки организационного порядка, но они легко устранимы в следующих кампаниях... скорее всего во Франции.

– О, боже! – разрыдалась Коко.

В эти же дни Гитлер, будучи в хорошем настроении, решил поговорить с начальником генштаба – Францем Гальдером:

– Вам следует знать, что все захваченные польские земли отныне следует считать только удобным плацдармом для стратегического развертывания войск ради полного уничтожения большевистской заразы. Но выступить против России мы сможем лишь тогда, когда у нас будут развязаны руки на Западе...

«Зиг хайль!» – ревели на улицах, и этот возглас означал: «Да здравствует победа!»

7. РОЛИКИ И КОЛЕСА

Немецкая разведка работала хорошо, и на основании ее докладов Гитлер убежденно говорил, что Россия сейчас ослаблена, как никогда, изнутри политическими процессами, а ее армия имеет очень низкую боеспособность. Отчасти он прав. Постоянные репрессии выбили почти все командные кадры, дивизиями теперь командовали капитаны, иногда и ротные командиры. Известно по этому поводу мнение Семена Буденного:

– Не беда! За годик любого подучить можно.

– Верно, – поддерживал его нарком Ворошилов. – Кто командовал хоть взводом, тот может командовать и армией...

Стыдно сказать, что в Академии Генштаба перед войной еще читались лекции об устройстве зимних саней, слушателей знакомили с конной упряжкой, следовало знать назубок убогий инвентарь обозного имущества. Генерал И. М. Голушко вспоминал, что слушатели академии, заполняя аудитории перед началом лекций, с некоторой ехидцей спрашивали один другого:

– Какая у нас тема сегодня? Теория хомута и оглобли? Или станем подводить марксистскую базу под колесо у телеги?..

Все это было. К великому сожалению. «Моторизация» – на словах, а на деле – кобыла в упряжи. Между тем адептов

верховой езды было немало, и Буденный открыто возвещал:

– А что? Лошадь да тачанка еще себя покажут...

Другой апостол лошадиной тактики, Ефим Щаденко, будучи замнаркома, подпевал кремлевской кавалерии в газете «Правда»: «Сталин, как великий стратег и организатор классовых битв, правильно оценил в свое время конницу, он коллективизировал ее, сделав массовой, и вместе с К. Е. Ворошиловым он вырастил лошадь на горе врагам пролетарской революции...»

Обо всем этом знали в Берлине, где «Правду» тоже почитывали, и в один из осенних слякотных дней Паулюс встретил Гудериана, который, будучи в праздничном настроении, завлек его в ближайшее кафе. С нажимом на слове «нас» он сказал:

– Н а с, танкистов вермахта, можно поздравить.

– С чем? – не понял его Паулюс.

Они заказали по чашке кофе с птифурами, Гудериан дымил очень дорогой сигаретой «Равенклу», Паулюс закурил сигарету «Аттика». Гудериан со смехом сказал, что слона можно учить бесконечно, но ловить зайцев он все равно не научится:

– Это относится к русскому генералу Кулику, любимцу Сталина, который служит чуть ли не главным специалистом по вооружению. Не так давно Кулик собрал всех кавалеристов, и они совместно постановили: РАСФОРМИРОВАТЬ ТАНКОВЫЕ КОРПУСА.

Было время нарастания танковой мощи, когда в мире уже вызревал вопрос не только о корпусах, но даже танковых армиях, а потому Паулюс даже не хотел верить в услышанное.

– У меня, – сказал он, – ваша информация с трудом укладывается в голове... абсурд! Или русские спятили?

Гудериан объяснил, в чем дело. После репрессий Сталина некий лейтенант Яркин, командир батальона, мигом обрел чин генерала и стал командовать танковым корпусом. Когда начался поход на Польшу, этот «герой» потерял управление корпусом, наделал массу глупостей, и Кулик принял решение:

– Если, мол, Яркин не мог справиться с корпусом, так и другие не могут. Потому, – заключил Гудериан, – танковые корпуса в Красной Армии уничтожили. По этому поводу закажем коньяку, чтобы отпраздновать нашу бескровную победу... Тем более на улице такая дрянь, такая слякоть.

Они выпили, и, собираясь уходить, Гудериан медленно натягивал перчатки. Заранее поднял воротник шинели и склонился над Паулюсом, прошептав ему на ухо:

– Последняя информация. Только что получили... оттуда. Уровень боевой и особенно тактической подготовки советских генералов не превышает уровня знаний германского лейтенанта. Хайль Гитлер! – выкинул Гудериан руку, прощаясь.

– Хайль, – отозвался Паулюс, допивая кофе...

.....

Франц Гальдер уже не раз выезжал в Финляндию, чтобы инспектировать оборонные сооружения знаменитой «линии Маннергейма».

Интуиция, на которую столь часто уповал Гитлер, не подвела его и на этот раз: Англия и Франция лишь 3 сентября очень неохотно, даже с какой-то ленцой объявили ему войну, но в Лондоне и Париже палец о палец не ударили, чтобы спасти от разгрома несчастную польскую армию. Началась война, которую называли «странной», и она, эта война без выстрелов, затянулась до самой весны следующего года. Возле Саарбрюккена французы вывесили над своими траншеями плакаты: «Мы в этой войне не выстрелим первыми!» Правда, над Лондоном по вечерам повисали аэростаты, небо над Парижем иногда пронзали лучи прожекторов, но все было спокойно, и немецкие солдаты – прямо с фронта – целыми эшелонами ездили по своим домам, чтобы целовать невест и жен, при этом и весело распевали:

Меня и все желанья,
войдя в земную глубь,
пробудит заклинанье
твоих влюбленных губ.
Труба играла нам отбой,
а я опять, опять с тобой,
Лили Марлен,
Лили Марлен...

Паулюс тоже не раз наведывался в Берлин, оставляя Рейхенау лакать шампанское, играть в теннис и дуться в карты.

— Так воевать можно без конца, — говорил он жене. — Иногда я сравниваю бойню времен кайзера с этой войной и начинаю верить в гениальность нашего фюрера, который говорил, что если противники блефуют, то почему бы и ему не блефовать?

— Но все-таки война, Фриди, а я — жена. Жена и мать!

— Ах! — морщился в ответ Паулюс. — Ты бы хоть раз видела эту войну... На «линии Мажино» французы зазывают наших солдат «на чашечку кофе», а наши солдаты любезно приглашают французов «на кружку мюншенера». Кое-где даже играют в футбол — между собой. Так что ты, Коко, не волнуйся...

Между тем после польской кампании гитлеровцам опять повезло: Сталин объявил Финляндии войну, которую у нас много лет стыдливо именовали «зимней кампанией 1939/40 годов» или скромнейше называли эту войну «зимним вооруженным конфликтом». Немцам же повезло по той причине, что, пристально наблюдая за боями на Карельском перешейке, они, по сути дела, ставили точный диагноз всем потаенным болезням, которые уже достаточно ослабили Красную Армию за годы глупого шапкозакидательства. Во-первых, немцы убедились, что русские тоже из костей и из мяса, а потому страдают от жестоких морозов, как и все люди на свете. Моторы танков не заводились, танкисты всю

ночь подогревали их кострами, разведенными под днищами машин. Немецкие офицеры издавна служили в финской армии инструкторами, и потому их не удивляла маневренная подвижность лыжных батальонов, тогда как советские войска, увязая в сугробах, маневрировать не умели; Сталин надеялся расправиться с финнами за две недели, но с первого же дня боев его дивизии попали в окружение и были разбиты, а жестокие приказы не помогали – армия топталась на месте. Весь финский народ сплотился в эти дни воедино, чтобы дать отпор сталинским претензиям.

Немецкие наблюдатели докладывали Францу Гальдеру:

– Русский солдат остается хорошим в любых условиях, удивительно стойким и выносливым, но советское командование ни к черту не годится. Москва обвиняет своих офицеров в измене и в трусости, но они просто не научены воевать...

Лишь в конце года советские войска с трудом подошли к «линии Маннергейма», но прорвать ее не могли. Сталин материл Ворошилова, а тот предлагал усилить репрессии: «Провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков. Вместо трусов и бездельников (сволочей тоже немало) выдвинуть... Кулика или Щаденко». Сталин понимал, что Кулик и Щаденко с их тачанками до Хельсинки никогда не доскачут, и послал Льва Захаровича Мехлиса, чтобы перестрелял негодных.

– Расстреливать, – велел он Мехлису, – приказываю перед

строем личного состава, чтобы напугать всех...

Мехлис перестрелял так много невинных, что вызвал даже протест военной прокуратуры. Но армия с места не сдвинулась, замерзая по-прежнему, и тогда Сталин назначил командующим С. К. Тимошенко; подтянули свежие войска, бросили в прорыв танки, авиацию – и лишь в конце февраля Тимошенко, после длительной паузы, повел армию на штурм «линии Маннергейма».

– Он... бездарен, – говорил Гальдер о Тимошенко, издали наблюдая за его действиями. – Этот маршал способен бить только в лоб, не признавая маневра, и его пиррова победа будет стоить очень большой крови...

Так и случилось: неся колоссальные потери, войска Тимошенко наконец-то прорвали «линию Маннергейма»!

Англия и Франция очень хотели бы помочь Финляндии своими войсками, но 5 марта 1940 года Швеция заявила, что войска союзников через свои порты не пропустит, Стокгольм советовал финнам начать переговоры с Москвой. Война закончилась штурмом Выборга; за 105 военных дней наша армия потеряла около 300 000 человек, но... Что выиграл Сталин?

Ничего. Напротив, он проиграл: весь мир убедился в слабости его армии, коммунисты других стран не понимали, почему СССР оказался в роли агрессора, и наконец итог всей войны подвела Лига Наций – Советский Союз был исключен из числа ее членов как агрессивная держава. СССР оказался

в политической изоляции. Но самое страшное, что война с Финляндией приблизила сроки нападения Германии.

– Русские совсем разучились воевать, – говорил Гитлер. – Наверное, они только и ждут, чтобы с ними разделались. Но сначала мы проучим зарвавшихся англичан и французов.

Сталин после войны пребывал в удрученном состоянии.

– Дурак! – честно и справедливо сказал он Ворошилову.

Климент Ефремович возражать не осмелился и вместе с Буденным парился в бане на своей даче, а пока они парились, генерал Ока Городовиков (тоже кавалерист) играл им на баяне самые популярные мелодии, чтобы наркомам не было скучно:

Ах, тачанка-ростовчанка,
наша гордость и краса,
пулеметная тачанка –
все четыре колеса...

Закончив играть, Ока Городовиков спросил Буденного:

– Семен, всех берут. Неужто и нас посадят?

Буденный утешил друга:

– Нас не коснется. Берут-то ведь только умных...

.....
А здесь играли на губных гармошках:

По соседству от казармы
у больших ворот

столб стоит фонарный
уже не первый год.
Так приходи побыть вдвоем
со мной под этим фонарем,
Лили Марлен,
Лили Марлен...

Ранней весной все песни кончились заодно с этой очень «странной» войной: вермахт вдруг перешел в активное наступление, какого союзники не ожидали. Кажется, в Лондоне и Париже все еще надеялись, что Гитлер, блефуя перед ними, блефующими, развернет свои силы против России, но...

Кто бы мог тогда ожидать удар такой силы?

Паулюс с удовольствием выслушал признание Виттерсгейма:

— Если вы, генерал, по-прежнему останетесь начальником штаба в нашей Шестой армии, то Рейхенау, я думаю, снова предстоит целовать вашу голову вместо своей...

6-я армия Рейхенау уже считалась «элитарной» в вермахте, и Паулюс сам понимал, что авторитет этой армии следует поддерживать. Под траками гусениц была раздроблена свобода нейтральных Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. В канун удара по Франции немецкие самолеты забросали «линию Мажино» открытками с надписями: «Приятель, поверни ее против света, и ты сразу поумнеешь!» Глядя на открытку против солнца, французский солдат видел парижанку, спавшую с англичанином из британ-

ского корпуса, который Черчилль благоразумно расположил в тылу – позади фортов «линии Мажино». Такова была пропаганда Геббельса.

– Умейте плевать в открытую рану, – поучал он...

Генералам Франции казалось, что достаточно отсидеться под землей на «линии Мажино» – и победа придет сама по себе. Немцы так и оставили их сидеть в фортах, а германские танки обошли их стороною, нанося удар во фланг, и через пять дней в Лондоне на квартире Черчилля раздался исторический звонок от Рейно, премьер-министра Франции.

Диалог между ними строился таким образом:

РЕЙНО. Мы разбиты вдребезги, война проиграна.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Но это невозможно... так быстро?

РЕЙНО. Немцы прорвали фронт, их танки идут лавиною, за ними движется с автоматами колоссальное количество пехоты... она у Гитлера вся мотомеханизирована!

ЧЕРЧИЛЛЬ. Послушайте, Рейно, надо как-то держаться.

РЕЙНО. Как держаться? Как, если их пехота слишком подвижна, ее силы не убывают. И пикирующих бомбардировщиков действие сокрушающее. Франция проиграла войну...

Английская экспедиционная армия спасалась в сторону моря. Рейхенау в горнолыжном костюме, как бравый чемпион, сидел поверх брони танка и солдатским тесаком резал на восемь кусков громадный торт-безе с цукатами. Хохотал:

– Сколько мы потешались над «ефрейтором», Паулюс, а ведь он всегда прав. Надо держаться этого чудака, который

воротит морду от жирного шницеля с пивом. В конце концов, он недорого и обходится нации. Пожует травки, как зайчик, и – сыт! Зато мы уже отхватили пол-Европы и попрем дальше...

Гальдер вызвал к себе молодого цветущего полковника Адольфа Хойзингера, служившего по оперативным делам. Не акцентируя его внимания, он спросил:

– А что там с генералом Пуркаевым?

– Уже сидит на нашем крючке. Вряд ли сорвется, ибо страх перед Сталиным заставит его служить нам...

Генерал Пуркаев занимал в Берлине пост военного атташе – такой же пост, какой со стороны немецкого командования занимал в Москве генерал Эрнст Кёстринг.

8. КАРЬЕРЫ

Максим Алексеевич Пуркаев был еще сравнительно молод, революция застала его в чине прапорщика, крестьянский сын, он теперь выглядел природным интеллигентом, а пенсне как бы подчеркивало строгость его внешнего облика...

Немцы встретили военного атташе очень приветливо. Они приготовили для него в Берлине богато обставленную квартиру, в которой его уже поджидала прислуга – немка по имени Марта, женщина почти вызывающей красоты. Пуркаев просыпался, а Марта уже была на пороге спальни – с подносом, поверх которого дымилась чашка крепкого кофе, благоухали ароматные булочки.

Гитлер в аудиенции с атташе был крайне любезен.

Пуркаев не раз выезжал на маневры вермахта, от него, казалось, ничего не скрывают и – верно! – он побывал даже в Цоссене, где секретно размещался «мозг» всей армии Гитлера. Гальдер тоже принимал Пуркаева у себя, держался очень просто, почти дружелюбно. Но, далекий от дипломатии, Максим Алексеевич не распознал один тонкий намек Гальдера.

– Почему вы, – сказал Гальдер, – и при вашем уме, потенциальный начальник штаба фронта, занимаете всего лишь скромный пост военного атташе? Может, у вас недоброже-

латели в Москве? Такое бывает с людьми талантливыми...

Чтобы не быть глухим и немым в общении с генералыштеблерами, Пуркаев обзавелся учительницей немецкого языка, старательно, как школяр, зубрил всякие там плюсквам-перфекты.

В один из дней на его квартире зазвонил телефон:

– Вас, господин Пуркаев, беспокоят из Цоссена, не могли бы вы уделить время для визита нашего офицера?

Явился некто и с первых же слов предложил Пуркаеву работать на разведку абвера, причем немцы не крохоборствовали, обещая создать для атташе сладкую жизнь:

– Включая в меню и... Марту! Вы же не станете отрицать, что такие женщины на панелях не валяются. В случае же отказа мы всегда сумеем подобрать досье, порочащее вас, и тогда расправа Сталина будет короткой. Не забывайте, что ваша семья осталась в Москве.

Пуркаев встал, чтобы вышвырнуть гостя из квартиры, но тот веером раскрыл на столе серию фотографий:

– Это вы, а это... Марта! Станете рыпаться, и через два дня эти фотографии окажутся у вашего генерала Филиппа Голикова, что возглавляет всю вашу разведку Генштаба.

Пуркаев этих фотографий не отдал:

– Пошел вон! Мое дело. Сам влип. Сам выпутаюсь...

Максим Алексеевич сознавал, что его ожидает, и все-таки, пересилив себя, продуманно вышел на связь с Генштабом.

– Срочно отзывают меня, – сказал он Голикову.

Вечерний самолет «Люфтганзы» подхватил атташе и понес в Москву – на расправу. В Генштабе он сказал:

– Вы знаете, как я отбрыкивался от назначения в Берлин, а теперь смотрите, что получилось... Да, виноват. Черт с вами, бес со мной, но я не буду скрывать даже фотографии. Судите. Виноват. Сами видите, какая красивая попалась мне стерва. Но генерал Пуркаев не был предателем и никогда не будет!

– А в этом мы еще разберемся, – помрачнел Голиков...

В машине окна были задернуты непроницаемыми шторами. По шуму Пуркаев определил, что открываются железные ворота. Повели в камеру, оставили одного. Прошел день, миновал второй. Ни еды, ни воды не дали. Он утолял жажду быстро протекающей водой из унитаза. Ночью явились:

– Выходи. Руки назад. Без разговоров.

Снова посадили в ту же машину. Куда везут – неизвестно. Скрипнули тормоза. Куда попал – не понять.

– Руки держать свободно. Следовать за нами.

Его провели в кабинет, а там... «отец родной»!

Ни здравствуйте, ни до свидания – полное молчание.

– Товарищ Пуркаев, – вдруг сказал Сталин, медленно прохаживаясь вдоль обширного стола, – вы можете не сомневаться в моем доверии и сразу же возвращайтесь в Берлин...

Что ответил Пуркаев? Ничего. Повернулся и вышел.

Немцы были изумлены, когда он снова появился в Бер-

лине, зато из его квартиры мигом исчезла прекрасная Марта. Гестапо решило выжить из Германии неподкупного атташе. Стоило ему выехать на маневры, отказывал в машине мотор. В кармане обнаружился шпионский мини-фотоаппарат. Пуркаев вернул его Хойзингеру со словами: «Простите, это уже работа карманников, а не порядочных генштабистов». Учительница немецкого языка пропала. Пуркаева вызвали в полицей-президиум Берлина, где криминаль-генерал Артур Нёбе сказал, что против него заведено уголовное дело.

– Вы посягнули на честь немецкой женщины, обучавшей вас нашему языку, о чем и поступила жалоба из ведомства... Риббентропа. На допросах она все подтвердила, а мы подтверждаем ее показания фотоснимками синяков и ссадин, оставленных вами на теле женщины при попытке ее изнасилования.

Странно! Почему-то обвинения исходили из канцелярии Иоахима Риббентропа, и Пуркаев отвечал Нёбе:

– Министерство иностранных дел – лишь для отвода глаз, а синяки и ссадины – следы избиений в гестапо. Догадываюсь, какова цена признаний этой несчастной женщины. Или вы освободите ее, или я устрою всем вам хороший скандал в печати.

– «Правда» не станет печатать, как вы спали с Мартой и насиловали учительницу, – смеялся Нёбе.

– Помимо «Правды», – отвечал Пуркаев, – есть немало других газет, которые охотно опубликуют мои слова о том,

какими провокациями вы занимаетесь.

Через год, уже на фронте, Максим Алексеевич рассказывал:

«Абсурдность обвинений ни у кого не вызывала сомнений, но решено было не обострять из-за этого отношений (между Москвой и Берлином, добавлю я от себя). Вот так и кончилась моя военно-политическая карьера, о чем я, впрочем, несколько не жалею...»

Пуркаев прошел через многие битвы Великой Отечественной войны и скончался в 1953 году депутатом Верховного Совета СССР. Но до конца своих дней Пуркаев не понимал, почему так легко отделался и почему Сталин при свидании с ним казался каким-то отвлеченным. Даже растерянным... Почему он сразу не сделал из него «врага народа»?

.....

Сталин уже понял, что финская кампания не принесла ему благоухающих лавров, напротив, она обнажила перед всем миром многие язвы его диктатуры. Он указал Берии пересмотреть списки репрессированных командиров (а это, читатель, почти пятьдесят тысяч имен), и не все они, но кое-кто был выпущен из концлагерей и отправлен за счет казны в санатории, чтобы очухались, а заодно и вставили выбитые на допросах зубы.

Теперь требовался тот самый легендарный «стрелочник», который всегда виноват, и Сталин нашел его моментально в своем легендарном и «железном» наркоме, от которого ни-

чего путного ожидать не приходилось.

– Это ты, Клим, виноват во всем, – говорил он Ворошилову, – кто, как не ты, погубил лучшие кадры армии и флота?

– Конечно, – огрызнулся Ворошилов, – теперь на меня всех собак можно вешать. Не я же сажал, и не я выносил приговоры, я ведь только подписывал уже готовые...

Сталин стал понимать и другое: время лихих тачанок давно отшумело, а Тухачевский и прочие, последовавшие за ним в небытие, были правы, настаивая на моторизации армии, чтобы она не таскалась на телегах, а следовала за танками. Теперь Ворошилов попросту мешал Сталину, и 7 мая он спровадил его с поста наркома обороны. Дабы поднять сильно пошатнувшийся престиж Красной Армии, тогда же были введены звания маршалов и адмиралов. Георгий Константинович Жуков стал генералом армии, а в маршалы Сталин произвел Кулика, Шапошникова и, конечно же, Семена Константиновича Тимошенко, которого и назначил на пост наркома обороны. Для придания значимости этой новизне в центральных газетах публиковались поименные списки военачальников с приложением их фотографий (чему страшно обрадовались в Цоссене немецкие вояки, связанные с вопросами разведки, и адмирал Канарис в абвере).

Сталин считал себя большим знатоком авиации, именуясь в стране «лучшим другом советских летчиков». Но дела в авиации были плохи. Она побивала мировые рекорды, но к войне не была готова. Самолеты страдали многими изъяна-

ми. Плохо было и с начальниками военно-воздушных сил, ибо в своих кабинетах они долго не задерживались, сразу оказываясь «врагами народа». Сталин решил «омолодить» авиацию, сделав ее начальником генерала Павла Рычагова, симпатичного веселого парня, который сражался в небе Испании под именем «Пабло Паланкаре». Он сбил над Мадридом шесть немецких самолетов, а потом и сам был подбит, опустившись с парашютом в самом центре столицы – на бульваре Кастельяно, а свидетели его боя, испанцы, тут же подарили ему целый пароход апельсинов. Парню было всего тридцать лет, когда Сталин призвал его к себе и был так чуток, так внимателен, что казалось, он вот-вот прижмет Рычагова к сердцу и расцелует в уста.

– Работайте спокойно, – заверил его Сталин. – Это Ежов с Ворошиловым много навредили, погубив хороших летчиков, но теперь этому не бывать... Я вам верю!

Маршал Тимошенко (отдадим ему должное) иногда резал правду-матку в глаза, и по этой причине Сталин предпочитал беседовать с ним наедине, чтобы не было лишних свидетелей:

– Товарищ Тимошенко, как работается? Я убежден, что Гитлер, пока не разделается с англичанами, воевать на два фронта не осмелится. Англию он, безусловно, захватит, по моему мнению, не ранее конца сорок второго года, а к тому времени мы будем готовы отбить любое нападение... Вы, товарищ Тимошенко, следите за событиями на Западе?

– Конечно, товарищ Сталин.

– Вот и отлично. Работайте. Я вам верю...

Московские поэты сразу учуяли, куда подул ветер, они перестали восхвалять славную конницу, герои гражданской войны с шашками наголо перестали вызывать у них судороги вдохновения, и однажды Сталин, принимая парад с трибуны Мавзолея, услышал новые слова всюду поспевающего Лебедева-Кумача:

По-над Збручем, по-над Збручем
войско красное идет.
Мы врагов своих проучим –
Тимошенко нас ведет!..

В цокоте копыт кавалерии, распевавшей эту песню, Сталин не расслышал всех слов и спросил Ворошилова:

– Кто? Кто их ведет?

По щеке бывшего «железного» наркома капнула слеза:

– Не я... *Тимоха...*

Иосиф Виссарионович пожалел своего друга, сказав:

– Что за глупости? Запретить эту песню...

Между СССР и Германией существовали договорные отношения о торговле, не всегда выгодные для нас, зато очень выгодные для немцев. Экономическое положение внутри СССР было тогда мало кому известно, но правительство оно не могло радовать. Темпы развития не только замедлялись, но даже снижались. Урожаи резко уменьшились, выпуск ав-

томобилей сократился на целую четверть. Сталин в это время щедро насыщал Германию хлебом и нефтью, лесом и золотом. Недаром же Лев Троцкий, живший тогда в Мексике, свою злую статью об услугах вождя Германии так и назвал: «СТАЛИН – ИНТЕНДАНТ ГИТЛЕРА»; в этой статье Троцкий писал, что Сталин «больше всего боится войны. Об этом слишком ярко свидетельствует его капитулянтская политика... Сталин не может воевать при всеобщем недовольстве рабочих и крестьян и при обезглавленной им армии... Германо-советский пакт есть капитуляция Сталина перед фашизмом в целях самосохранения советской олигархии» (иначе говоря, Сталин дрожал за свое кресло в Кремле!). Я, автор, не принадлежу к числу поклонников Троцкого, считая его вреднейшим гадом, но здесь я вынужден с ним согласиться. Да, политика Сталина была капитулянтской. Иначе чем объяснить, что он позволил гитлеровцам очень многое? Так, например, из Берлина вдруг от него потребовали допустить на территорию СССР тех немцев, что желали бы разыскать могилы родственников, погибших в войне 1914—1919 годов! Какие, спрашивается, там «родственники», о каких «могилах» шла речь? Сталин – вот где измена народу! – допустил в свою страну матерых шпионов, которые вполне свободно, уже не боясь ничего, вполне официально рыскали по нашей стране – от Балтики до Черного моря, всевидящие, всеслышащие, всепонимающие...

В мае Сталин велел расстрелять в Катынском лесу поль-

ских военнопленных. Многие из них, уже стоя надо рвом, наверное, горько жалели, что не пустили себе пулю в лоб, когда начинался «освободительный» поход Красной Армии. Тогда же, в мае месяце, Сталин, сильно озабоченный, вызвал Тимошенко:

– Мы, кажется, допустили большую ошибку, уничтожив корпусную организацию танков. Вы только посмотрите, товарищ Тимошенко, что происходит сейчас на Западе... А – почему? Потому что у немцев массы танков открывают дорогу пехоте.

Срочно воссоздавали крупные мотомеханизированные соединения, номера которых зачастую лишь значились на бумаге, ибо для полного формирования корпусов не хватало даже грузовиков, не хватало для механизации даже... лошадей!

– А лошадь себя еще покажет, – твердил Буденный.

.....

Мир застыл в откровенном ужасе. Много позже генерал Шарль де Голль пришел к выводу: «Наша пехота ничего не решила, а немецкая – ничего не сделала!» Это правда. Ибо все решила авиация Гитлера, все сделали танки, явно третиравшие роль инфантерии. На полях Франции, где догнивали мертвые французские батальоны, родилось новое военное откровение.

– Танкам совсем не обязательно, – объявил Гот, – чтобы их поддерживала пехота. Танки сами по себе способны смело

погружаться в глубину обороны противника, при этом даже не озираясь по флангам... Гудериан был прав, танки – вперед!

Тем самым ранние теории Эймансбергера становились достоянием насущной практики... Вот он – блицкриг!

24 мая, когда англичане, прижатые к Дюнкерку, уже готовы были бросаться в волны Ла-Манша, последовал «стоп-приказ» фюрера: панцер-дивизиям Гота и Рейхенау – ни с места.

Медленно остывали перетруженные танковые моторы.

Дюнкерк пылал, и от самых окраин города до черты прилива бушевало море огня, из разбитых нефтехранилищ вытекала вязкая нефть, охваченная пламенем, горело даже море. Видеть, как англичане спешат на посадку по своим кораблям и баржам, было для Рейхенау невыносимо.

– Черт его побери! – бушевал он. – Фюрер и в самом деле тупой ефрейтор. Что нам стоит спихнуть Черчилля в море?

Никто (и даже Паулюс) не понимал тогда странного распоряжения Гитлера, позволившего англичанам грузиться на корабли и уплывать в объятия своих нежных мисс и миссис. На самом же деле все было просто: Гитлер, задержав свои «панцеры» на полном форсаже моторов, как бы великодушно приглашал британский кабинет к мирному танцу, чтобы потом... о, потом!

Гитлер сам прибыл на побережье, чтобы насладиться редкостным зрелищем удирающего врага. Он с удовольствием

обозревал груды брошенной на берегу техники, завалы оружия, массу офицерских чемоданов, уже раскрытых, из которых высыпались чьи-то женские и детские фотографии, носки, бритвы, туалетное мыло, колоды карт, бутылки и пачки презервативов.

– Прекрасно! – сказал Гитлер, насладившись лицемерием этого позора англичан. – Разбитая армия иногда нуждается в том, чтобы противник устроил ей «золотой мост», как во времена Валленштейна или Евгения Савойского... Пусть они вернутся в Англию, чтобы все англичане видели, как они разгромлены!

Англия спасалась. Франция капитулировала. Германия торжествовала, колокола звонили, а сто фанфаристов, собранных Геббельсом в единую команду, возвещали победу по радио...

28 июня 1940 года Гитлер заявил Кейтелю:

– Война против России – после победы над Францией – будет для нашего вермахта вроде детской игры в куличики...

Победители, войдя в Париж, спешили в Дом Инвалидов, чтобы запечатлеть себя на фоне гробницы Наполеона, а сам Гитлер позировал перед Эйфелевой башней, сказав фотографу:

– Валяйте, Гофман! Вот в такой позе... Скоро вам придется снимать меня на фоне Бекингемского дворца, затем в Московском Кремле и, наконец, на зеленой лужайке возле Белого дома... На всякий случай приготовьте светофильтры

для съемок на скале Гибралтара и возле пирамид египетских фараонов.

В эти дни он получил сердечное поздравление от бывшего германского императора Вильгельма II, поджигателя первой мировой войны. Проживая в Голландии, уже оккупированной войсками вермахта, экс-кайзер сразу учуял в Гитлере продолжателя своего дела, он снова грезил о разгроме России, заранее благословив своих внуков на служение в войсках СС...

Паулюс привез из Парижа дорогие духи от фирмы Коти.

– Очень тонкий аромат, – одобрила Коко его выбор. – У тебя, милый Фриди, всегда был хороший вкус.

Паулюс склонил голову, целуя руку жены с тонкими изящными пальцами природной аристократки.

– Боже! – воскликнула она. – Фриди, у тебя... лысина?

– Война, – вздохнул он. – Что делать, Коко? Война... Зато отныне ты стала женой генерал-лейтенанта. Разве плохо?

– Хорошо, Паулюс, хорошо... опять возвышение!

9. ВОЗВЫШЕНИЕ

Англия готовилась отражать нашествие вермахта на свои острова. То, что не удалось Наполеону, вполне доступно для Гитлера, которому чертовски везет... Вот и командный пункт истребительной авиации. Уинстон Черчилль с сигарой во рту, сердито сопя, концом трости постучал в железную дверь.

– Можно войти? – и показалась сначала его сигара.

– Можно, – отвечал вице-маршал Паркер. – Но сначала выплюньте эту головешку изо рта, сэр. Здесь не курят.

Черчилль, не споря, расстался с сигарой.

– Где тут радары, чтобы видеть этих разбойников?..

По серебристым экранам локаторов скользили, словно рыбки в аквариуме, короткие тире отражений бомбардировщиков, пролетающих для бомбежки. Лондон жил в тревоге: придет Гитлер или не придет? Чтобы поиграть на нервах англичан, самолеты люфтваффе, попеременно с бомбами, сыпали листовки: «Не волнуйтесь! Он все равно придет». Отряды юнцов из организации гитлерюгенд браво распевали на улицах городов Германии: «Bomben, Bomben, nach England!» Немецкие интенданты всюду скупали пробку для выделки спасательных поясов, дабы Уайтхолл наглядно убедился, что Германия готовится к прыжку через канал... Паулюс писал:

«У меня сложилось впечатление, что как

командующий сухопутными силами (Браухич), так и начальник генерального штаба (Гальдер) верили в серьезность намерения Гитлера осуществить высадку десанта».

Операция по высадке вермахта на берегах Англии называлась «Морской лев», и эта операция была спланирована Адольфом Хойзингером, ведавшим оперативными делами в генштабе...

Берлин еще не знал бомбежек. По радио часто звучали торжествующие мелодии, призывая к вниманию, после чего Ганс Фриче с восторгом зачитывал военные сводки: победа, опять победа... С красочных афиш смеялась белозубая Марина Рокк, приглашавшая любоваться ею в кинобоевике «Девушка моей мечты»; другая «нимфа фюрера», еще более знаменитая и даже наглая, Лени Рифеншталь позировала на экранах, пропагандируя святость идей нацизма. Гитлеру она однажды сказала: «Можете выбирать – я или Геббельс? Но я лучше...» Однако за всей этой берлинской суетой ощущалось и нечто другое. В немцах, как бы они ни бодрились, чувствовалась какая-то подавленность, смех казался наигранным, подразумевалось, что они даже едят, не чувствуя вкуса еды. «В чем дело?» Один турецкий дипломат, будучи проездом в Берлине, сказал своему приятелю-берлинцу:

– Я не понимаю, кто проиграл войну – неужели... Германия? Вы все, немцы, напоминаете мне детей, которые не в

меру нашалили, а теперь боятся быть наказанными строгою бонной.

– Ваша правда, герр Караосман-оглы, – отвечал приятель. – Кому-то из нас придется потом отвечать за разбитые горшки на чужой кухне. Как бы всем нам не пришлось расплачиваться...

На оживленном Курфюрстендаме Паулюс случайно встретил Гейнца Гудериана, чем-то явно озабоченного.

– Мне сейчас здорово влетело, – сообщил он. – В рейхсканцелярии подсчитали, что мои танки сосут горючее в четыре раза быстрее, нежели в других армиях мира. Чем же мы виноваты, если так воспитаны: мотор, форсаж, атака! Везет же этим русским, – вдруг позавидовал Гудериан. – У них в Москве стакан газированной воды с сиропом продается во много раз дороже целого литра бензина. Нам бы такие цены!

Паулюс был рад видеть сыновей-близнецов живыми и невредимыми, и как-то Эрнст завел с отцом разговор:

– Папа, ты разве ничего не слышал?

– А что слышал ты?

– Я в Вюнсдорфе оказался случайным свидетелем беседы двух генералов, они говорили, что сейчас в вермахте есть два человека, которых ожидает возвышение: это Манштейн и... Паулюс!

– Очевидно, преувеличение?

– Нет, папа. Фридрих, мой брат, тоже слышал, что в кадровом отделе вермахта вам обоим, тебе и Манштейну, уже

предсказывают большую карьеру... там, на самом верху!

Паулюс, пожав плечами, оставался скромн:

– На меня падает отблеск успехов Шестой армии, хотя мне с этим забулдыгой Рейхенау уживаться не всегда-то легко. Никогда не знаешь, какой он завтра выкинет фортель.

Берлин после побед вермахта богател. Витрины магазинов украшали грандиозные айсберги сливочного масла из Дании, горькими слезами «плакал» голландский сыр, женщины ломились в универмаги, расхватывая по дешевке платья парижского покроя. Голландия, эта извечная ювелирная лавка Европы, одаривала немок кулонами, браслетами и ожерельями. Паулюс, отвоевав, теперь отдыхал за семейным столом, с мужним удовольствием наблюдая, как жена капризно перебирает в вазе ягоды клубники, выбирая себе покрупнее. Внимательный в штабе, генерал-лейтенант оставался внимательным и к женской болтовне:

– Вчера прихожу к портному. Его нет. Жена в слезах. Призвали в пехоту. Подкатываю к парикмахерской. Нет Вернера, который всегда меня причесывал. Вместо Вернера какая-то стерва. А где Вернер? Призвали в зенитную артиллерию. Теперь смотри, Фриди, как мне испортили прическу.

– Начинаем брать людей из резерва, – рассудил Паулюс. Собираясь к подруге, Коко вызывала такси.

– Отказали, – изумилась она. – Вышло распоряжение – отныне никаких частных поездок. Нужно иметь служебное дело. Я ничего не смыслю в экономике. Но почему так надо,

чтобы в театр или к знакомым я шлялась пешком?

– Начинаем накопление горячего, – объяснил Паулюс...

С улиц городов потихоньку исчезли лотки с горячими сосисками, пропало бутылочное пиво – осталось в продаже бочковое. Дурной признак для страны, где не мыслят и дня без пива!

Паулюс велел жене больше не покупать тортов:

– Они очень привлекательны, но все кремы – химия. Отравиться не отравимся, но и здоровья себе не прибавим. Наши химики достигли уже такого совершенства, что скоро из солдатской мочи станут выделять дамские ликеры... Я все-таки устал. Прилягу. Кстати, а где Ольга?

– Она со своим бароном навещает графа Зубова, знаешь, сейчас из Прибалтики Сталин выгоняет всех немцев, у Зубова собирается интересное общество депортированных.

.....

Тут как-то все разом перемешалось. Москва вдруг ополчилась на худосочную Румынию, где одной мамалыгой сыты, и к Советскому Союзу – без крови и на этот раз! – отошли области Буковина и Бессарабия. Елена-Констанция Паулюс, как румынка, до слез жалела румынского короля Михая, говоря мужу:

– Что Гитлер, что Сталин – одинаковые разбойники, оба так и глядят, что бы еще стащить у соседа, ничем не брезгуют... Ах, бедный Михай! Надо мне написать кузену в Бухарест, чтобы он выразил королю мое сердечное сочувствие.

Тем временем московская власть утверждалась в республиках Прибалтики: по договоренности с фюрером Сталин начал депортацию всех немцев, которых там было немало. Впрочем, в число «немцев», среди потомков крестоносцев и меченосцев, затесались и многие русские, жены мужей-немцев, то ли просто самозванные немцы, желавшие удрать от НКВД куда-нибудь подальше. Эта депортация немцев из Прибалтики проводилась нацистами под многообещающим девизом: «ВАС ФЮРЕР ЗОВЕТ»...

Среди депортированных была и баронесса Эльза Гойнингген фон Гюне, совсем не желавшая покидать Курляндию, но ее просто выставили в «фатерланд», не спрашивая, где ей лучше живется. Баронесса тоже оказалась в числе гостей Паулюсов, интересная для самого генерала – как осколок древнейшей германской диаспоры на Востоке. Судя по всему, фрау Эльзе не очень-то нравилась Германия, где она теперь сама жарит картошку на маргарине, произведенном в мощных автоклавах химического концерна Фарбениндустри. Паулюсу она говорила – с немалым значением:

– Я здесь у вас задерживаться не собираюсь, рассчитываю вернуться обратно. Вы бы знали, какие у меня под Митавой были коровники, какое жирное молоко давали мои коровы.

– Простите, но... кто вас отпустит в Митаву?

Безо всякого смущения Гойнингген фон Гюне сказал:

– Но ведь очень скоро будет война с Россией! Уж вы-то, Паулюс, человек военный, знаете об этом лучше меня.

Поддерживая разговор гостей, граф Валентин Зубов сказал:

– Если слухи о близкой войне с Россией верны, то у вас, герр генерал, партия с нею не состоится. Россия такая здоровенная баба, которая способна выдержать немало оплеух, но в поклоне никогда не согнется.

Паулюс согласился, что Россия – страна могучая.

– Но сталинский режим непрочен, – сказал он. – У них сейчас немало внутренних проблем. Оружие устарело. По ресурсам выплавки чугуна и стали русские сильно отстают.

Он и не хотел того, но так уж получилось, что вроде бы подтвердил версию о близкой войне. Именно так его понял Валентин Платонович Зубов, живо обратясь к барону Кутченбаху:

– Зондерфюрер войск СС! Ну-ка, поживее запишите себе для памяти русскую поговорку: это еще бабушка надвое сказала. Если занесет вас в Россию, вам поговорка пригодится.

– Как, как? Повторите, – засуетился зять Паулюса, роняя авторучку и шелестя страницами блокнота; записал поговорку, потом спросил: – А что это значит? Понять трудно.

– А вы доберитесь до Москвы – там вам все объяснят...

В конце лета Геринг уже подготовил свою авиацию для массированных налетов на Англию, а Гитлер на своей вилле «Бергоф» собрал высших офицеров вермахта; был приглашен и Паулюс. Конечно, он уже догадывался о том, что втайне замышлялось против России, при этом, не раз беседа с

Гальдером, он придерживался мысли о трех ударах по трем главным направлениям – Москва, Ленинград, Киев...

Гитлер начал говорить, что вторжение на Британские острова откладывает до лучших времен, а сейчас важно разделиться с большевистской системой на Востоке.

– Англичане могут уповать только на поддержку со стороны России и Америки. Но когда Россия развалится, в Лондоне исчезнут надежды на Рузвельта, ибо – не забывайте! – на Тихом океане очень быстро возрастает роль Японии, американцам будет просто не до того, чтобы жалеть англичан... Чем скорее мы разобьем Россию, тем будет лучше для самой России. Но, – подчеркнул голосом фюрер, – операция может иметь смысл только в том случае, если мы одним молниеносным ударом уничтожим все это государство. Для этого понадобится не более пяти месяцев. Думаю, что война начнется в мае следующего года... Русские, – упоенно продолжал Гитлер, – не окажут нам такой любезности – совершить нападение первыми. Мы будем исходить из того, что их армии останутся в оборонительном положении. Меня спросят о пакте. Отвечаю. Договоры могут заключаться лишь между равными партнерами, занимающими одну и ту же политическую платформу. Советы находятся на другом конце платформы, и тут никакая международно-правовая мораль неуместна.

Близились осень. В преддверии зимы супружеская чета Паулюсов навестила Фридрихштрассе, где размещались самые фешенебельные меховые магазины. Жена оставила ге-

нерала поскучать в вестибюле, и тут его кто-то окликнул:

– Хайль! Кого вы здесь ожидаете, Паулюс?

Это был Франц Гальдер, начальник генштаба.

– Жду, когда моя жена выберет себе шубу по вкусу.

Гальдер устало опустил в соседнее кресло. На его серых штанинах броско пламенели лампасы из малинового шелка – признак принадлежности к высшей элите вермахта.

– Выбрать шубу, – рассудил Гальдер, – для женщины столь же важно, как для генерала получить дивизию или корпус. Говорят, у вас спокойный характер и вы ладите даже с Рейхенау?

– Не грызлись, – отвечал Паулюс. – Хотя с этим эксцентричным человеком ладить было трудно. Во Франции он мог явиться на банкет в костюме жокея. Наконец, он намеренно приглашал к танцу самых толстых женщин, что во времена Секта строго запрещалось, чтобы не вызвать насмешек со стороны.

Гальдера волновало совсем другое.

– Между прочим, – сказал он, – в генеральном штабе вас знают, высоко оценивая ваши способности. Не хватит ли, Паулюс, измерять длинной палкой, сколько в танковых баках осталось горючего? Я давно хочу переманить вас в оранжевую обстановку Цоссена. Фюрер возражать не станет...

Гальдер ушел. Вскоре из-за портьер ателье появилась жена, уже в новой шубе из канадских скунсов, и, распахнув полы ее, она трижды кокетливо повернулась перед мужем:

– Это как раз то, о чем я мечтала... ты рад?

– Конечно. Ты выглядишь просто великолепно.

– Я так и знала, что тебе понравится...

Лакированный «мерседес» увозил их по улицам, уже погруженным во мрак военного затемнения (англичане иногда пытались бомбить столицу рейха). Коко оказалась проницательна.

– Что-то у тебя произошло... без меня.

– Да. Случайно я встретил Гальдера, и он наговорил мне массу лестных комплиментов. Кажется, в мои брюки скоро предстоит вшивать широкий красный лампас.

– Разве это плохо? – обрадовалась жена. – Во всяком случае, я буду спокойнее, зная, что ты не носишься на своем танке по всяким оврагам... Красные отвороты на шинели, красные лампасы на брюках. Ах, милый Фриди! Я еще тогда, на горной тропе в Шварцвальде, почему-то решила, что тебя ожидает самая блистательная карьера...

Паулюсу исполнилось 50 лет. Внешне он казался молодежью, юношески стройный, держался молодцевато, и дамы, любящие танцевать, видели в нем отличного партнера. Впрочем, танцы в Германии были запрещены велением Геббельса – «до полной победы».

.....
На страшной высоте, почти невидимые и недостижимые для истребителей, над советской территорией уже пролетали самолеты-разведчики из знаменитой эскадрильи фон Ро-

веля; их оснащали самой высокочувствительной аппаратурой, чтобы они вели аэрофотосъемку военных объектов и городов. Пассажирские самолеты авиакомпании «Люфтганза» намеренно сбивались с курса, дабы выискивать скопление военной техники и воинских эшелонов. Наконец, товарные вагоны, следующие из Германии с поставками закупленного оборудования, имели хитрое «двойное дно», в котором скрывались головорезы и диверсанты из полка «Бранденбург-300», знающие русский или украинский языки; миновав границу, они моментально растворялись в нашей жизни, а их фальшивые документы были безукоризненны. Их подготовка была идеальной. Случалось, этих агентов через военкоматы даже призывали в ряды Красной Армии, некоторые устроились при штабах наших западных округов. Они были хорошо подкованы «идейно», и на собраниях бурно аплодировали при имени товарища Сталина, мудрейшего и гениального друга и учителя, отца всех народов. Это было очень трудное и сложное время аплодисментов, «переходящих в бурные овации»...

...Паулюсу предстояло перебираться в Цоссен – в тот самый Цоссен, откуда весной 1945 года наша дальнобойная артиллерия впервые открыла огонь по рейхсканцелярии Гитлера.

10. «БАРБАРОССА»

Где есть Большая Политика, там и Большая Стратегия.

Глумления над военным ремеслом Паулюс не терпел.

– Стратегия тоже наука, – утверждал он. – Это военная алгебра, позволяющая нам дифференцировать конечный результат войны еще задолго до ее возникновения...

Паулюс, тщательно выбритый, собирался отъехать в Цоссен, где ему предназначалась должность обер-квартирмейстера, чтобы стать третьим по значимости лицом в сложной иерархии вермахта – после Вальтера фон Браухича, военного министра, и после Франца Гальдера, начальника генерального штаба. Кажется, это место долго держали свободным, его приберегали для человека, который мог бы составить оппозицию Гитлеру, не боясь давать фюреру щелчки по носу, чтобы не лез в оперативные дела. Но такого смельчака не нашли, и потому Гальдер выдвинул «аполитичного» Паулюса, ибо в Цоссене желали иметь человека, хорошо изучившего тактику глубоких танковых прорывов...

Странные чувства одолевали Паулюса: его ожидал Цоссен, где он когда-то служил в рейхсвере времен Секта, командуя всего-навсего автомобильной ротой, где он столь усердно «пахал» землю на тракторах, чтобы из кабины трактора вдруг оказаться заключенным внутри гулкового танка...

– Коко, я готов ехать, – сказал Паулюс жене. – Пожелай

мне удачи на том посту, который когда-то занимал сам великий Людендорф, пока не сломал себе шею в политике.

– Остерегайся политики, – заклинала его жена.

Шофер подавал сигнал с улицы, торопя с отъездом, но тут раздался телефонный звонок от Эльзы Гойнинген фон Гюне.

– Ваш фюрер распорядился компенсировать мне потерю имений под Митавой и Виндавой дворянским замком в Польше, а моего сына Освальда назначил послом в Лиссабон. Дайте мне, пожалуйста, номер телефона рейхсканцелярии фюрера.

– Вы хотите благодарить его? – спросил Паулюс.

– Нет, я обязана информировать его о том, чего он, наверное, не знает. Во время поездки в Польшу я наглоталась такого смрада от ужасов, чинимых над поляками, что у меня поседели волосы... Паулюс, я не хочу больше жить! Даже кинокрасавица Лени Рафеншталь оказалась сущей ведьмой: в костюме эсэсовки она сама расстреливала поляков.

Паулюс отказал женщине в ее просьбе:

– Если вы все это станете излагать фюреру, вы наживете себе крупные неприятности.

– Я заболела, Паулюс, от чужих страданий, – сказала женщина, заплакав. – Меня выгнали из Курляндии, но я не стану выгонять на улицу прежних хозяев замка, культурных и самостоятельных людей. Это претит моему благородному воспитанию, которое началось в классической гимназии Санкт-Петербурга... Прощайте!

Несколько удрученный этим разговором, Паулюс быстро катил в Цоссен, маленький городок к югу от Берлина, где Гитлер укрывал от шпионов и бомбежек «мозг» своего вермахта – генштаб! Пересекая кольцевую автостраду, шофер притормозил, увидев фигуру генерала. На обочине автобана стояла малолитражка «опель-олимпия», солдат накачивал лопнувший баллон, а генерал поднял руку:

– Паулюс? Как хорошо, что мы встретились. Поздравляю с прямым попаданием в бункеры Цоссена, где Гальдер устроил себе хорошую лавочку. Надеюсь, вы меня подвезете?

Это был граф Курт Гаммерштейн-Экворд, бывший командующий рейхсвера, который много лет занимался шпионажем в СССР, зная о Красной Армии больше других. Но разговор в машине получился странный:

– Вот стратегия фюрера: чтобы покончить со старой войной, он начинает войну новую. Теперь, желая унижить Англию, он решил, кажется, покарать большевизм. Я понимаю причины отставки Людвиг фон Бека, который уже заглянул в пропасть будущего. Германия, задев однажды Россию, опрокинется кверху колесами, как сумасшедший паровоз. Бек заранее выбрался из будки машиниста, уступив свои рычаги Гальдеру... Не советую вам, Паулюс, слушать любителей русского сала. Я лучше вас извещен, что такое Советы и какова их бронейная сила.

Что тут ответить? Но ответить необходимо.

– Я все-таки... солдат, – сказал Паулюс, – и обязан испол-

нять долг. Простите, граф, за выпренность выражений, но я еще смолоду приучил себя держать руки по швам...

Гаммерштейн-Экворт поразил Паулюса словами:

– Я тоже солдат, и вы не кичитесь своим долгом. Помимо этой штуки существует еще и разум. Германия стала очень сильна. И сейчас *только ее поражение* способно развалить этот отвратительный режим, схожий со сталинским... Спасибо, Паулюс!

Они уже въехали в улицы чистенького Цоссена.

Паулюс испытывал такое ощущение, будто с утра пораньше получил сразу две оплеухи; сначала от этой курляндской баронессы, а потом и от своего же коллеги... Позже он жене говорил, что этот Гаммерштейн дал ему выпить касторки!

.....

Организация высшего военного руководства Германии была непростой, на первый взгляд даже запутанной. Читатель должен помнить двух главных хищников – ОКВ и ОКХ. Они близко соприкасались в поисках добычи, сообщая разделяя всегда приятный для них апломб победителей, но при этом жестоко соперничали. ОКВ – это верховное главнокомандование вооруженных сил (сам Гитлер, Кейтель, Йодль). ОКХ – командование сухопутных сил (опять же Гитлер, Браухич, Гальдер, а теперь и Паулюс).

В садах Цоссена, среди оранжерейных розариев, укрывались секретные помещения генштаба и абвера (военной разведки), здесь же, среди цветочных клумб, разместился почти

дачный домик, в котором располагался Гальдер. Дежурный офицер провел Паулюса в кабинет, сообщив, что под землею расположены еще четыре этажа, точно копирующие обстановку служебных кабинетов, которые остались торчать над землею.

– Если последует воздушная тревога, вам следует взять портфель с бумагами и выдернуть из штепселя вилку телефона. С портфелем и аппаратом вы спускаетесь на лифте ниже, где вас ожидает кабинет с теми же картами, с тем же освещением и с той же расстановкой мебели. Вам остается лишь воткнуть вилку и снова разложить бумаги. Желаю успеха.

– Русские знают о нашем размещении в Цоссене?

– Да! Здесь бывал их военный атташе Пуркаев, и мы сознательно показали ему почти все, чтобы он мог сравнивать – как у нас и как у них. Но абвер все испортил, подсунув ему свою шлюху...

Гальдер навел на Паулюса в его кабинете; поговорили о пустяках, потом Гальдер сказал:

– Я не думаю, чтобы нам пришлось много возиться с Россией. Манштейн недавно бывал на маневрах Красной Армии, а Гудериан вел наблюдение за нею у Бреста в польскую кампанию. Вооружение устарело. Танки слабые. Боеспособность низкая, что маршал Тимошенко и доказал на «линии Маннергейма». Автоматическое оружие русским неизвестно. Правда, по настоянию маршала Кулика в войска стали поступать винтовки СВТ, но отзывы об этом оружии самые

отрицательные...

3 сентября 1940 года в Цоссене появился размашистый генерал Эрнст Кёстринг, приехавший из Москвы, где он состоял военным атташе при германском поселе графе фон дер Шуленбурге. Гальдер с Паулюсом приняли его в «форверке» (гостинице ОКХ), и Гальдер почему-то сразу обрел резкий вызывающий тон:

– Ну, если и Кёстринг с нами, значит, Россия не останется загадочным сфинксом. Рассказывайте московские анекдоты. Как вы тамживаетесь с агентами Огэпэу?

– Работать трудно, – признал Кёстринг. – Русские очень осторожны. От иностранцев шарахаются, как от чумы. Но Сталин приветлив, на банкетах в Кремле я с ним охотно беседую об авиации. Он очень горд рекордами своих летчиков.

– Бесподобная информация! – съязвил Гальдер. – Конечно, много ли узнаешь, стоя у Кремлевской стены с дамами и наблюдая за первомайским парадом. Вы, надеюсь, уже измерили толщину картона, из которого русские намастерили броневики – специально для показа их иностранцам на Красной площади.

– Почему такой тон? – вдруг возмутился Кёстринг.

Из сада пахло левкоями. Гальдер показал на окно, в котором виднелись помещения «Майбах-2», похожие на дачи.

– Вот вам абвер, и там адмирал Канарис из Цоссена видит обстановку в России лучше вас, пьющих московскую водку и заедающих ее астраханскими балыками.

Кёстринг демонстративно повернулся к Паулюсу:

– Ганс Кребс, мой помощник, уже докладывал в Цоссен, что у русских появился новый истребитель, способный соперничать с нашими «Мессершмиттами-109». Красная Армия стала обновлять артиллерийские и танковые парки. Новое оружие по отношению к старому составляет пока процентов пять-десять, не больше, и виною тому влияние консерваторов вроде маршала Кулика или Щаденко. Но я склонен думать: еще года четыре, и нашей Германии будет не догнать Россию... не забывайте об Урале!

– Конкретнее. Кто отстал? Мы или русские?

Вопрос Паулюса был слишком требователен, и Кёстринг даже поежился в кресле, отвечая не сразу:

– Так категорично ставить вопрос нельзя. Наконец, мы просто еще не знаем, что имеется в советских арсеналах. Известно лишь, что их конструкторские бюро завалены работой. Мало того, Сталин в местах заключения образовал научные конторы, которые за колючей проволокой способны изобретать даже перпетуум-мобиле, лишь бы избавиться от наваждения пятьдесят восьмой статьи...

Гальдер загадочно улыбался, а Паулюс, не совсем-то доверяя информации Кёстринга, имел неосторожность сказать:

– Ну да! Вы же бывший русский помещик из Тулы, и вам хотелось бы видеть свою праматерь красивой и сильной.

И вот тут Кёстринг взорвался, отвечая с раздражением:

– Да, по-русски я зовусь Эрнстом Густавовичем, и учился

я еще по русским букварям в классической московской гимназии. Но мое детское русофильство уже неспособно что-либо исправить в моих зрелых национал-социалистских убеждениях. А личные встречи со Сталиным, когда он принимал меня вместе с графом Шуленбургом и Хильгером (кстати, тоже русским), убедили меня в том, что в лице Сталина мы имеем опасного политика и очень хитрого человека... Я, – почти озлобленно закончил Кёстринг, – еще раз предупреждаю ОКХ и ОКВ, чтобы эти конторы по скупке старой мебели у населения не заблуждались относительно военного потенциала России...

Умышленно оскорбив начальников, Кёстринг все-таки расплатился с Гальдером за его язвительность. Гальдер спросил:

– Что танки? Что Челябинск? Что Сталинград?

Кёстринг, помедлив, все-таки открыл свой портфель, стал выгружать на стол «московские подарки»: бутылки с водкой и банки с икрой; паюсную икру он сначала вынул, а потом как-то воровски запихнул обратно в портфель. Ответ был обстоятельным:

– Челябинск закрыт. Туда не добраться. Но у меня завелся резидент в Сталинграде, где выпускают какие-то новые танки. А русская разведка блокирует все мои выезды из Москвы...

После этого разговора Гальдер, распивая с Паулюсом водку и намазывая икру на хлеб, энергично жуящий, сказал:

– Сейчас наш фюрер солидарен с мнением Йодля и Кейтеля, что России блицкрига не выдержать. Задержка на «линии Маннергейма» окончательно убедила его в слабости большевистской системы.

В своем кабинете Гальдер неторопливо растворил железный сейф, извлек из него папку и бросил на стол.

– Вот этим вы и займетесь, – сказал он Паулюсу.

– Что это?

– План «Барбаросса» – план нападения на Россию...

Это был секретный документ рейха № 33408/40.

.....
Чудовищно! Даже те немецкие генералы, что находились в оппозиции Гитлеру и пытались предостеречь руководство против войны с Россией, даже они – совсем неглупые люди! – понимавшие, что война обернется для Германии катастрофой, все-таки продолжали работать на войну, вольно или невольно усиливая позиции самого Гитлера в ОКВ и ОКХ.

Паулюс тоже считал, что его служба – чисто академическая, и не иначе! Конечно, в деловой тишине бункеров Цоссена не слышать стонов поверженных, а стены рабочего кабинета не были окрашены человеческой кровью... Вручая Паулюсу папку с планом «Барбаросса», Гальдер сказал, что это лишь жалкий эмбрион будущей войны, зачатый в одну из лучших ночей генералом Эрихом Марксом на основе опыта польской кампании:

– И младенцу из Кёпенека ясно, что равнять Польшу с

Россией нельзя. Всю эту марксовскую галиматью мы уже показывали Кёстрингу, и он, человек знающий, справедливо высмеял генерала Маркса, который считал, что занятие Москвы будет иметь решающее значение для полной победы...

– Знаком ли с планом фюрер? – спросил Паулюс.

– План Маркса, носивший тогда название «План Фриц», Гитлер сразу отверг как нерешительный. Нужна война быстрая, в считанные недели. Иначе наша экономика не выдержит и треснет... Вам, Паулюс, предстоит развить этот эмбрион до рождения колоссального чудовища, чтобы весь мир вздрогнул при его появлении. «Барбароссу» следует привязать к условиям русской местности. Учесть все исходящие точки главных ударов. Наши ресурсы и ресурсы противника. Форсирование рек и болот. Резервы горючего и технических масел, с учетом того, что мы заберем у Венгрии и Румынии. Высчитайте, насколько нам хватит каучука и на каком этапе войны мы будем вынуждены заменять каучук синтетической «буной»... Как видите, работа большая. Большая и даже окаянная! Я вам даже сочувствую, – засмеялся Гальдер.

Паулюс перелистал первые страницы плана «Барбаросса»:

– Какова же конечная диспозиция этого плана?

– По меридиану: Архангельск – Астрахань.

– И не дальше? – спросил Паулюс.

– Нет смысла гнать ролики дальше, ибо к тому времени Сталин убежит, а все его Советы развалятся.

– Дата открытия кампании?

– К маю следующего года все должно быть готово.

– А почему не март? Почему не апрель?

– Надо, Паулюс, чтобы подсохла грязь на ужасных русских дорогах... Планируйте смелее. Советы – как оконное стекло. Тресни кулаком – и все со звоном разлетится в куски!

Кёстринг тоже был ознакомлен с работой Паулюса.

– Странная у вас концепция в стратегии! – сказал он ему. – Вы опять повторяете главную ошибку генерала Маркса. Вам кажется, что падение Москвы способно решить судьбу блицкрига... Но Москва – не Париж! Русские отодвинут свои армии вплоть до Урала, где у них большой промышленный комплекс, и война будет продолжена с прежней яростью. Если вам взбредет в голову перевалить танки через Урал, русские могут отступать хоть до Байкала.

– Но должны же иссякнуть силы этого колосса!

– Прежде иссякнут силы вермахта.

– Кёстринг! Где вы мыслите наш конечный рубеж?

– Ленинград, Харьков, Смоленск... не дальше. На этой линии погибнет русская мощь, а в Германии выстроятся длинные очереди инвалидов – за протезами. Зиг хайль!

(Через шесть лет в заявлении Советскому правительству генерал Паулюс сам же и признал коварство плана «Барбаросса», им же составленного: «Поставленная цель уже сама по себе характеризует этот план как подготовку чистойшей агрессии; это явствует даже из того, что оборонительные ме-

роприятия моим планом не предусматривались вовсе...»)

Гитлер торопил Гальдера, а тот подгонял Паулюса, которому вскоре уже не стало хватать дня; Гальдер – с ведома Кейтеля – позволил Паулюсу брать секретные документы из Цоссена домой, чтобы работа продолжалась и по ночам в спокойной обстановке берлинской квартиры на Альтенштайнштрассе.

Тут и произошла «утечка информации»! Нет, читатель, в квартиру Паулюса не проник сверхнаходчивый советский майор Ковалев, чтобы выкрасть план «Барбаросса», – нет, в кабинет Паулюса заходили сыновья, бывшие в отпуску, заходила и жена. Ворохи карт европейской части России, жирные отметки дорог и четкие стрелы танковых ударов стали понятны сыновьям, а Коко тоже догадывалась, чем занимается ее любимый муж.

Между супругами неожиданно возник скандал!

– То, что ты делаешь, это... преступно, – заявила Елена-Констанция. – Я всегда считала тебя порядочным человеком, но теперь... Что ты делаешь, Фриди? Опомнись. Этот ваш фюрер давно спятил, а ты его бредовые галлюцинации пытаешься претворить в стратегию. Если тебе не жаль бедный русский народ, и без того измученный поборами и нуждою, так пожалей хотя бы меня... Откажись от этих планов, которые, чует мое сердце, ничего, кроме несчастий и горя, не принесут ни тебе, ни мне, ни твоим детям, ни твоим внукам!

Немецкий историк Вальтер Гёрлиц привел документаль-

ный ответ Паулюса жене: «Все эти вопросы требуют политического решения, мнение же отдельных людей не учитывается, ибо подобные действия будут продиктованы лишь военной ситуацией». Не думаю, чтобы после такого ответа Коко успокоилась. В редкие минуты отдыха Паулюс с подрамником, как художник, выезжал в парки Тиргартена, где недурно рисовал акварелью лирические пейзажи. Говорили, что он в душе был лирик. Даже сентиментальный...

Может быть. Но его план «Барбаросса», нанизанный на пику войны, нес всем нам кровь, голод, бедствие, страдания...

Знал ли об этом Паулюс? Да, он знал.

– Но я солдат, и я обязан держать руки по швам...

Ему – руки по швам, а нам – руки вверх!

.....
Читатель не поверит, что я привожу действительный факт.

В самый канун войны, чтобы избежать конфликтов с немцами, в пограничных частях у бойцов отобрали патроны. Винтовки им оставили, а вот патроны отняли. Пушки тоже оставили на границе, но прислугу лишили снарядов. Вот и защищай, боец, дорогую Родину: стреляй по врагу из пустой винтовки, бей врагов из незаряженной пушки... А почему такая осторожность? Да потому, что наш дорогой товарищ Сталин очень страшился пограничных инцидентов, которые могли бы вызвать недовольство его лучшего друга.

11. ДРОЖАТ ОДРЯХЛЕВШИЕ КОСТИ

Линии, линии, линии... С ума можно сойти от этих линий!

Линия Мажино, линия Зигфрида, линия Маннергейма, линия Сталина, линия Метаксаса, линия Антонеску. Когда стало в Европе уже не продохнуть от этих линий, дуче Бенито Муссолини набил в Ливийской пустыне деревянных колеб, протянул меж них колючую проволоку и объявил всему миру о «неприступности» линии Муссолини. Своему маршалу Бальбо он повелел:

– Отсюда ты переломаешь все ребра британскому генералу Уэйвеллу и не отставай от него, пока он не выпьет целый бидон лучшей в мире касторки – итальянского производства...

День в Цоссене еще только начинался, когда из абвера появился Адольф Хойзингер, со смехом сообщивший Паулюсу:

– Везет же макаронникам! За все время войны в Африке они не сбили ни одного самолета. Наконец добились успеха – точно врезали из зениток! Но опять им не повезло: в самолете как раз и летел их главнокомандующий маршал Бальбо.

– Вечная память, – серьезно отвечал Паулюс. – В таких случаях итальянцы говорят: «Ну и что ж? Одним меньше...»

На место Бальбо командовать Африканским корпусом Муссолини назначил генерала Итало Гарибольди, франтоватого старика с накладными усами римского щеголя. Узнав об этом, в Цоссене говорили, что война с англичанами в Ливии требует жесткой руководящей руки немцев, а совсем не итальянцев:

– Солдаты в Ливии хлещут воду из бидонов для бензина. Но офицеры Муссолини лакают лучшую минеральную воду марки «Рекоаро». Эти мерзавцы иногда выбрасывают с грузовиков даже снаряды, зато таскают через пустыню тысячи бутылок...

Повышенный интерес в Цоссене к африканским делам был обоснован. Паулюс, завершая обработку плана «Барбаросса», имел аудиенцию у Гитлера, перед которым изложил свою теорию дальнейшей борьбы с Англией.

– Если сейчас, – сказал он, – захват Англии с моря откладывается, то центр борьбы с нею следует перенести в Средиземноморье, в страны Ближнего Востока, мы должны активнее помогать итальянцам в их африканских делах. Особенно сейчас, когда они терпят поражение в Киренаике...

Паулюс не прерывал добрых отношений с Эрвином Роммелем, товарищем по старой службе в Штутгарте. Последний раз они встречались во Франции, где Роммель командовал танковой панцер-дивизией. Теперь Эрвин стал комендантом личного поезда Гитлера, своей головой отвечая за головы пассажиров. Эрвин навестил Паулюса на Альтен-

штайнштрассе, жаловался:

– Фюрер сделал из меня вроде проводника своего вагона. Сегодня он в Мюнхене, завтра ему надо любоваться горными вершинами в Берхстенгадене... Ты сейчас в Цоссене, – на-мекнул Роммель, – так будь другом – гавкни при случае, что-бы меня из поезда фюрера куда-нибудь переместили...

Паулюс обещал другу «гавкнуть». Под конец 1940 года план «Барбаросса» в общих чертах был оформлен, требовалось лишь «обкатать» его, словно новый танк, на полигоне критического разбора. Будущий блицкриг был планирован по трем главнейшим направлениям – Север, Центр, Юг, и, наверное, Паулюс был бы ошеломлен, если бы знал, что как раз в это время молодой русский генерал Жуков планировал в Москве контрудары по тем же самым направлениям, которые наметил и Паулюс для вермахта...

Совпадение? Нет, это работа точного штабного рассудка, обладавшего стратегическим предвидением.

.....
Паулюс. Его натренированный мозг работал превосходно:
– Внимание! Мы проникаем в Россию через ее европейскую часть, имея вначале явную выгоду – бить сжатым кулаком. К востоку от границы территория СССР, подобно гигантской воронке, начинает резко расширяться. Наступая, мы невольно растягиваем свой фронт, как пружины эспандера. Наш кулак начинает разжиматься, мы вынуждены бить растопыренными пальцами... Эта географическая «ворон-

ка», — завершал вывод Паулюс, — потребует от нас введения дополнительных резервов.

— Которых у нас не будет, — сообразил Гальдер. — Именно поэтому всю эту возню с Россией необходимо закончить до осеннего листопада. Если дождемся морозов, Германия провалится в люк затяжной войны, из которого ей не выбраться...

Уже в этом признании Гальдера ощущался миндальный привкус авантюризма, схожий с ароматом цианистого калия. Но сценарий «Барбароссы», ранее неживой и сомнительный, все же обретал стратегическую четкость, после чего в Цоссене его отрепетировали в военных «играх» (так режиссер еще в пустом зале прокручивает свои фильмы, еще не озвученные для широкого экрана). При разборе плана присутствовали самые компетентные стратеги вермахта; фельдмаршалу Браухичу план «Барбаросса» доставил, кажется, приятное волнение:

— Вы у нас молодцом, Паулюс! Да, на границах русские встретят нас с бешенством кабана, обложенного собаками. Но затем их сопротивление ослабеет. Уверен, через две недели вся эта большая куча гнилой картошки сама развалится.

Не избежать было и каверзных вопросов оппонентов:

— Известно ли автору что-либо о степени готовности Красной Армии к превентивному нападению на Германию?

— Абвер не считает Россию готовой к войне.

— Это — Россия, а не желает ли войны сам Сталин?

– Сталин, – парировал Паулюс, – очевидно, исходит из того конкретного положения, что война чревата для его режима многими опасностями. Старые кадры Красной Армии ослаблены, молодые лейтенанты из училищ быстро делаются комбригами. Причины этого явления вам известны. Подбор офицеров совершается не по деловым качествам, а лишь по анкетным данным, чтобы в армию не проникли дети кулаков, дворян и священников...

Не обошлось без вопросов – какой головы в советском Генштабе следует бояться? На это ответил сам Гальдер: его работе в Цоссене противостоит в Москве мозговое напряжение маршала Шапошникова, офицера старой академической школы, эрудита и подлинного мастера большой стратегии:

– С его мнением считается даже Сталин. В случае конфликта Шапошникова можно заранее дезавуировать, подбросив в Москву дезинформацию о его политической неблагонадежности...

Генералы расхаживали среди разложенных на паркете карт Советского Союза. Длинные указки в их руках требовательно постукивали по железнодорожным узлам, тыкались в шахты Донбасса и плавни Астрахани: «А! Вот, Хойзингер, откуда русские черпают икру ковшами экскаваторов...» Мнение же gross-адмирала Редера было несколько одиозно:

– Паулюс! Вы желаете забраться в Россию непременно с парадного подъезда. Но, по слухам, линия Сталина сильна, как были сильны «линии Мажино и Маннергейма». Вы, ав-

тор «Барбароссы», не боитесь получить кружкой по черепу?

– На мой взгляд, линия Сталина апокрифична в той же степени, что и наша «линия Зигфрида». Парадный подъезд открыт, и, простите, я вас не совсем понял.

– Я бы забирался в Россию с черного хода, – пояснил gross-адмирал, – где запоры всегда слабее: через Афганистан, через Турцию и Персию. Но для этой комбинации, согласен, прежде надобно усилить армию Муссолини в Африке, чтобы макаронники быстрее выползали к Суэцкому каналу.

– Для этого, – отвечал Паулюс, – пришлось бы резко усилить наши позиции на Средиземном море и обладать Мальтой, а флоты Италии и Германии еще не в силах противостоять флоту великобританскому. Вы знаете, gross-адмирал, какое сейчас положение в Киренаике – без нашего вмешательства итальянцы не справятся с Уэйвеллом...

Паулюс считал, что для разгрома всех армий СССР вермахту потребуется лишь от четырех до шести недель:

– Господа, это примерно тот срок, который определил для себя и Наполеон в тысяча восемьсот двенадцатом году...

Вечером у него состоялась беседа с Гордом фон Рундштедтом.

– Наш фюрер, – говорил фельдмаршал, – придерживается континентальной стратегии, и, подобно Наполеону, он боится воды. Ему приятнее думать, что Англия падет сама по себе, если с Россией будет покончено. Я сидел в окопах еще

при кайзере и по себе знаю, каково мужество русского солдата. Но тогда иваны дрались с нами на польской земле, на земле австрийской Галиции, а... сейчас? Должен огорчить вас, Паулюс: план «Барбаросса» хорош сам по себе, но война с Россией вряд ли может иметь счастливый конец...

Впрочем, Паулюсу подобные сомнения казались напрасными. 18 декабря 1940 года Браухич сделал доклад о завершении плана «Барбаросса», и тогда же фюрер – в присутствии Йодля и Кейтеля – одобрил его особой директивой. (Гитлера хватил бы инсульт и разбило параличом, узнай он только, что ровно через одиннадцать дней эта директива будет лежать на столе в кабинете Сталина, – советская разведка сработала, но Сталин счел директиву «фальшивкой», подброшенной ему англичанами...)

– Что слышно из России, – спросил Гитлер. – У меня такое ощущение, будто Сталин боится дышать в мою сторону.

– К сожалению, – ответил Йодль, – информация абвера скудная. Иногда мы довольствуемся наблюдениями из окна уборной в экспрессе Владивосток – Москва, когда этим маршрутом пользуются наши дипломатические курьеры из Токио.

– И много они увидели, сидя на унитазе?

Кейтель выложил перед фюрером фотоснимки:

– Вот! Даже сидя на унитазе, можно иметь некоторое представление о русских делах... в Сибири замечено скопление воинских эшелонов, вроде бы они передвигаются в за-

падном направлении. Но при этом абвер не подтверждает уплотнения русских войск близ западных границ России.

Гитлер еще раз глянул в свою директиву.

– Ладно, – сказал он. – Впрочем, это лишь план. Начинать же войну с Россией – все равно что отворять двери в темную, никому не известную комнату. А кто там торчит за дверью и что он держит в руках, этого мы пока не знаем. Но мы обязаны начать войну весной сорок первого, ибо вермахт уже более никогда не достигнет той мощи, какой он обладает сегодня...

Перед рейхсканцелярией заиграл оркестр. Свежий ветер трепал над фасадами зданий выцветший лозунг: «ОДИН НАРОД, ОДНА ПАРТИЯ, ОДИН ФЮРЕР». По улицам маршировали юнцы из организации «гитлерюгенд» (от 14 лет и старше), за ними шагали «нимфы» (в возрасте от 6 до 10 лет) – все они были с кинжалами, и под рокот множества барабанов они распевали:

Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым,
Сомненья и робость отбросьте,
И завтра уже победим...

Совещание закончилось. Генералыштеблеры расходились.

– Постойте, – вдруг задержал их Гитлер. – Римский дуче обратился ко мне с просьбой помочь ему в африканских делах. Кто у нас более всех пригоден для выживания в пусты-

не?

Опережая других, Паулюс уверенно шагнул вперед.

— Нет, не я! — «гавкнул» он. — Но мне известно, что генерал Эрвин Роммель не откажется от любого приказа.

Гитлер понятиливо кивнул, одобряя кандидатуру. Но генерал Гальдер потом с неудовольствием выговорил Паулюсу:

— Что вы подсунули нам «швабского задиру»? Роммель — это человек, которого в мирные дни лучше всего держать на железной цепи, а во время войны его лучше всего повесить...

.....

— Земной шар, — утверждал Гитлер, — это всего лишь переходящий кубок, который достается победителю...

Перед нападением на СССР фюрер поспешно сколачивал громоздкий блок сателлитов. Он обретал союзников из принципа странной немецкой поговорки:

«Прошу, будь мне хорошим другом, иначе я шарахну тебя дубиной по башке». Его представители разъехались по столицам Румынии, Финляндии, Венгрии и Болгарии, навестили и Франко в Мадриде. Гальдер нанес визит (и не первый) маршалу Маннергейму в Хельсинки. Паулюсу пришлось срочно вылететь в Бухарест, чтобы обговорить некоторые детали на будущее с диктатором Антонеску, тем более что Гитлера приманивали румынские нефтепромыслы (своего горючего не хватало). Задача Паулюса осложнялась тем, что король Михай шел на поводу Антонеску, а вот его жена,

королева Елена, была настроена против Гитлера. Паулюс в переговорах преуспел, ибо ему помогли родственные связи – шурин Паулюса, кузен его очаровательной Коко, состоял при дворе королевской четы...

Из Будапешта Паулюс вернулся в Берлин, окрыленный успехом в переговорах. Берлин встретил его оттепелью, а жена – первыми фиалками. Из-под колес генеральского «мерседеса» выплескивало струи талой воды. Паулюс тронул руку жены:

– Моя любимая женщина, «тихо скрипка играет, а я молча танцую с тобой». Видишь, Коко, как все удачно складывается?

– Ах, Фриди, я очень боюсь, что будет война с Россией... Но я, как жена твоя, конечно, радуюсь твоим успехам. Прости, – сказала Коко, – у меня даже появилась одна сокровенная мечта: я давно вижу тебя фельдмаршалом. Не смейся! И пусть твой маршальский жезл сверкает алмазами и рубинами...

...Сталинград? Пожалуй, Коко и не знала такого города, в подвалах которого ее муж станет фельдмаршалом.

12. СЛЕД ЛЬВИНОЙ ЛАПЫ

– Италия, – сказал дуче, – ах, как любит меня Италия!

Лязгнуло железо затворов громадного вольера, за прутьями решетки нервно похаживала разъяренная львица, стегая хвостом по воздуху. Бенито Муссолини бесстрашно шагнул в клетку.

– Италия, – нежно позвал он хищника. – Неужели ты не узнала меня... своего любимого дуче?

Иностранные корреспонденты раскрыли блокноты, а кинооператоры разом вскинули свои камеры, дабы запечатлеть исторический момент. Италия (такова была кличка львицы) ткнулась в колени Муссолини, потом, поднявшись на задние лапы, облизала лицо диктатора горячим языком, шершавым, как наждачная бумага.

– Снимайте! – крикнул дуче корреспондентам. – Пусть эти кадры сохранятся для потомства, и пусть все в мире знают, как горячо любит Италия своего великого дуче... Недаром же я поклялся оставить в истории след львиной лапы!

Африка – вот куда влекло вождя партии фашистов, и он, дуче, с гордостью носил на черной рубаше значок этой партии, который в итальянском народе называли «клопом».

.....
Фридрих Паулюс и Эрвин Роммель встретились под сводами богатого отеля «Адлон» – ради ужина, чтобы погово-

ритель.

«Адлон» являлся прибежищем высокопоставленных нацистов и богатой публики. Здесь никто не думал о повышении квартирной платы или о том, как растянуть на всю неделю 500 граммов мяса по карточкам. Звучала тихая музыка, не мешавшая беседовать. Струились фонтаны с водою, подсвеченной прожекторами.

Между столиков в узких трико телесного цвета дефилировали с корзинами цветов кокетливые девицы, главная из них была в барабан.

Роммеля всегда отличала приятная белозубая улыбка, в его глазах светилась сила ума и сдержанной злости. Сейчас, как и в молодости, друзей сближали крайности характеров: Роммель горяч, а Паулюс холоден. Роммель уже был извещен о том, что его ждет Африка, и он почти невозмутимо выслушал от Паулюса, что Муссолини постоянно колотят:

– Быют в Ливии, быют в Греции и даже (стыдно сказать) в ничтожной Албании. Фюрер потому и счел нужным поддержать дуче ради политического престижа фашизма, столь родственного идеям национал-социализма. Мало того, – сказал Паулюс, – фюреру совсем не хотелось бы залезать в пекло Африки.

– Тогда на кой черт сдалась Киренаика и Мармарика?

– Личная услуга фюрера, оказанная Муссолини.

Роммель что-то прикинул в уме:

– Как далеко бежали итальянцы от англичан?

– Образовался разрыв миль около трехсот.

– А сколько танков у британского Уэйвелла?

– Двести. В основном – «Валентайны» и «Матильды»,

броня которых легко протыкается пальцем, если ты его прежде смажешь вазелином. В этих танках мало брони, зато много пластмассы, и потому они горят, как пасхальные свечи. Уэйвеллу не хватает утяжеленных «Черчиллей», у которых защита приличнее. Я не думаю, – сказал Паулюс, поднимая бокал с кьянти, – что тебе будет там трудно. Английские позиции удерживают колониальные новозеландцы, австралийцы, индусы. Наконец, там собрались и поляки, которых мы не добились. В пустынях у англичан появился даже еврейский батальон.

– Ого! – развеселился Роммель.

– Но помни, Эрвин, что мой шеф относится к тебе паршиво, даже не скрывая, что тебя надобно бы повесить.

– Обоюдная антипатия. Гальдер считает меня авантюристом, и теперь он станет всюду хватать меня за хлястик.

– Не зарывайся, – посоветовал Паулюс. – Нам в Ливии требуется устойчивое состояние обороны, не больше! Из тебя хотят сделать броневую заслонку. Твои действия в Африке – лишь отвлекающий маневр. Пусть в мире думают, что Гитлер завяз под Тобруком, а тогда в Москве даже кошка не шевельнется... Это как раз то, что нам сейчас и требуется. Ты понял?

Девушки в трико отработали «шаг на месте», барабан отчет-

канил солдатский мотив: «Был у меня товарищ, был у меня товарищ...» В облике Роммеля что-то изменилось.

– Нет, я возьму Тобрук, – вдруг жестко произнес он. – Я превращу этого Уэйвелла в жалкое дерьмо – *назло Гальдеру*, и не меня, а именно его, твоего шефа и мерзавца, надо повесить.

Паулюс отрезал крылышко от фазана. Подумал и аккуратно переложил на свою тарелку жареные каштаны. Сказал:

– Гальдер не даст подкреплений. А фюрер никогда не станет снимать с Востока силы ради твоих амбиций.

Роммель равнодушно обозревал девиц, думая о своем:

– А если фюрер все-таки поддержит меня в пустынях Ливии ради собственного престижа и престижа германского оружия?

– Вряд ли, – отозвался Паулюс. – В африканских делах он всегда согласится с мнением ОКХ и... того же Гальдера. Не забывай, приятель, что мы имеем дело с большой стратегией, а эта штука всегда связана с большой политикой.

– А меня разве посылают творить маленькую?

– Не сердись, Эрвин, у тебя же светлая голова: сам должен понимать, что одна Москва стоит Тобрука, Мальты, Каира и... Лучше выпьем за старую дружбу! Прозит...

Эти два человека, столь разные и почти не совместимые, еще не думали, что их армиям суждено иметь единую и общую цель: Роммель с берегов Нила, а Паулюс с берегов Волги должны были, по замыслу Гитлера, образовать гигантский

охват, чтобы в конце концов пожать друг другу руки где-либо на Ближнем Востоке... скажем, в Бейруте или, допустим, в Дамаске.

— Грузиться с войсками станешь в Сицилии, — сказал Паулюс.

— Надеюсь, дуче примет нас с уважением...

Бенито Муссолини? Да, он тоже оставит свое имя в истории Сталинградской битвы, чтобы, как говорят русские, «хлебнуть шилом патоки». Золотой «клоп» вползал по его черной рубахе — ближе к шее, за которую он будет повешен.

.....

Скромный чистильщик обуви на римских улицах Бруно Каверно наярил ботинки прохожему пижону и соизволил сказать:

— А наш дуче скоро подохнет от рака.

Его тут же взяли и потащили. В полиции спрашивали:

— Откуда знаешь, что наш великий дуче болен раком?

— Так об этом в Италии все говорят.

— И ты в том числе? Так собирай свои щетки с гуталином. Мы сошлем тебя на остров Пиццу, где до конца жизни будешь наяривать до нестерпимого блеска босые ноги у тамошних ссыльных... Следующий! Кого там еще взяли?

Бенито Муссолини... Об этом человеке можно сказать кратко: соревнуясь с фюрером, он всегда хотел догнать его и перегнать, но каждый раз срывался со старта, когда Гитлер уже рвал грудью финишную ленточку. Однако эти со-

ревнования итальянского фашизма и германского национал-социализма очень дорого обходились всем чистильщикам обуви. Не так уж прост был дуче, как иногда о нем думают, «он не был банальным реакционером, – писал наш историк. – Муссолини был человеком толпы, который обладал чутьем масс, политической интуицией, организационной сноровкой, беззастенчивым практицизмом. Это был артист действия, подстрекаемый личным честолюбием, неутомимой волей и необычайной умственной возбудимостью. Сам он говорил о себе в духе Маринетти: „Я слушаю голос своей крови...“

Что там Маринетти? Муссолини и сам был мастак на афоризмы:

– Не для того я создавал мощное движение фашизма, чтобы теперь торчать возле окошка, наблюдая за тем, как резвятся эти берлинские щенята. Пусть Гитлер знает, что я, дуче, рожден оставить после себя на скрижалях истории глубокий след от когтей львиной лапы...

Вот с этими скрижалями ему, прямо скажем, не везло!

Гитлер, как мировой рекордсмен, до того обнаглел, что даже не считал нужным оповещать своего партнера о предстоящих чемпионатах, ставя рекорды самостоятельно. Он высадился в литовском Мемеле, он вкатил свои танки в Прагу, а потом уж слал в Рим своих курьеров, извещая партнера о своих рекордах, и Муссолини просто сатанел от ярости:

– Каждый раз, утолив потребности своего пищеварения,

фюрер извещает меня, что временно сыт, после чего и отпрыгивает в сторону великого Рима...

Желая опередить фюрера на Балканах (куда тот, конечно, полезет), Муссолини, не предупредив Гитлера, захватил Албанию, из которой король Загу бежал, теряя на бегу свои чемоданы и оставляя на станциях женщин из своего гарема. Завидуя успехам Гитлера в войне с Польшей, дуче – назло Гитлеру! – высадился в Греции, но там потомки античных героев так поддали ему, что итальянцы бежали. Как это ни печально, пришлось просить о помощи в Берлине – у того же фюрера. Потом – Франция! Муссолини долго крепился, сохраняя нейтралитет, втайне надеясь, что Гитлер в беге с барьерами сломает себе шею. Но когда вермахт готов был вот-вот войти в Париж, дуче объявил войну французам, а заодно велел устроить затемнение в Риме. Но Гитлер словно не заметил его усердия, от победы над Францией дуче получил только крошки с чужого стола и огорченно сказал:

– Ладно! Включайте все фонари на улицах Рима, а то мои итальянцы, пользуясь мраком, слишком уж расшалились...

Зависть к ошеломляющим успехам Гитлера и даже некоторый страх перед Берлином глодали дуче давно. Гитлер, не желая портить отношения с Римом, пригласил дуче в Германию, чтобы обсудить вопросы на ближайшее будущее. Накануне их встречи итальянская разведка «вышла» в Неаполе на красивую даму и немецкого полковника, в нее влюбленного, но эта дама, будучи замужней, оказалась неподатлива,

а портфель полковника сулил интересные открытия в области итало-германских отношений.

– Пусть эта дама устроит немцу пылкую ночь любви – такую, чтобы штукатурка с потолка сыпалась! – повелел дуче. – Скажите ей, что с нею я расплачусь с а м... из партийной кассы!

Сверхуникальная пылкость дамы стоила полковнику пропажи секретной директивы Гитлера от 18 декабря 1940 года, которая одобряла план «Барбаросса». Дуче покоробило, что в директиве о нем и его армии даже не упоминалось. Выходит, будущие услуги этих мадьяр, валахов и чухонцев Гитлер оценивает дороже боевого пыла прегордых римских берсальеров.

– Фюрер, – заметил дуче, – наверное, решил, что я опять буду смотреть в окошко, как он вывозит из России эшелоны всякого добра... У меня в Сицилии даже мафиози честнее!

19 января 1941 года состоялось свидание диктаторов в Зальцбурге. Дуче был мрачно подавлен, он посматривал на Гитлера, как обреченный бык на искусного тореадора. Эта встреча по времени совпадала с оживлением англичан в Северной Африке; генерал Уэйвелл не только потрепал итальянцев, но англичане даже разрезали колючую проволоку вдоль неприступной «линии Муссолини».

В беседе с дуче фюрер сознательно помалкивал о предстоящем нападении на Россию, хотя мнимая «угроза с Востока» отчасти и присутствовала в их разговорах, как необходимая

приправа к мясному блюду. Наконец дуче не выдержал игры в кошки-мышки, ибо через пылкую даму в Неаполе замыслы Германии он уже знал.

– Фюрер! – браво заявил Муссолини. – Если вы решили поднять над миром знамя борьбы с большевизмом на Востоке, то моя фашистская Италия никак не может остаться на обочине шоссе...

Ему уже виделись грохочущие с Донбасса эшелоны, заваленные антрацитом, дуче уже засыпал украинским зерном римские закрома, он уже добавлял в свое железо порции русского молибдена и вольфрама.

– Дуче, – отвечал Гитлер, загоняя его мысли обратно под жгучее солнце Африки, – если в Ливии вам понадобится моя помощь, я согласен выделить хорошую панцер-дивизию.

– Не возражаю. Пусть ею командует Гудериан!

«Много захотел этот макаронник...»

– Нет, дуче. Гудериан нужен мне для других дел, а я пошлю в Ливию коменданта своего поезда Роммеля, и этот генерал для Африки как раз подойдет. Но я оставляю за собой право забрать свои танки из Ливии не позднее весны этого года.

Муссолини сообразил: «Вот дата нападения на Россию...»

– Благодарю, фюрер! Но в оперативном отношении Роммель обязан подчиниться моему генералу Итало Гарибольди, это образцовый фашист, мастер дерзновенных атак, и пусть ваш Роммель поучится петь у моих кадровых запевал.

– Согласен. Но вы, дуче, пришлите мне побольше своих итальянцев – мои заводы нуждаются в рабочих. Если Италия не даст Руру шахтеров, она не получит и куска угля...

Вернувшись из Зальцбурга, дуче показался врачам:

– Мои паршивые итальянцы болтают на улицах, будто у меня метастазы и я, как последний идиот, сдохну от рака. Ну-ка, проверьте, как обстоят со мною дела... Ваш точный диагноз я опубликую в партийных газетах, чтобы все итальянцы заткнулись и помалкивали.

Потом он устроил генеральную «чистку» в армии и в рядах своей закаленной партии. Для этого он никого не сажал за решетку, как это делал Гитлер, никого не тащил в подвал, чтобы прикончить, как это делал Сталин, – нет, Муссолини был умнее всех: он устроил для своих генералов и партийных функционеров спортивные состязания.

– Зажрались! – сказал он своему зятю графу Чиано, который ведал иностранными делами. – Вот сейчас мы и проверим, кого оставить, а кого гнать в отставку, на пенсию...

Началось! Бег на короткую и длинную дистанцию. Прыжки с шестом. В длину и в высоту. А те, кому было уже за шестьдесят, катались на велосипедах или скакали на лошадях. Всех, кто не одолел нормы, положенной в массовом спорте, сразу удаляли из кадровых офицеров армии. Дуче сам ругался со своими ветеранами, соратниками по всяким прежним делам:

– Что ты мне тут воркуешь о своих заслугах перед фашиз-

мом? Ты лучше посмотри на свое брюхо. А... ноги? Разве такие ноги должны быть у ветерана великой партии, созданной в борьбе за светлые идеалы фашизма? Не спорь. Великие идеи нуждаются в сильных исполнителях, способных не только разевать рты на митингах, но и прыгать с шестом, не касаясь планки... Проваливай!

Сам же дуче в соревнованиях не участвовал. Спортивные состязания он заменял любовными похождениями. Ему нравилось по ночам шляться без всякой охраны по улицам Рима, выискивая «рагацуоне» (доступных бабенок) помоложе. Потом он возвращался домой к своей жене донне Раккеле и всегда радовался, когда его узнавали в потемках прохожие, а в столице шли разговоры:

– Дуче-то наш... каков молодец! Уж сколько лет во главе партии, а все еще по «рагацуоне» стреляет. Воротник подымет, шляпу на глаза нахлобучит и думает, что его не узнают... мы все знаем! Знаем, что скоро загнется от рака...

Однажды, когда Муссолини проезжал по Риму, приветствуемый прохожими, из толпы раздался дикий женский вопль:

– Хочу ребенка от дуче! Только от дуче...

В таких делах отказывать женщине нельзя, и Муссолини велел найти кричавшую женщину, которая оперативно быстро забеременела. Это была рыжекудрая Клара Петаччи, которую итальянцы и повесили потом вместе с отцом ее ребенка, но повесили не за шею, а вниз головами – за ноги. Впро-

чем, до этого было еще далеко, и улицы гордого Рима украшали броские плакаты:

НАШ ДУЧЕ ВСЕГДА ПРАВ!

22 января английская армия Уэйвелла взяла Тобрук.

Итало Гарибольди (самый главный «запевала», по словам Муссолини) первым стал паковать чемоданы, его офицеры мигом опорожнили бутылки с минеральной водой «Реко-аро».

Солдаты армии Гарибольди дружно собирали манатки.

Предстоял массовый забег на длинную дистанцию. Кому драпать до Мессины, кому и дальше – аж до Турина...

Но в эту панику вдруг врезались танки Эрвина Роммеля!

.....

В то, что Советский Союз рано или поздно собирается нападать на Германию, в это Фридрих Паулюс никогда не верил (ни в кабинетах Цоссена, ни в домашнем кругу он таких подозрений никогда не высказывал – факт известный!). Сейчас его, завершившего план «Барбаросса», угнетали совсем иные сомнения, и он решил повидаться с генерал-полковником Людвигом фон Беком...

Бек, предшественник Гальдера, смирился с аншлюсом Австрии, но после захвата Чехословакии пришел к выводу о неизбежности краха Германии в ближайшем будущем. «Чтобы разъяснить будущим историкам нашу позицию, я, как начальник генерального штаба, официально заявляю, что отказываюсь одобрять национал-социалистские авантюры (фю-

рера). Окончательная победа Германии невозможна» – с такими-то вот словами Людвиг фон Бек – фигура в общем-то трагическая! – и уступил свое кресло Францу Гальдеру.

Паулюс хотел повидаться именно с Беком, а тот, хорошо информированный, встретил его неприязненно:

– Мне, честно говоря, не по душе ваша игра с Востоком. Не стану приводить хрестоматийный пример Наполеона, лучше напомним слова Фридриха Великого: «Всякая вражеская армия, осмелившаяся проникнуть до Смоленска и далее, безусловно, найдет себе могилу в русских степях...»

Паулюс наивно аргументировал свою защиту:

– А что имел тогда король? Кавалерию двух алкоголиков – Циттена и Зейдлица? Теперь же, в век моторов, гладкие степи как раз и являются лучшим рельефом для развертывания танков в самую глубину стратегических направлений.

Казалось, Бек был знаком с планом «Барбаросса».

– Я не знал, Паулюс, что вы готовитесь в новые Шлифены! – с ядом на устах произнес он. – Но и Шлифен оказался в дураках, ибо не учел наличия второго фронта. – Бек вдруг заговорил об узости доктринерского мышления профессионалов-генералыштеблеров, считающих войну наивысшей формой человеческого самоутверждения. – Односторонность такого мышления, Паулюс, может завести вас в степях очень далеко... и даже не в ту сторону! Я всегда ратовал за усиление вермахта, но пора бы немцам подумать, что армия не обязательно должна служить только войне. Не забы-

вайте и о личной ответственности каждого полководца.

Паулюс не ожидал такого «благословения», ради которого, кажется, и явился к отставному стратегу.

– Простите. Если приказ дан, я его выполняю.

– Даже если он преступен? – усмехнулся Бек.

– Однако преступен и тот, кто не исполнит приказ высшего командования, – возразил Паулюс. – Из этой альтернативы образуется колдовской круг, из которого нам, военным специалистам, уже никогда не выбраться.

– Но я-то, – воскликнул Бек, – *я выбрался!*..

Паулюс молча откланялся, и они расстались.

Дома Паулюс застал барона Кутченбаха.

– Вы чем-то встревожены? – заботливо спросил зять.

– Может быть.

После разговора с Людвигом фон Бекком остался на душе скверный осадок, как в кружке с дурным пивом. «Стоит ли так жестоко морализировать, если развитие боевой техники уже давно перечеркнуло все христианские добродетели Гаагской и Женевской конвенций? Я совсем не думаю, что мы придем в Россию, как спасители, а русские встретят нас, как великие гуманисты... Наши древние боги всегда алчут крови!»

Беседа же с фон Бекком долго не забывалась и будет мучить Паулюса даже в России – за колючей проволокой лагеря № 27. Не это ли порицание фон Бекком его, автора плана «Барбаросса», через три года и заставит Паулюса шагнуть к

микрофону московского радиовещания, чтобы сказать всем немцам:

– Внимание! Это говорю я, фельдмаршал Фридрих Паулюс, которого в Германии объявили мертвым...

13. А ТЕПЕРЬ МОЖНО ТАНЦЕВАТЬ

Коричневая чума расплзлась по миру – как злокачественный лишай. В марте немецкие войска уже хозяйничали в Болгарии, Антонеску расквартировал в Румынии 20 германских дивизий, в Финляндии немцы вели себя как дома; маршал Маннергейм даже отменил в стране сухой закон – ради приятных союзников, желающих выпить и закусить копченой салакой. Гитлер направил армию в Грецию, дабы выручить разбитого там эллинами Бенито Муссолини. Паулюс в это время горячо одобрял нападение на Югославию, связывая его (хотя бы теоретически) с предстоящим вторжением в пределы России. «Нашими целями в данном случае, – писал он, – было прежде всего иметь свободным свое правое плечо, когда мы нападём на Россию...»

Гитлер распорядился выделить дивизии для дуче в Албании:

– Без нас ему даже с янычарами не справиться...

Наверное, в Москве уже обратили внимание, что штабы армий Теодора фон Бока и Ганса-Гюнтера фон Клюге разместились в Познани и Варшаве: пока эти фельдмаршалы держали войска подальше от рубежей СССР, чтобы Москва не слишком-то волновалась. В это же время, громяхая газами мощных выхлопов, включив боевые прожекторы, танки Ромеля, высадившиеся с кораблей в Триполитании, уже рвали

железными траками полосы верблюжьих колючек, танки величаво удалялись в пустыни Киренаики. Немецкая агентура подняла восстание в Сирии, возникли волнения в сопредельном Ираке – и это понятно, ибо Гитлер, как и Наполеон, объявил себя большим другом и защитником мусульманского мира...

Немецкие агенты уже давно проникли в Крым, где вели среди татар умелую пропаганду, взвинчивая мусульманский фанатизм. «Германский эффенди Адольф, – говорили они татарам, – родился с зеленой каймой вокруг живота», что является несомненным признаком мусульманской святости...

Был февраль 1941 года, когда Паулюс застал Гальдера в гордом одиночестве, на столе начальника генштаба валялся «Милитервиссеншафтliche рундшау» – главный печатный орган ОКХ.

– Читали? – спросил Гальдер, с линзой в руках чуть ли не животом ползая по огромной карте. – Информация Кёстринга о переменах в Москве подтвердилась. Сталин сделал умного Шапошникова заместителем Тимошенко, а начальником в Генштабе выдвинул какого-то вундеркинда по фамилии Жуков... Случайно, не того, что был при Халхин-Голе?

Пришлось потревожить полковника Адольфа Хойзингера, большого знатока Красной Армии, который и доложил:

– Жуков. Георгий. Отца звали Константином. Пошел наверх. Он резок. Порою нетерпим. Женат. Имеет дочь. Пожалуй, первым он применил массированный танковый удар

на рубежах Монголии, с чего и началось его выдвижение. В отличие от Шапошникова, который вел себя со Сталиным независимо, Жуков, только что появившись в Генштабе, вряд ли проявит себя в полной мере.

– Все? – спросил Гальдер, отбросив линзу.

– Пока все. Будущее покажет, кто такой этот Жу-жуков...

Отпустив Хойзингера, Гальдер жаловался Паулюсу:

– Уже не хватает пробок, чтобы заткнуть все дырки в нашей разбухающей бочке. Видите, сколько фронтов сразу... тут сам дьявол ногу сломает! Кому что дать, у кого что отнять. Отныне нам, Паулюс, ничего не останется, как перенести сроки нападения на Россию... Может, оно и лучше? Дороги подсохнут...

27 марта 1941 года Паулюс был приглашен на «большой ковер» в рейхсканцелярию. В центре огромного зала состоялась нервная беседа Гитлера с Йодлем и Кейтелем. ОКВ было взволновано. Гитлер с пафосом рассуждал, что от перенесения сроков на июнь планы войны с Россией не пострадают.

– Да, Югославия нас задержит, – признал он, – сербы очень воинственны. Надо сразу же натравливать на них усташей-хорватов Анте Павелича. Труднее всего справиться с авторитетом России на Балканах, который она вполне заслуженно приобрела в борьбе за свободу славян... Успокойте же Браухича: двух летних месяцев вполне достаточно для полного сокрушения России... Паулюс, где вы? Подойдите ближе. Вам предстоит слетать в Будапешт и нажать на мадь-

яр, чтобы их гонведы помогли нашей пехоте в Югославии... Йодль, не хватит ли шептаться с Кейтелем? Я все слышу. Заверяю вас, что никакой зимней кампании в России не будет. Все решится в летний период, и только мухи с комарами станут помехой нашим гренадерам...

– Как бы мы ни секретничали, – напомнил Йодль, – но апрель станет конечным месяцем, когда произойдет неизбежная утечка информации... Русские наверняка все уже знают!

Паулюс, глянув на фюрера, скупно улыбнулся:

– Если они знают, то почему же держат свои главные силы стоящими от рубежей на триста и даже четыреста километров? Красная Армия эшелонирована в глубину вплоть до Днепра. Их боевой максимум отодвинут к востоку, а мы против слабого минимума выставаем свой мощный максимум. Склады снабжений и аэродромы русских сосредоточены возле самых границ, что позволит нам сразу же их уничтожить.

– Паулюс более объективен, – поддержал его Гитлер.

– Благодарю, но это не моя заслуга – абвера... На всякий случай, чтобы заглушить подозрения, Москве было предложено участие в Лейпцигской ярмарке и международной выставке в Вене. Геббельс охотно подключился в работу по дезинформации. Германия наполнилась слухами, будто следует ожидать визита Сталина в Берлин, уже скуплена вся красная материя, чтобы ко дню его приезда украсить столицу рейха красными флагами. И Сталин – таковы были слухи – уже согласен отдать фюреру Украину «во временное пользование».

Но тут начались осложнения, которых никто не предвидел. Роммель уже дал понять генералу Итало Гарибольди, кто тут господин, а кто лишь слуга, и взял командование в свои руки. На вопрос Гарибольди, что ему делать, Роммель ответил:

– Будете меня догонять. У вас спорт в почете...

Никого не оповестив (ни Рим, ни даже Берлин), он с ходу ворвался на танках в Бенгази. По дороге ему попались два английских генерала, Ним и О,Коннор, которые никак не ожидали оказаться в плену:

– Ваши действия превосходят все наши ожидания.

На это Роммель отвечал им:

– Возможно! А что толку с ваших трех танков против одного моего, если вы не умеете определить их цели?

Уверенность Роммеля в превосходстве своего ума и немецкой техники была столь велика, что он не боялся вровень с танками загонять в гущу боя даже бронетранспортеры с пехотой. Кажется, будь у него телеги или стадо баранов, он бы и их зажал в центр сражения.

Почему-то все испугались его усердия. Не только в Каире и Лондоне, не только в Риме, но даже... даже в Берлине! Роммель за две недели захватил у англичан всю область Киренаику (кроме Тобрука, который в кольцо осады оказался далеко в тылу его танкового корпуса)...

Гальдер самоуправства не терпел.

– И это ваш приятель? – выговорил он Паулюсу. – Сразу

видно, что он пересел в танк из-за столика вагона-ресторана фюрера, сильно покачиваясь. Германия в канун войны с Россией не может позволить себе такую роскошь – иметь активный фронт в Африке. Роммелю указывалось оборонять Триполи, а он выкатывает свои ролики уже на границы с Египтом...

Германия отмечала 52-летие Гитлера; бывший командир Паулюса, генерал Рейхенау, выступил по радио, сравнивая Гитлера с Фридрихом Великим, Клаузевицем и Мольтке. Немцы в Берлине бестолково судачили: почему не приезжает Сталин?

– Украина сейчас нам бы не помешала! И нам было бы приятно видеть Сталина с фюрером на балконе рейхсканцелярии. Вот тогда бы Черчилль обклатся!

Роммелю из ОКХ переслали приказ: перейти к жесткой обороне. Но корпус Роммеля катил на роликах дальше.

– Он теперь требует, – возмущался Гальдер, – чтобы в его танки вмонтировали кондиционеры воздуха. Что он? Совсем спятил? Скоро танкисты в России попросят, чтобы в танках поставили печки и заготовили дровишки. А дым будет выходить через пушку?

– Поймите, – доказывал Паулюс, защищая приятеля, – танк сам по себе словно консервная банка, мы во Франции воевали в одних трусиках, а здесь... Африка! Песчаное пекло.

(Как пишет наш военный историк В. Секистов, «боевые

действия в Северной Африке были тесно связаны со многими важнейшими вопросами политики и стратегии... Гитлер серьезно помочь Муссолини не мог и не хотел, так как в это же время фашистская Германия интенсивно готовилась к нападению на СССР».)

Муссолини послал Гитлеру *протест*, требуя, чтобы Берлин образумил этого «безумца», который рискует только своей головой, но терять-то колонии в Африке придется не Роммелю, а Италии! В ответ на протест дуче Роммель вышел на египетскую границу, и тогда король Фарук устроил в Каи-ре антибританскую демонстрацию под лозунгом: «ВПЕРЕД, РОММЕЛЬ!». Английская марионетка, король Фарук, прислужничая Лондону, заодно уж и заигрывал перед всемогущим Гитлером и Муссолини...

Кейтель с Йодлем в ОКВ устроили срочное совещание:

– Роммель своими претензиями на звание нового Александра Македонского губит осуществление всего плана «Барбаросса». Африканский театр всегда останется для нас *только вспомогательным*, пока мы не разделились с Россией...

Гальдер очень сурово смотрел на Паулюса.

– Итак! – решил он. – Фюрер требует связать этого сумасшедшего. Кейтель хотел бы отправить в Ливию меня. Но мое личное вмешательство, боюсь, позволит Роммелю возомнить о себе черт знает что. Вы же с ним давние приятели, вот вы и напаяливайте на Роммеля смиренную рубашку...

Поздно вечером 24 апреля самолет с Паулюсом приземлился на аэродром в Бенгази, где его поджидал Роммель:

– Сознавайся, тебя прислал Гальдер... из ОКХ?

– Кейтель... из ОКВ, – сфальшивил Паулюс. – Эрвин, что ты натворил тут? Ведь Германии и фюреру пока безразлично, чей Тобрук – твой или Уэйвелла... Пусть об этом болит голова у дуче Муссолини.

Роммель пригласил его в свой бронетранспортер:

– Поехали! Какие последние анекдоты в Берлине?

Усаживаясь удобнее, Паулюс рассказал анекдот:

– Приехал дуче к нашему фюреру. Сидят, разговаривают, Гитлера позвали к телефону, а Муссолини без него стал открывать бутылку с шампанским. Тут шампанское «выстрелило» пробкой – прямо в глаз. Вернулся фюрер в кабинет и развел руками: «Ах, дуче, дуче! Стоит мне хоть на одну минуту оставить тебя одного – и ты уже в синяках...»

Они мчались через пустыню, исполосованную гусеницами танков. Где-то на горизонте факелом догорал сбитый британский «харрикейн». Быстро темнело. Роммель достал из мешка алжирское вино и крупные апельсины из Марокко. Бронетранспортер взрывал грудью песчаные эскарпы, словно хороший бульдозер. Генералов мотало, как катер в море.

– Откуда у тебя все с марокканскими этикетками?

Они хлебали вино прямо из горлышка бутылки. Роммель старался перекричать грохот дизеля, рассказывая:

– Вино и фрукты поставляют французы – те, что верны

Петену и его шайке, а не этому... как его? Де Голлю...

Сначала разговор шел чисто профессиональный:

– Мои ролики отработали на повышенных режимах, моторы уже исчерпали свои ресурсы, пора их заменять новыми... Знаю, что ты скажешь. Но здесь особые условия – Африка!

Грохот. Пылища. Визг металла, скорость.

– Пойми, – кричал ему в ухо Паулюс, – в России тоже особые условия, и каждый резервный мотор в Германии на счету...

Они приехали на КП. Роммель показал вдаль:

– Вот и Египет... Есть способ образумить Гальдера и заветников: для этого я возьму Каир, чтобы танками контролировать Суэцкий канал. Что мне Фарук? Я сделаю из него домашнюю обезьяну, чтобы она подавала мне кофе в постель.

Роммель сбросил с головы пробковый шлем. В командном шатре его ожидал араб, с которым он быстро переговорил через переводчика-итальянца. Паулюс спросил – кто это?

– Анвар ас-Садат, офицер короля Фарука. Меня ждут в Каире. Я знаю все. Вплоть до цен на коньяк в отеле «Семирамида». Берберы на верблюдах таскают для меня бидоны с водой. Я расплачиваюсь с ними бусами и свертками синего маркизета.

Паулюс предъявил ему суровые обвинения ОКХ.

– А выйти к Суэцу тебе сейчас никто не позволит. Сво-

им прорывом к Египту ты невольно подрываешь все наши планы восточной кампании. Фельдмаршал фон Клюге давно торчит в Варшаве, обложившись литературой о Наполеоне, чтобы не повторить его гениальных ошибок с Россией...

– Нашли учителя! – долго и взхлеб хохотал Роммель.

В его окружении Паулюс встретил сослуживца своих молодых еще лет – генерала Генриха Кирхгейма, с которым когда-то служил в Альпийском корпусе, и они оба одинаково страдали общим недугом – дизентерией.

– Генрих, ты неважно выглядишь, – сказал Паулюс.

– Что? Ах! – отмахнулся Кирхгейм. – Здесь могут выжить только берберы да скорпионы. Говорят, в Берлине уже спланировали поход на Россию... я бы хотел лучше топтать по грязи русских, только бы вырваться из этого пекла!

Зенитным огнем был подбит британский самолет, летчик выбросился с парашютом и сдался в плен с таким надменным равнодушием, будто оказывал немцам величайшую услугу.

– До вашего прибытия в Ливию у нас каждый день войны был днем кайфа. В полдень мы бросали позиции и разъезжались по барам Каира, до пяти у нас была «сиеста» в шезлонгах, потом снова выезжали на фронт, который и закрывали в семь тридцать до следующего утра... Вы нам все испортили! – сказал летчик.

Роммель ответил пленному, что прежняя договоренность между Гарибольди и Уэйвеллом – не беспокоить противни-

ка, когда он освежается в море или загорает на пляжах, эта джентльменская договоренность пусть остается в силе.

– Но будь я на месте Рузвельта, – сказал Роммель, – я бы вам, англичанам, не послал по ленд-лизу даже коробки спичек. Зачем вам танки и самолеты, если вы все равно не воюете? Для вас партия в бридж или в теннис важнее проигрыша в бою... Уведите его к чертовой матери!

– Англия, – крикнул на прощание пленный, – способна проиграть все битвы, чтобы обязательно выиграть самую последнюю. В финале у нас тоже будет очень громкое Ватерлоо...

Паулюс проворчал, что не видит в Англии герцога Веллингтона. А беседы друзей проходили трудно. Лишь 3 мая Паулюс от увещеваний перешел к повелительному тону ОКХ:

– Эрвин, оставь в покое Тобрук, этот африканский Верден! Ты имеешь право продвинуть свои танки в Киренаике только в том случае, если Уэйвелл отведет свои танки назад.

– Слышу голос Гальдера, – догадался Роммель.

Паулюс ответил, что в Берлине его стали считать «не соответствующим должности» и, если Роммель не станет вести войну только оборонительную, с ним быстро расправятся. Паулюс по радио передал жене известие о себе, что жив-здоров, но согласен взять на себя командование Ливийским фронтом (Коко отвечала ему: «Не берись за это! Что будет с тобою, если тебя сцапают в Африке?...»). Наконец, вынуж-

денный подчиниться, Роммель велел радировать в Бенгази, чтобы самолет Паулюса ставили на заправку.

– Русские еще не воюют, но уже начали побеждать... пока что здесь, в африканских пустынях! Не будь вашего плана «Барбаросса», и фюрер подарил бы меня орденами и новенькими роликами, уверен, он пролил бы над Ливией бензиновые дожди, чтобы я со своими солдатами завтракал у каирской «Семирамиды»...

– Ты не в обиде на меня, Эрвин?

– В стратегии я разбираюсь не хуже Гальдера. Вы остановили меня у ворот Египта, ибо русский фактор уже начинает диктовать мне свою волю.

Друзья вернулись в Бенгази, стали прощаться.

– Догадываюсь, – с понурым видом сказал Роммель, – что отныне я зависим от Восточного фронта. Будет Клюге нажимать в России, я буду нажимать в Африке, побежит Манштейн из России, тогда я буду драпать из Ливии...

Этим выводом Роммель доказал, что он человек умный, далеко видящий и слова его – сущая правда. «Советский фактор сковал средиземноморскую стратегию еще *задолго* до нападения на СССР» – так пишет наш великолепный историк В. И. Дашичев, трудами которого я пользовался.

.....

Хищные орлы гитлеровской империи еще цепко держали в раскинутых когтях серп и молот. 1 мая 1941 года газета «Дер ангриф» вышла под прежним девизом «Пролетарии

всех стран, соединяйтесь!». Но первомайской демонстрации в Берлине уже не было. Гитлер в этот день потребовал от рабочих занять места у станков. Геббельс не вылезал из радиостудии, часами прослушивая мажорное звучание воинственных фанфар. Раньше сводки вермахта «выпускались» в эфир под музыку «Прелюдов» Листа, а будущие победы над русской армией Геббельс хотел бы оформить более торжественно. Вероломно усыпляя бдительность обывателей, министр пропаганды 10 июня вдруг снял запрет... на танцы. В это же время, пока немцы отплясывали, радуясь движению своих еще целых конечностей, войска вермахта скрыто уже сосредоточивались на исходных рубежах, готовые обрушить пограничные столбы нашей великой державы.

– Еще один вопрос, – сказал Паулюс, застав Франца Гальдера за поливкой цветов. – Нам уже не сдержать любопытства солдат, эшелонированных под самым носом России. Начинаются сплетни, вредные домыслы. Все труднее убеждать войска, что они собраны возле Бреста и Львова для нападения на... Англию.

Гальдер опустошил лейку над цветущей резедой.

– Можно вести «пропаганду шепотом», будто Сталин согласился на пропуск вермахта через всю свою страну для нападения на... Индию, якобы вермахт совместно с Красной Армией! Этим эффектным слухом мы испортим и настроение Черчиллю.

Паулюс повернулся, но Гальдер удержал его.

– Послушайте, – сказал он, – а вдруг окажется, что линия Сталина – не блеф? Сталин слишком дорожит престижем своего имени и не отдаст его в пустоту... Вспомним хотя бы о Сталинграде; ведь он сделал из этого хлама новый Чикаго. ...Уже был отработан сигнал к нападению: «Дортмунд!»

14. ВИЗИТ В СТАЛИНГРАД

Сталинград той поры (при всем моем глубочайшем уважении к этому легендарному городу) я никогда бы не причислил к плеяде городов-жемчужин, украшающих нашу Родину.

Город на Волге издревле созрел для чисто практических соображений, сделавшись промышленно-купеческим, а такие города никогда не блистали изяществом планировки. К тому же – и пожары! Не знаю, как сейчас, а до революции Царицын славился именно своими пожарами. Весь деревянно-лабазный, почти деревенский, он горел с бесподобной лихостью, а в домах висели даже наказы от градоначальства – куда и кому бежать, кому хватать ведра, а кому браться за топоры, чтобы растаскивать головешки. Пожарные в старом Царицыне по вечерам зажигали уличные фонари, они же ведали заготовкой дров для школ и гимназий. Многие писали тогда о знаменитых пожарах в Царицыне, даже Куприн писал о них...

Сам же Сталинград длиннейшей «килой» вытянулся вдоль правого (крутого) берега Волги, прямо вдоль улиц денно и ночью шпарили тяжелогруженные составы, жители привыкли к неумолчному грохоту нефтецистерн, бегущих по мостам над обрывами захламленных оврагов. Царицын, когда-то уездный городишко Саратовской губернии, получил

название от речки Царицы, рассекавшей его надвое, хотя Царица была далеко не царственной: летом она замыкалась в пересохший ручей, зато в весеннее половодье река металась в овраге, словно зверь, которого рискнули заключить в клетку. (Впоследствии Царица стала Пионеркой.)

Строили в Сталинграде много, и он обещал со временем стать вполне современным городом. Оперы еще не завели, зато был театр оперетты, 5 вузов, 11 техникумов и 70 библиотек делали Сталинград культурным центром. Но подле новостроек еще притихли старые купеческие лабазы, хранившие в своих потемках стойкие запахи былой России – балыков и дегтя, керосина и мочала, воблы и сарептской горчицы. Окраины Сталинграда напоминали деревни. На севере он был ограничен мазанками Рынка и домишками поселка Спартановка, на юге несколько обособленно от города затаилась тихая жизнь Бекетовки – с желтоглазыми кисками на крылечках, с розовыми геранями на окнах, а еще дальше к югу уже ощущалось дыхание жаркого марева калмыцких раздолий, где гуляли надменные гордецы-верблюды. Сталинград имел собственные нефтяные резервуары, оставшиеся еще со времен Нобеля, нефть (как и до революции) доставлялась наливными баржами от Астрахани.

Главное в Сталинграде – тяжелая индустрия!

Комплекс заводов был как раз тем насущным, чем гордилась наша страна, о чем говорили по радио и писали в газетах. Именно здесь, на берегах Волги, и созрели подлинные

молохи – Сталинградский тракторный завод (СТЗ), «Красный Октябрь», «Метиз», «Баррикады», «Лазурь» и Силикатный; денно и ночью дымила на юге города мощная Сталгрэс, гигантский элеватор из железобетона перемалывал за день курганы зерна. Рабочие СТЗ, главного поставщика тракторов для наших полей, выкатывали с конвейеров и танки, но при этом в любой момент они сами могли сесть за рычаги боевого управления (вот этого обстоятельства не учитывал Паулюс, когда в штабах Цоссена он составлял план «Барбаросса»).

Сказать, что Сталинград перед войной утопал в изобилии, было бы грешно, да и читатель не поверил бы мне, распиши я тут райскую благодать. Жили, как все, не хуже и не лучше других. Если чего не хватало в магазинах, бегали на базары. Окрестные колхозы оживленной торговлей поддерживали в Сталинграде общий достаток. Рынки ломились от даров природы: мясо из станиц, волжская белорыбица, за гроши уступали ведра красной смородины, мешками сыпали яблоки, меж торговых рядов высились терриконы камышинских арбузов и превосходных дынь, возвращенных на частных бахчах в Сталинграде. Наконец, был и собственный виноград, а за помидорами очередей никогда не знали... Так что в любом случае рядовой труженик Сталинграда худо-бедно, а сводил концы с концами!

Летом Сталинград удушал людей нестерпимым зноем, часто шел «царицынский дождь» – ветер с пылью. Против су-

ховеев горожане выставили заслон, посадив за городом миллионы кленов, тополей и берез. Детишек вывозили в пионерские лагеря, поближе к колхозам, утопавшим во множестве фруктовых садов, многие горожане отдыхали в донских станицах. По воскресеньям речные трамваи не успевали переправлять сталинградцев на левый (уже не крутой, а пологий) берег Заволжья, где в череде островов люди купались, ловили рыбу, отдыхали. На островах уже были леса, прекрасные поляны. Оставшиеся в городе на каждом перекрестке занимали очереди за газированной водой, людей мучила жажда. Дети просили родителей отвезти их в зоопарк, где проживала тогда общая любимица сталинградцев – индийская слониха Нелли. В парке культуры и отдыха с парашютной вышки прыгали отважные девушки, придерживая раздутые колоколом ситцевые сарафанчики. У пивных киосков, как всегда, дрались пьяные, свистели дворничихи, сбегалась милиция в белых гимнастерках и шлемах витязей. Облезлые старенькие трамваи ерзали на поворотах улиц с пронзительным визгом, выскребая из рельсов искры.

Многие семьи предпочитали воскресничать на Мамаевом кургане, с которого виделась широкая панорама города и просторы Волги – с караванами барж, парусными шверботами, белыми пароходами. В скудной, выжженной солнцем траве Мамаева кургана фыркали паром дедовские самовары, тут же ворковали патефоны, раскручивая пластинки с песнями Ирмы Яунзем, Козина и Лемешева, шло пиво под воб-

лу, работяги, таясь своих жен, торопливо вышибали пробки из мерзавчиков, говоря при этом: «Ну, давай... со свиданьем. Тока скорее, а то моя уже сюда зырит!» Сталинградские инженеры грешили ликером «доппель-кюммель», очень модным тогда среди интеллигенции (помню, мой папа-инженер тоже отдавал ему немалую дань своего восхищения). А невдалеке от Мамаева кургана уже рычали моторы на танкодроме, неподалеку располагалось небольшое взлетное поле местного значения, с которого, кажется, в январе 1943 года и сумел подняться последний самолет из котла Паулюса с мешками писем...

Таким (или примерно таким) был тогда Сталинград – гордость советской индустрии, с населением около полумиллиона жителей, которые еще не ведали, что скоро их город будет полностью уничтожен и войдет в историю человечества как незабываемый символ народного героизма.

Город-герой еще не был «героем»! Он работал...

.....

В доме № 4 по Краснопитерской улице проживал Алексей Семенович Чуянов – с женою, детьми, дедом и бабушкой. Возле подъезда по утрам его ожидала легковая машина «бьюик», возвращая хозяина в семью только к ночи, изможденного от разных передрыг и волнений, обыватели в городе о нем судачили:

– Большой человек! На своем автомобиле катается, кажинный денечек со Сталиным по телефонам о тракторах

рассуждает...

Чуянов был первым секретарем Сталинградского обкома и горкома партии. Жизнь этого человека не была легкой. Он застал город, где «царила удушливая атмосфера, при которой клевета, опорочивание, нашептывание, подслушивание и доносы стали средством устранения с работы честных людей, которых объявляли врагами народа. В этот период многие партийные работники и представители творческой интеллигенции Сталинградской области были подвергнуты необоснованным репрессиям» – так вспоминалось Чуянову позже. Он начал партийную работу в Сталинграде с того, что разогнал алчную свору следователей, сыщиков и прокуроров, освободил из тюрем незаконно осужденных.

– Опомнись! – заклинала его жена. – Ты ведь не один на белом свете, хоть о детях-то наших подумал ли?

– Помню. О тебе, о себе, о детях, – отвечал Чуянов. – Но грех великий не подумать о людях...

Он попер на рожон! Один против многих. Г. М. Маленков звонил из Москвы, задыхаясь, материл Чуянова:

– Что ты там балдеешь? Разве затем тебе партия доверила город, носящий имя нашего мудрого вождя? Мы тебя в порошок сотрем, сволочь паршивая... Завтра от тебя даже тени на стене не останется!

Местное НКВД тоже хотело бы сделать из Чуянова «врага народа», но он – устоял. Как устоял? – чудом, наверное. Устоял и добился, чтобы весь аппарат слишком ретивых над-

смотрщиков к Сталинграду близко не подпускали. Чуянов играл своей головой, а ведь ему было тогда всего лишь 33 годочка. В сложных обстоятельствах он действовал по правилу «не играть в таинственного носителя забот и тревог партии, не скрывать от народа своих сомнений» – это слова самого Чуянова.

– Хуже нет, – говорил он друзьям, поигрывая на пальце ключами от секретного сейфа, – когда партийный «кадр» становится на пьедестал недоступного божества с многозначительным выражением на лице заботливого и внимательно-го человека, и в таком случае именно по морде его и хочется треснуть вот этими ключами, чтобы не задавался.

«Большой» человек был и хорошим человеком (в этом я нисколько не сомневаюсь), а жене своей он признавался:

– Когда полмиллиона знает меня в лицо и по имени-отчеству, тогда от народа секретаршей не загородишься. Если у бабки крыша протекает, так она уже не ползет к домоуправу, она со своей слезницей ко мне тащится. Закройся я на замок, на улице меня дождетсЯ и все равно доконает...

Конечно, страх в душе был, и много позже Чуянов признавался, что рано или поздно его бы все равно посадили:

– Меня, по сути дела, спасла война. Если б не война, от меня бы и костей не осталось...

В большой стратегии он ни бельмеса не смыслил. Кадровый партийный работник, облеченный большим доверием народа (добавим – и лично товарища Сталина), он видел

смысл жизни только в людях — со всеми их радостями и капризами, с активностью и недовольством, с подлинным героизмом и безобразным головоуятиством. Приятно думать, что люди ангелы. Но тюрьма в Сталинграде — не декорация и не «пережиток проклятого прошлого». Приходилось считаться, что еще не перевелись жулики, предатели, доносчики, спекулянты, ворюги, хапуги и просто обалдуи, каких Божий свет еще не видывал...

В один из летних дней 1941 года Алексей Семенович завтракал с семьей, сердито поучая своих мальчишек:

— Вовка, не болтай ногами. Валера, лопай, что дают, и не капризничай. Заодно глянь — не подошла ли машина?

Дедушка Ефим Иванович сказал ему:

— Дал бы ты мальчикам своим по лбу! Рази же они человеческий язык понимают? Вот раньше — драли с утра до ночи, как сидорову козу, и все было в ажуре. Не кочевряжились!

— У нас свой ажур, — ответил Чуянов.

— Иди-ка ты... никогда вам порядков не навести! Расселись там по кабинетам, одно знаете — в телефоны мурлыкать...

Чуянов уже привык к брюзжанию деда и никак не реагировал. Допивая чай, он выглянул в окно, окликнул жену:

— Подъехал! Может, и вернусь сегодня пораньше.

— Да кто тебе поверит? — отвечала жена.

Сбежав по лестнице, Чуянов от самого крыльца глотнул жаркий воздух. Внутри его машины сидело... НКВД!

– Чего испугался? Садись, вместе поедem.

Это был Воронин, начальник НКВД Сталинградской области. Он шлепнул ладонью по коже сиденья, уже пропеченной безжалостным солнцем. Вместе поехали в обком. По дороге, как это принято, болтали о пустяках. Когда же приехали и прошли в кабинет, Воронин плотно затворил двери.

– Что еще стряслось? – насторожился Чуянов.

Он подумал о какой-нибудь аварии на заводах.

– Выручай, – ответил Воронин. – Во всей области у тебя одного «бьюик» повышенной скорости. Дай нам, а?

– Кого догонять? Или побег из тюрьмы?

– Хуже, – сказал Воронин и рывком придвинул к себе стул, плотно уселся. – Из наркомата звонили. Кто-то из военных атташе Германии, фамилию не разобрал, вдруг рванул из Москвы на быстроходной машине...

– Куда рванул?

– К нам! Прется на Сталинград, словно танк.

– А что ему нужно здесь?

Воронин подивился наивности Чуянова:

– Как же не понять? Очевидно, мы тут профасонили, а немцы успели завести в Сталинграде своих резидентов. Значит, какой-то гад на заводах в Берлин уже капает. А у нас на конвейере СТЗ – танки самой новейшей модификации. Вот главное...

– Отсечь его по дороге пробовали?

– Попробуй отсеки, – ответил Воронин. – У него маши-

на – как тигр, вездеход какой-то. Наши товарищи в Урюпинске пробовали догнать. Но у них же «эмка», барахло поганое. За немецкой техникой не угнаться! Вот и катит.

– Ладно, – сказал Чуянов, – хватай мой «бьюик», только верни его хотя бы не искалеченным на родимых ухабах.

– Вот спасибо. Ну, я побежал...

Чуянов стал вникать в дела области, но в середине дня его потревожил звонок из Питомника, большого сельского хозяйства к западу от города. Звонил секретарь тамошней парторганизации, просил объяснить, как понимать заявление ТАСС от 14 июня сего года, в котором черным по белому написано: «По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...» Там, в Питомнике, не понимали:

– Пишут, вроде плутократы войну провоцируют, а немцы тут ни при чем. Как народу я растолкую? У меня вот свояк приезжал в отпуск. Он в ленинградском порту губжаном вкалывает. Так он сказал, что мы в Германию все шлем, шлем, шлем... а от Гитлера хрен в тряпке получишь!

Уверенным голосом Чуянов ответил Питомнику:

– Перестаньте фантазировать. Кто лучше знает обстановку в мире? Твой свояк-губжан или товарищ Сталин? Надо иметь полное доверие к советской печати, а не слушать пьяные байки. Никто не помешает нам достраивать социализм. Ты мне лучше скажи, как у вас подготовка к сбору урожая?.. Только отговорили, тут же позвонили из НКВД:

– Это я, Воронин... Атташе германского посольства за-
гримирован под иностранного туриста. Значит, его надо еще
и «раскулачить». Но случилось все плохо, Семеныч.

– А что такое?

– Видать, у него карты лучше наших: он непроезжими
проселками мимо Деминской МТС как рванул на грейдер-
ную, мы, конечно, его прижали, но он все-таки проскочил...

– Куда проскочил? – обомлел Чуянов.

– Извини. Этот хлюст уже в Сталинграде.

– Какого черта он тут делает, в городе-то?

– Ищет свободный номер в гостинице.

Чуянов не выдержал, покрыл НКВД матом:

– Работать надо лучше! Навешали себе шпалы с ромбами,
с женами без нагана спать не ляжете, а сами...

– А мы что тут тебе? Или мух ноздрями ловим?

– Верни машину, мать твою за ногу.

– Вернем. Не шуми... мы шуметь тоже умеем!

Далее события развивались, как в паршивом детективе.

Военный атташе Германии (скорее, один из сподручных)
подрюлил к центральной гостинице города. Его инкогнито
оставалось в силе, он изображал редкого по тем временам
дикобраза – иностранного туриста. По-русски же говорил
чисто, без акцента, но это, замечу попутно, не был ни генерал
Кёстринг, ни полковник Кребс, его помощник. НКВД обла-
сти учитывало, что агент в любой момент мог уйти в «глухую
защиту» дипломатического иммунитета и тогда с него взят-

ки гладки.

В регистратуре гостиницы сидела солидная дама в модном берете. При виде иностранца она малость обалдела:

– Ой! А у нас все забито. Ни одного номерочка. Видели, что при входе на ступенях лестницы спят.

– Не ночевать же мне на улице, – возмутился приезжий.

– Может, в «Интуристе» освободились комнаты...

В этом «Интуристе» повторилась та же история:

– А у нас в городе проходит конференция читателей с работниками библиотек, и все номера переполнены читателями. Знаете что, – посоветовала деловая барышня, – попробуйте сунуться в Дом колхозника. Там всегда легче устроиться. Хоть в коридоре на скамейке. Так многие приезжие у нас отдыхают.

– Благодарю! А где этот ваш Дом колхозника?

– Боюсь, сами не найдете... Верка! – закричала она в соседнюю комнату. – Верка, проводи товарища иностранца до колхозников. Заодно на заграничной машине прокатишься.

В Доме колхозника все было забито постояльцами, и в этом убедился сам «турист», увидев, как несчастные приезжие ютились с мешками на лавках в коридорах, раскладные кровати стояли даже на лестничных площадках.

– А вы не огорчайтесь, – было сказано здесь «туристу». – Уж в студенческом-то общежитии мы вам койку устроим...

Пришлось согласиться на общежитие. «Турист» оставил свою машину, где пешком, где трамваем он направился в се-

верную часть города, где дымили трубы СТЗ. Наконец жарница Сталинграда и его доконала. Он занял место в очереди у пивной бочки. Тут к нему пристали хулиганы местного областного значения. Так, мелочь. Шпана в клешах. «Турист» врезал им всем японским приемом «свист дрозда в полночь» – так ловко, что шпана мигом растеряла копейки по булыжникам мостовой.

Милиция не замедлила явиться, как штык:

– Граждане, до ближайшего отделения... пройдемте! Без паники!

Взяли за цугундер шпану и «туриста». В милиции пришлось выложить подлинные документы. «Раскулаченный», он понял, что его песня спета, и, погрузив автомобиль на пассажирский теплоход, отплыл из Сталинграда вниз по Волге. Через несколько дней Чуянову позвонили из Астрахани:

– Алексей Семеныч, у нас тут чепе. Помогите!

– Своим-то соседям как не помочь? Что стряслось?

– Сняли мы тут с парохода одного типа. В дымину косой. Ну, хуже сапожника! При нем ничего нету, не помнит, куда делся багаж, или вообще багажа не было... Помогите! Он же в одних трусах, в майке и в тапочках... лыка не вяжет!

– Кто он, этот ваш лыка не вяжущий?

– Господи, да военный атташе Германии... Проспался и требует, чтобы его отправили в Москву самолетом. Срочно!

Пришлось Чуянову списать в расход деньги на экипировку атташе. За счет Сталинградского обкома его приодели, и

он отбыл восвояси... До начала войны оставалась неделя.

Вермахт ожидал только сигнала – «ДОРТМУНД»!

А в секретном сейфе Чуянова лежал страшный пакет с пятью печатями, и на пакете было написано:

«ВСКРЫТЬ ПРИ ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЙНЫ».

.....

Признаться, я не все понимаю в этой истории. Глава была уже написана, когда я узнал, что визитером был майор Нагель, посланный на разведку Гальдером; этот майор был причислен к штатам германского посольства в Москве. Ясно, что в канун войны ОКХ желало иметь информацию о том, какие танки и сколько их выходит с конвейера СТЗ на испытательный полигон Сталинграда; кажется, что Гальдер и его генштаб не слишком-то верили в достоверность информации из Москвы, поступавшей от Кёстринга... Местному НКВД удалось лишь «дезавуировать» гитлеровского шпиона. Но, думается, было бы правильнее позволить ему выйти на связь с резидентом, чтобы потом, пронаблюдав за ним, вовремя обезвредить. И уж совсем я, автор, не могу догадаться, каким образом опытный военный разведчик остался на пристани Астрахани в одних трусах, в майке и в тапочках.

Сам он разделся? Или ему «помогли» раздеться?..

В это время германское посольство в Москве уже опустело, детей немцы вывезли, полковник Ганс Кребс – сразу после первомайского парада – тоже удалился в Германию. Жены посольских чиновников носились как угорелые по комис-

сионкам, алчно скупая все подряд – иконы, фарфор, меха, антикварные ценности, обвешивались кольцами, браслетами, ожерельями. Нахапавшись выше меры, немки поспешно покидали Москву, вывозя массу чемоданов, не подвергаясь осмотру на таможах, ибо их багаж был обклеен этикетками «дипломатической почты». Генерал Эрнс Кёстринг с раздражением писал: «Приезжают сюда, лопают до отвала масло и черную икру, обвешиваются с ног до головы шубами и побрякушками за дешевые рубли, а затем смываются... Грешен, но мне так и хочется пожелать успеха англичанам: пусть их бомбы угодят в те дома, где находится в Германии это недостойным образом „спасенное добро“. Думается, возмущение Кёстринга легко объяснимо: в глубине души он все-таки оставался русским немцем и к России не мог относиться наплевательски...

А с улиц Москвы доносились торжественные марши:

Могучих партия ведет,
Шагает трудовой народ,
И ты их знамя, Сталин...

Германский посол граф Шуленбург еще не подозревал о близости катастрофы, но генерал-лейтенант Кёстринг, кажется, уже был оповещен о страшном сигнале – «Дортмунд»!

15. КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

К весне 1941 года железные дороги Германии пропускали на восток до ста воинских эшелонов. Близ западных границ СССР фюрер держал около четырех миллионов солдат вермахта. Когда Сталину докладывали об этом, он обзывал докладчиков паникерами, трусами и провокаторами.

– У меня имеется личное письмо Гитлера ко мне, в котором он объясняет, что задумал большую операцию против Англии, и, чтобы запутать британскую разведку, он вынужден группировать силы вторжения возле наших границ...

После этого остается лишь развести руками. Надо быть совсем олухом в военных делах, чтобы поверить: мол, для нападения на Англию надо собирать армию не где-нибудь, а на Висле и на Буге. Мало того, предупреждения о близком вторжении поступали из самой Германии – даже от офицеров вермахта, даже от старых членов нацистской партии, не согласных с Гитлером.

– Кому-то, – говорил Сталин, – очень хочется втянуть нашу страну в войну с Германией... Я знаю только одного немца – это Вильгельм Пик, он единственный коммунист, которому можно верить, но он не предупреждал меня, что будет война...

Пожалуй, помимо Пика, он еще верил только Гитлеру!

За время с осени 1939 года (сразу после пакта Риббентро-

па – Молотова о дружбе) и до самого начала войны немецкие самолеты *более пятисот раз* нарушали советскую границу – и хоть бы что! Сталин приказал огня не открывать.

– Не поддаваться на провокацию! – говорил он, покуривая свою трубку. – Империалисты, завидуя небывалому росту нашего могущества, желают развязать мировую войну, чтобы и нас втянуть в эту бойню. Но мы, верные своей миролюбивой политике, не поддадимся ни на какие провокации...

Не разрешая давать отпор агрессору, не он ли сам и провоцировал Гитлера наглеть все более, ибо любая наглость со стороны вермахта оставалась безнаказанной? Почему так могло случиться? Я, автор, вижу ответ в одном: Сталин дрожал за свою шкуру и попросту боялся войны, ибо любое поражение могло выбросить его из кремлевского кабинета вместе с его легендарной трубкой. Ведь он был труслив, и вся жестокость его – это результат уникальной трусости.

Была еще середина апреля 1941 года, когда немецкие войска вступили в Белград, и как раз в день падения сербской столицы из Москвы отъезжал Иосуке Мацуока, японский министр иностранных дел. В Москве он был проездом из Берлина, где вел переговоры с Гитлером о единстве действий Японии и Германии, а в Москве убеждал Сталина в том, что Япония в делах Дальнего Востока будет придерживаться строгого нейтралитета. Провожать Мацуока на вокзале собралось немало дипломатов, аккредитованных в Москве, и

вдруг – к удивлению всех! – на перроне появились Сталин с Молотовым, очень спешившие, чтобы не опоздать к отходу дальневосточного экспресса.

Сталин сразу кинулся обнимать Мацуока, высказывая ему очередную политическую ахинею, которая не делает ему чести:

– Я сам азиат, а мы, азиаты, должны держаться вместе...

«Здесь ли Шуленбург?» – спросил он потом. Германский посол предстал перед ним, а потом докладывал в Берлин сенсационное извещение: «Сталин обнял меня за плечи и сказал: „Мы должны стать друзьями, и вы должны теперь сделать для этого все!“ Потом Сталин увидел Кёстринга с Кребсом, стал обнимать немцев, повторяя слова о нерушимой дружбе между ним и Германией...

Гитлер терпеливо выслушал доклад Риббентропа о том, как «вождь народов всего мира» кидался на шею японцам и немцам, словно провожал ближайших родственников, и долго молчал, пытаясь вникнуть в психологию Сталина. Затем сделал вывод:

– Сталин, кажется, начинает *волноваться*...

Через несколько дней вермахт вступил в Афины.

.....

Германский посол в Москве, граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, был типичным аристократом германской породы, а человек – умнейший и проницательный. Советником при нем состоял некто Хильгер, сын русского фабрикан-

та, он, как и Кёстринг, родился и учился в России. Хильгер служил при Шуленбурге вроде ценного переводчика, между ними возникла доверительная дружба. После того как посольство опустело и многие отъехали в «фатерланд», Хильгер сказал послу, что обстановка среди оставшихся в Москве немцев явно ненормальная, даже нервная – в предчувствии близкой катастрофы:

– Никто ничего не делает, чего-то ждут, ощущая близость чего-то страшного. Из Кремля уже не раз запрашивали о срыве поставок нашего оборудования, но Берлин указал нам отмалчиваться от подобных запросов. Я думаю, что вам, граф, надо бы побывать в Берлине, чтобы в аудиенции с фюрером прояснить наконец эту гнетущую всех обстановку...

Шуленбург вылетел в Берлин, и в разговоре с послом Гитлер сразу дал ему понять, что вопрос о войне с Россией давно назрел, на что дипломат отвечал фюреру:

– Как можно поверить, что Россия, и без того убогая, способна совершить нападение на вооруженную Германию?

Гитлер быстро спохватился, осознав, что в откровенности переусердствовал, и поспешно стал заверять Шуленбурга в обратном, и на прощание проводил графа словами:

– Возвращайтесь в Москву и будьте совершенно спокойны: я совсем не намерен воевать с русскими...

Но Шуленбург был умнее Гитлера, и он разгадал многое из того, что фюрер не договаривал. На аэродроме в Москве его встречал Хильгер, и посол – под шум еще не исключен-

ных моторов – шепнул Хильгеру, чтобы другие не слышали:
– *Жребий брошен*. Война решена. Что нам делать?..

Шуленбург не желал войны, понимая, что она приведет Германию к гибели. Хильгер мыслил одинаково с послом. Как раз в это же время Москву навестил Деканозов, советский посол в Берлине, сподвижник Л. П. Берии (позже расстрелянный при Хрущеве как кровавый и отвратительный палач, немало поработавший в сталинских застенках).

– Надо пригласить его к нам... скажем, ради ужина.

Деканозов поужинать в германском посольстве не отказался, притащив с собой «хвост» в лице переводчика Павлова, тогдашнего сталинского любимца, сподручного Молотова. Нет сомнения, что Шуленбург меньше всего думал о насыщении Деканозова, и речь завел совсем о другом.

– Очевидно, – сказал он в конце ужина, – то, что сейчас произойдет между нами, будет являться феноменальным случаем в истории всей мировой дипломатии, поскольку я собираюсь сообщить вам самую важную из тайн своего же государства.

Павлов сиял очками, улыбаясь. Деканозов насторожился.

Шуленбург постучал концом вилки о край тарелки:

– Передайте господину Молотову, чтобы он срочно известил господина Сталина: наш фюрер принял решение начать войну с вами, и, судя по той информации, какой я обладаю в данный момент, нападение произойдет ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ИЮНЯ.

Оставались считанные дни мира, а Деканозов спрашивал:

– От имени кого вы предупреждаете нас об этом? Есть ли у вас разрешение от... Гитлера? Или от... Риббентропа?

Дурак, он не понимал главного: эти немцы, Шуленбург с Хильгером, шли на верную смерть, дабы избавить СССР от внезапного нападения, а для Деканозова было важно другое – есть ли у них разрешение от Гитлера? «Очевидно, – писал впоследствии Хильгер, – он (Деканозов) не мог себе представить, что мы сознательно подвергаем свои жизни величайшей опасности ради последней надежды сохранить мир».

– Нет, – настаивал Деканозов, – вы сначала скажите, кто вас послал, чтобы предупредить о нападении Германии, иначе я не в состоянии тревожить свое правительство... Почему вы, посол Германии, сами же и предупреждаете меня о нападении Германии?

Этой стоеросовой дубине, закаленной в застенках Берии, было не понять, что, помимо служебного долга, существует еще и такое понятие, как обычная человеческая совесть.

– Вас, – холодно отвечал Шуленбург, – очевидно, смущает, что я, посол Гитлера в вашей столице, предупреждаю Россию о планах Гитлера, тем самым предавая его. Вот именно этого вы понять и не можете, подозревая меня в чем-то. Но, учтите, я ведь дипломат еще старой школы, воспитанный на заветах Бисмарка, предупреждавшего немцев на будущее, что Германия может воевать с кем угодно, только не

с Россией, где она и оставит свои кости непогребенными...

Деканозов и Павлов известили Молотова о предупреждении Шуленбурга, которого Деканозов так и не понял, зато Молотов все сразу понял как надо и поспешил известить самого Сталина, который, как и Деканозов, тоже ничего не понял, подозревая какие-то хитрые козни «коварных империалистов».

– Будем считать, – сказал он, – что дезинформация пошла уже на уровне послов... Нас провоцируют! Кому-то, надо полагать, очень хочется поссорить меня с Гитлером.

Гитлер давно сократил поставки в СССР и наконец свел их до ничтожного минимума, а товарищ Сталин, поддерживая «дружбу» с Гитлером, все усиливал поставки сырья в Германию, словно желая задобрить своего берлинского приятеля, и тут я полностью согласен с Львом Троцким, который называл Сталина главным интендантом фашистской Германии. А наши корабли с поставками для Германии все плыли и плыли; в польском порту Гданьск (Данциг) портовые грузчики из поляков говорили нашим морякам:

– Или у вас совсем головы не стало? Немцы гонят эшелон за эшелон к вашим границам, вы у них уже давно на прицеле пушек, а сами спешите накормить их... Не стыдно ли?

В июне, когда до войны оставались считанные дни, Тимошенко с Жуковым снова – в который уж раз! – говорили Сталину, что войска близ границы следует усилить и привести их в боевое положение. Ответ Сталина известен:

– Поднять в стране войска, чтобы выдвинуть их к западным границам? Но это же... **война!** Неужели сами не понимаете? Никаких поводов для войны не давать немцам.

.....

Партийные ораторы придумали «текущность», вот и замелькали в их речах текущие моменты, текущие задачи, вытекающие из них вопросы, и за месяц до начала войны сталинский деятель А. С. Щербаков сделал доклад «О текущих задачах пропаганды». И вот что «вытекало» из его речи (цитирую):

«...на почве легких побед армии в политических кругах Германии распространились хвастовство и самодовольство, которые ведут к отставанию. Все новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армии, не так уж сложно... не является новостью и вооружение германской армии. На почве самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники... а наша Красная Армия, широко используя достижения отечественной и мировой военно-технической мысли, перестроилась и серьезно перевооружилась на основе опыта современной войны. Готовая к любым неожиданностям, она всегда готова на чужой территории защищать свою землю...»

Любимый город может спать спокойно

И видеть сны, и зеленеть среди весны.

Так ли это? Уничтожив в 1937 году полсотни тысяч командиров, Сталин в 1940 году произвел в лейтенанты 13 000 человек, вчерашних солдат. Военных училищ у нас было очень много, но к началу войны преподавателей набрали только 44,2 процента; в авиационных школах не хватало учебных самолетов, горючего давали ничтожно мало, а за два предвоенных года число тренировочных налетов сокращали семь раз подряд.

В речи о «текущих задачах» об этом – ни слова!

Танковые «боги» вермахта, начиная с Гудериана, побеждали потому, что творчески освоили прежний опыт наших танкистов. Немцы свели танки в крупные колонны для массированных ударов; у нас же из танка сделали лишь подспорье для обслуживания пехоты. Танк становился зависим не от мощности своего двигателя, а лишь от скорости, какую могли развить ноги солдат. Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров писал, что это бестолковое решение разрушило всю нашу танковую тактику, которая сложилась ранее. Теперь нам предстояло учиться заново – у тех же гудерианов, бывших когда-то нашими учениками. Наркомат обороны начал формировать танковые корпуса, но... танки были устарелых систем, запчастей, как всегда, не хватало, а в танкисты набирали людей из пехоты и кавалерии, срочно переучивая их в танкистов.

С. К. Тимошенко приказом от 29 января 1941 года призывал: «Учить войска тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Очень хорошие слова! Почти суворовские. А на деле отменили ночное вождение танков («потому что ничего не видно»), запретили ночные атаки пехоты («всех людей в темноте растеряем»), подводным лодкам запретили погружаться в глубину («могут погрузиться и не всплыть»). Да, черт побери, ночью ничего не видно, да, можно людей растерять, да, подлодки иногда тонут, но... Как же «учить войска тому, что нужно на войне»? Вот на это Тимошенко не мог ответить.

Генерал армии Д. Д. Лелюшенко писал, что стараниями горе-теоретиков полевая тактика была доведена до абсурда: «Из уставов был исключен боевой порядок цепью... Цепь заменили „стайкой“, „змейкой“ и „клином“. Группировать бойцов в траншеях впредь запрещали, делая упор на одиночного бойца». Генерал Ефим Щаденко с пеной у рта отстаивал «индивидуальные ячейки».

– Долой все окопы! – призывал он. – Почему империалисты сажают всех вместе в одну траншею? Потому что они боятся, как бы их солдаты не разбежались, а в окопе за ними наблюдать легче. Советский же боец сознательный, идейно подкованный, он никуда не убежит, а потому пускай сидит в индивидуальной ячейке... Побольше доверия к бойцам, товарищи!

А как готовили командиров? В военных училищах при-

знавалось, что оборона — лишь «возможный, но временный вид действий», приемам же оборонительной войны не обучали, ибо считалось за аксиому то, что, случись война, и Красная Армия будет воевать «малой кровью и только на чужой территории». Военачальники решительно отвергли колоссальный опыт позиционной войны 1914—1918 годов, и это была одна из трагических ошибок! Между тем классические формы обороны и порядки отступления иногда гораздо сложнее форм наступательных...

Вооружением у нас ведали тогда три авторитета: Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко, которые боялись новых образцов оружия, как черт ладана. Они уже запретили выпуск запасных частей к танкам старых модификаций, но при этом активно тормозили серийное производство новейших машин — танка Т-34! Маршал Кулик с пеной у рта доказывал, что автоматы — это «оружие полиции» для расправы с боевым пролетариатом, а наш советский боец поразит любого врага из мосинской винтовки образца 1891 года. Известны и покаянные слова Г. И. Кулика: «Отсутствие автоматов в армии — результат моей ошибки, я в этом повинен... обязуюсь коренным образом поправить положение». Эти свои обещания Г. И. Кулик не выполнил. Но преступная косность и дешевая демагогия куликов все-таки, признаем, преодолевалась умом и энергией талантливых патриотов, видевших войну будущего в двух ее решающих факторах — в мощи огня и в динамизме движения, иначе и не было бы у нас танка

В ту пору говорили тишком: «Кулик не велик, а тоже птица». Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев писал о нем: «Это был типичный случай не власти авторитета, а – авторитет власти». Это еще мягко сказано. Перед самой войной Кулик «заморозил» выпуск противотанковых ружей, зато снабжал армию паршивыми винтовками СВТ, от которых потом не знали, как избавиться. Немецкие генералы из Цоссена знали, что Кулик ума не имеет, соответственно и действовали. В самый канун нападения они подбросили ему лживую информацию, якобы Германия переводит свою артиллерию на повышенные калибры. Кулик ударился в панику и побежал докладывать Сталину, а Сталин сказал:

– Разумно! Я ведь помню, как при обороне Царицына прекрасно показали себя именно крупнокалиберные пушки...

Этого было достаточно, чтобы Кулик снял с производства малокалиберные пушки – главную полевую силу армии. Нарком вооружения Б. Л. Ванников вспоминал: «Сталин санкционировал это решение, имевшее для нашей армии самые тяжкие последствия. С первых же дней войны мы убедились, какая непростительная ошибка была допущена!» Подбивать немецкие танки стало нечем, а тяжелые громоздильно-орудия – не сдвинуть с места, ибо в армии не было тягачей. Много ли тонн железа вытянут из грязи на боевую позицию упряжки лошадей?

Ах, сколько было врагов народа! Но я вижу их не за ко-

лючей проволокой Колымы или Воркуты, а в тишайших и теплых кабинетах Кремля, в ближайшем окружении Сталина. Вот один из них – Лев Захарович Мехлис, славный тем, что очень любил убивать людей выстрелом в упор. За год до войны он был наркомом госконтроля. Военное имущество Красной Армии тогда хранилось близ границы. Правительство образовало комиссию – оставить ли имущество там, где сейчас, или отодвинуть склады от границы? Люди военные, люди дальновидные, стали говорить, что склады боеприпасов нельзя держать возле рубежей... мало ли что! Кто-то из военных, самый ушлый, даже сказал, что арсеналы надо убрать как можно дальше от границ – хотя бы за Волгу...

– Паникер! – заорал Мехлис. – Как вам пришло в голову, что Волга может стать военным рубежом? Сначала думайте, что говорите! Наша победоносная Красная Армия, вооруженная могучим учением марксизма-ленинизма и руководимая гениальным и мудрым вождем, будет воевать только малой кровью и только на чужой территории. Поэтому все базы снабжения необходимо оставить близ самой границы государства...

Нашлись смельчаки, Мехлиса даже умоляли:

– Лев Захарович, ну хотя бы полушубки да валенки можно нам, военным, оставить за Волгой?

– А вы разве знаете, когда начнется война? – с ядом спрашивал Мехлис. – Может, она возникнет как раз зимою...

Сталин поддержал Мехлиса. Все склады оружия и продо-

вольствия, базы горючего и арсеналы боеприпасов – все-таки оставили на границе, и в первый же день войны они достались противнику в целости и сохранности. Но Лев Захарович доверия Сталина не потерял: очень уж он любил расстреливать, а Сталин недаром сказал: «Кадры решают все...»

.....

Еще 5 мая 1941 года выступил «всенародный староста» нашей любимой колхозной деревни М. И. Калинин, который, как водится, ничего дельного не сказал, зато он высочайше соизволил сильно гневаться на агрессоров – на Францию, уже разбитую, и на Англию, еще недобитую, которые-де и развязали войну в Европе, но тут, по словам старосты, пришло спасение, и «...занесенная над нами рука агрессора была отведена рукою товарища Сталина. – Конечно, грянули аплодисменты, переходящие в бурные овации. – Договор, заключенный между Советским Союзом и Германией, выбил оружие из их рук...».

Из зала слышались крики:

– Да здравствует наш великий вождь и учитель, любимый товарищ Сталин... Уррра-а!

В таких случаях принято говорить: «Хоть стой, хоть падай!»

14 июня появилось знаменитое «Сообщение ТАСС», в котором Сталин и Молотов авторитетно опровергали сплетни и происки империалистов, распускавших злостные слухи о том, что Германия готовит нападение на нашу страну. Тут

стоит задуматься: трезвые или пьяные они были, когда запускали камень в свой же собственный огород? Им казалось, что «Сообщение ТАСС» вызовет тревогу в Берлине, фюрер в страхе забьется под стол и станет мелко вибрировать, войска вермахта мигом отхлынут от границ, после чего снова прилетит Риббентроп, публично заверяя всех, что Германия – лучший друг Советского Союза.

Но реакции со стороны Берлина не последовало. Радиостанция Коминтерна трижды в день проталдычила текст «Сообщения ТАСС» специально для немцев, но в Берлине... ни гугу. Немецкие газеты даже не мякнули в ответ на призыв Кремля, а Геббельс со злорадным садизмом записал в своем дневнике, что напрасно Москва ожидает отклика на свое «Сообщение».

– Русские, – сказал он Гансу Фриче, – получают ответ в ближайшие дни. Но только не словами...

«Сообщение ТАСС» от 14 июня было нелепостью, неоправимой ошибкой. Почему? Да по той простой причине, что, заверяя читателя в добрых отношениях с Германией, «Сообщение» успокаивало народ, оно порождало уверенность в невозможности войны с Германией, страна обязывалась быть уверенной в нерушимости западных границ, в армии возникла расслабленность, бдительности не стало, командиры ночевали уже не в казармах, а с женами, красноармейцам позволено было раздеваться на ночь...

Помните, что в Сталинграде ответил Чуянов на вопрос

об этом «Сообщении», заданный из Питомника? Примерно так, наверное, думали многие, и политруки пылко убеждали красноармейцев:

– *Там* (было понятно где) лучше нас все знают... А потому никаких дискуссий по этому вопросу не будет, лучше мы послушаем лекцию о том, как наша партия заботится о культурном отдыхе трудящихся в дни воскресные и дни прочие.

Между тем разведка усиленно работала. Люди разных национальностей слали и слали в Москву донесения о близкой войне. Трудилась и военная разведка, а маршал Тимошенко не раз выкладывал перед Сталиным пачки подобных донесений.

– У меня есть другие сведения, – отвечал Сталин. – Вот, полюбуйтесь, в них говорится совсем другое...

Он предъявлял маршалу не меньшую стопку донесений агентуры, но все они были испещрены издевательскими пометками и бранью генерала Ф. И. Голикова, призывавшего к недоверию.

– Кому верить? – спрашивал Сталин маршала...

Голиков был начальником Главного разведуправления Генерального штаба. До него этот пост занимали *пять* генералов, оказавшихся «врагами народа», и потому Филипп Иванович здорово боялся – как бы ему не оказаться шестым! Теперь он сидел в том же кресле, в каком сидели и они, уже покойнички. А сидел – потому что поддакивал Сталину, вполне согласный с мнением вождя, что все люди сволочи, ве-

ритель им никогда нельзя. По этой благородной причине, желая уцелеть, Голиков фальсифицировал донесения агентов, только бы угодить Сталину. Рихарда Зорге, назвавшего точное время нападения вермахта, товарищ Сталин мудрейше обозвал теми словами, кои пишутся на заборах, а Голиков не возражал. Наконец дело дошло до того, что *сам* Уинстон Черчилль предупредил Сталина, чтобы 22 июня он был готов отбить нападение вермахта.

– Вот! – сказал Сталин. – Эти империалисты никак не могут успокоиться, пока не поссорят меня с Гитлером...

«Вождя всех народов» уже не было на свете, когда Филипп Иванович Голиков все-таки нашел в себе мужество честно сознаться:

– Да я просто боялся! Потому и угождал Хозяину, докладывая ему только то, что совпадало с его же мнением, и, наоборот, отвергал то, что было не согласовано с его прогнозами. Хотя я, честно говоря, и сам не очень-то верил в нападение Германии...

Зато вот маршал Кулик, к разведке никакого отношения не имевший, твердо знал, когда начнется война с Германией.

– А чего там долго думать? – говорил он. – Пусть разведка не сводит глаз с поголовья овец в Германии. Если поголовье начнет сокращаться, значит, немцам понадобились шкуры для выделки полушубков.

А без полушубков – как же воевать с нами? Вот и получается: станут в Германии резать овец – значит, все ясно, сле-

дует крепить оборону для ответа тройным ударом...

Вы, читатель, все поняли? Мудрость-то какова!

Именно в эти дни Черчилль, ложась спать, наказывал:

– Будить меня, безмерно усталого, я разрешаю только в двух случаях: или Гитлер высадит десанты на Британские острова, или же Гитлер нападет на Россию. Дайте выспаться пожилому человеку!

.....

Если Голиков имел пять уничтоженных предшественников, то П. В. Рычагов, славный начальник ВВС, имел их семь или восемь: на этом посту люди держались от силы год-полтора, после чего поступали в разряд «врагов народа». Сталин именовал себя «лучшим другом советских летчиков», и Павел Рычагов, молодой и наивный парень, в эту дружбу со Сталиным верил...

На совещании в Кремле шла речь об аварийности. Пилоты ВВС гробились один за другим, вместе с ними гробились и машины. Рычагов знал, что новых самолетов давно не поступало, а старые – это сброд всяких устаревших систем, что мешало их ремонту, мешало и подбору пилотов к самолетам разного типа. Рычагов нервно воспринимал критику в свой адрес, но... пока еще сдерживался. Когда же пришло время отвечать на критику, чтобы оправдаться перед партией и правительством, Рычагов оправдываться не стал, а повернулся лицом к «лучшему другу советских летчиков»:

– Аварийность была, есть и скоро будет еще больше, по-

тому что вы (!) заставляете летать нас на летающих гробах...

Сказал в лицо, только перстом не указывал. Стало тихо-тихо. Пошевелиться боялись. Сталин мягкими сапожками ступал по коврам своего кабинета, и в этот момент он наминал дикую кошку, которую – нашелся смельчак! – выдрали при всех за уши. Вот он ходил, ходил... сосал и сосал свою трубку... думал он, думал... потом сказал:

– А вот вам, товарищ Рычагов, не надо было говорить таких слов... Не надо было! – повторил он с грузинским акцентом.

На выходе из сталинского кабинета Рычагова арестовали. Мария Нестеренко, его любимая жена, чемпионка парашютного спорта, в это время была на аэродроме, где готовилась к испытательному прыжку. Ее взяли прямо с крыла самолета.

– За что? За что? – спрашивала она, ничего не понимая.

На Лубянке уже был готов для нее ответ: «Будучи любимой женой Рычагова, она не могла не знать о вредительской деятельности своего мужа». Сталин «летающих гробов» не простил, а Мария Нестеренко горько рыдала, по-прежнему ничего не понимая:

– О чем вы? Какая измена? Откуда вредительство?

Пытки? Да, и пытки. Но пытки оказались чепухой по сравнению с тем, что ждало женщину впереди.

Она уже не слышала, как рвались немецкие бомбы...

– Вот, – скажут читатели, – написал тут автор, что

все было плохо, а что же было в то время у нас хорошего?

– Народ был хороший, – отвечу я, – лучше нас с вами. И любовь к великой Отчизне даже в те злодейские времена народ испытывал гораздо большую, нежели сейчас.

Впрочем, о любви к России нынче говорить опасно, ибо уже не враги, а друзья народа сразу обклеят тебя ярлыками: «шовинист», «фашист» или даже «сталинист»...

Но, пожалуй, в одном Сталин прав: «Кадры решают все!»

16. ПО СИГНАЛУ «ДОРТМУНД»

Еще в начале 1939 года, в канун появления в Москве Риббентропа, всем нашим военным вменялось в обязанность читать роман Николая Шпанова «Первый удар»; товарищ Сталин, бдительно следивший за идейным развитием советской литературы, горячо рекомендовал эту книгу своим полководцам; интересно – что же именно нравилось ему в этой книге? Придется мне процитировать:

«Германия нападение на СССР начнет после обеда, а точнее, в 17 часов. Через одну минуту после пересечения фашистскими самолетами советской границы их встретят наши истребители В 17.30 фашистские самолеты уже с позором будут изгнаны из воздушного пространства СССР. В 19 часов советские ВВС, выполняя сталинский приказ „бить врага малой кровью и на его территории“, нанесут воздушный удар по фашистской Германии. Немецкие рабочие под советскими бомбами будут петь „Интернационал“ и будут бастовать».

Вот оно как! Даже погибая под нашими бомбами, немцы все-таки не забудут хором исполнить «Интернационал»...

Всего 18 дней не дотянул до войны с Россией император Вильгельм II: он скончался 4 июня 1941 года, уверенный, что в походе на Восток его преемнику повезет больше, нежели повезло ему, кайзеру. После того как появилось это глупейшее «Сообщение ТАСС», генерал Кейтель срочно опове-

стиль вермахта приказом: «Намерение к войне с Россией можно уже не маскировать...» Все генералы Гитлера восприняли это спокойно, один только Гейнц Гудериан что-то еще долго ворчал относительно того, что, мол, мы еще не знаем о количестве русских танков. Но «быстроходный Гейнц» был сразу высмеян его коллегами и даже... даже был назван «паникером»!

20 июня гестапо провело аресты немцев, которые, симпатизируя России, бывали гостями в советском посольстве.

– Когда начнутся операции на Востоке, – предсказывал Гитлер, – мир затаит дыхание и никаких комментариев не последует. Рузвельт не растает с насосом даже во сне, подкачивая воздух в Англию, чтобы этот островок не затонул от моих бомбежек. Но моя решительная победа над Россией заставит Черчилля смириться перед моими требованиями. А в сорок втором году мы принудим Вашингтон к нейтралитету или же спустим Рузвельта с лестницы Белого дома заодно с его инвалидной коляской...

В западных районах СССР было замечено оживление спекуляции среди жителей, лишь недавно получивших советские паспорта; уже не таясь, люди говорили о близости войны. Они спешили истратить советские деньги; магазины разом опустели – ни продуктов, ни тканей, ни обуви, ни спичек... 18 июня нашу границу перешел гитлеровский солдат, молодой парень, и добровольно сдался пограничникам.

– Почему вы это сделали? – спросили его в штабе.

– Недавно я здорово выпил и дал офицеру в морду. Мне грозил трибунал, вот и решил спастись у вас. Могу повторить уже сказанное пограничникам: ждите нападения. Разве вы сами не слышите по ночам шум танковых моторов?

– Чем вы можете доказать свои слова?

– Ничем! – ответил перебежчик. – Договоримся так: если я обманул вас, 22 июня можете меня расстрелять.

Об этом было доложено наверх. А сверху обозвали всех чуть ли не трусами и всем дали хорошую вздрючку:

– Не поддавайтесь на провокации! И так ясно, что ваш фриц наакался шнапсу, дал кому-то в рожу, теперь у него огузник трясется, вот и намолол со страху... Откуда мы что знаем? Может, и этот солдат подослан нарочно, чтобы проверить нашу реакцию на бдительность? Пакт о ненападении заключен, и нет поводов для тревоги.

Паулюс спланировал нападение в трех генеральных направлениях: «Север» (ленинградское), «Центр» (московское) и «Юг» (киевское). Три мощные группировки, подобно глубоким клиньям, должны сразу же расчленить Красную Армию на части, которые потом удобнее громить по флангам. 21 июня в 13.00 по берлинскому времени армии вторжения получили долгожданный сигнал «Дортмунд», означавший, что уже ничто не в силах отменить вероломное нападение. Часы в кабинетах генштаба отщелкивали последние роковые минуты...

– Что за таблетку ты проглотил, Фриди? – обеспокоилась

жена Паулюса. – Разве у тебя болит голова?

– Я принял лишь первитин, дорогая Коко.

– Это вредно для нервной системы, Фриди.

– Знаю. Но первитин позволит не спать несколько суток.

Ближайшие дни вряд ли я буду ночевать дома...

«Мерседес» Паулюса ловко вписался в общий поток машин, выруливающих на Унтер-ден-Линден. Когда миновали советское посольство, шофер спросил генерала:

– Правда ли, что у них сервис из серебра сразу на пятьсот персон? В казармах болтали, что Геринг ходит туда пить русскую водку и заедать ее крабами.

– Правда. Но теперь я не завидую московским дипломатам. Им предстоит пережить весьма грустные минуты.

Машина вырвалась на прямую – в Цоссен! Конечно, кому же еще, как не ему, Паулюсу, теперь проследить за осуществлением своих грандиозных планов? Так архитектор, создавший проект ансамбля, потом ревностно наблюдает за каменщиками и малярами. День 21 июня (день «X – 1» по терминологии генштаба) начался для Паулюса звонком из канцелярии Риббен-тропа, звонил статс-секретарь Вейцзеккер.

– Информация, – оповестил он. – Русский посол настаивает на личной встрече с Риббентропом, у него на руках вербальная нота. Там, в Москве, подсчитали, что за два последних месяца наши самолеты 180 раз нарушили их границу.

– Что вы отвечаете? – спросил Паулюс.

– Русские зенитного огня не открывали, а потому не мо-

гут предъявить нам обломки наших самолетов. Это первое. Второе. Сегодня невыносимо жаркий день, я говорю, что Риббентроп уехал в Ванзее купаться. Кажется, Молотов в Москве тоже начинает теребить за галстук нашего посла, графа Шуленбурга... Кремль уже начал терять спокойствие!

Паулюс тут же переключился на Хойзингера:

– Когда проходит на Берлин московский экспресс?

– За два часа до отметки «икс – ноль»... через Брест.

– Выпустит ли свой поезд Москва, как всегда?

– Не знаю. Но мы его пропустим. Как всегда...

Весь день 21 июня прошел в хлопотах, уточнениях, нерво-трепке. Первитин уже сделал из Паулюса железного робота, способного не ведать усталости, сохраняя небывалую бодрость.

Ближе к ночи опять стал названивать Вейцзеккер:

– Русские просто ломаются в министерство. Я был вынужден принять их посла, но прервал чтение протеста, сказав, что великая Германия сама может предъявить СССР подобные обвинения... Сообщите об этом Гальдеру.

– Конечно. Утром русские всё узнают.

– Да. Посольство уже блокировано агентами гестапо. Ему оставлена лишь односторонняя связь: мы еще можем звонить русским по телефонам, они же – никуда... Если у них и есть резиденты в Берлине, то связь с ними прервана!

Паулюс вышел на провод с войсками на Буге:

– Уточните обстановку на исходных рубежах.

Последовал обстоятельный доклад:

– В Бресте закончились последние киносеансы, с вокзала слышится, как Москва транслирует вечерний концерт. Кажется, Верди или Пуччини. Вся полоса границы очень ярко освещена. За рекою Мухавец, что южнее Бреста, горит дом – сигнал нашей агентуры о готовности сразу же начать истребление советских офицеров, когда они станут выбегать из домов по тревоге. Отсюда мы хорошо видим этот пожар. В «икс – ноль» наши люди отключат электроэнергию от Брестской крепости, перережут все телефонные провода.

Паулюс выслушал и велел сообщить о проходе московского поезда. Вскоре же в Цоссен поступило извещение:

– Только что в Германию проследовал через Брест московский пассажирский состав. Через оконные занавески видно, как женщины укладывают детей, вагон-ресторан еще работает. Вывод определенный: русские ни о чем не догадываются.

В эту ночь, ночь нападения Германии на нашу страну, из СССР в Германию проследовали 22 громадных эшелона с хлебом и металлом...

В это время Буг переплыл ефрейтор Альфред Лискофф, и, сдавшись нашим пограничникам, он сказал:

– Нет, я не коммунист. Я простой честный немец и уважаю вашу страну. Передайте своему командованию, что в три часа войска вермахта перейдут границу. Запишите мою фамилию правильно и не забудьте поставить цифру 1. Я буду пер-

вый военнопленный в этой войне, которая еще не началась...

Возле Одессы сдался пограничникам румынский офицер по фамилии Бадая, который деловито сообщил на допросе:

– Я своим солдатам всегда говорил, что с Гитлером нам лучше не связываться и чтобы все расходились по домам...

22 июня. День «Х+1». Ночное время: 03.15.

Мирная страна вздрогнула от нестерпимой боли.

Начиналась война. Великая. Отечественная!

Мы знаем, что ныне лежит на весах

И что совершается ныне.

Час мужества пробил на наших часах,

И мужество нас не покинет...

.....

В ночь перед нападением во дворе германского посольства пылал костер – немцы сжигали секретные документы. За 15 минут до нападения Берлин указал Шуленбургу известить Молотова о начале военных действий, что посол и сделал в шестом часу утра. Начинался воскресный день, москвичи мирно досматривали утренние сны...

– Спят, – сказал Хильгер, – и ничего не изменилось, только у ворот посольства стали шляться милиционеры.

– Включите радио, – указал Шуленбург...

Война уже гроыхала по русской земле, уже выли от боли раненые, уже горели дома и деревни, а дикторша московского радиовещания вела урок утренней гимнастики:

– Вдохните глубже... та-а-ак. Теперь поднимем левую ногу. Пятка правой остается на упоре. Опускаем правую руку. Прыжок! Еще прыжок... выше, выше, выше! Дышите глубоко.

Рушились бомбы на города, дома, погребая в своих руинах тысячи тысяч, уже раздавался первый бабий вой над «невинно убиенными», а Москва как ни в чем не бывало до полудня транслировала музыку. Шуленбург пребывал в полном отчаянии:

– В чем дело? Неужели скрывают войну от Сталина...

Сталин о начале войны узнал – от Молотова.

– Пограничный инцидент? – не поверил Сталин.

– Нет, *война*...

Все видели, как от лица отхлынула краска, Сталин кулем опустился на стул. Все молчали, и он молчал. («Гитлер обманул Сталина, а Сталин обманул самого... Сталина!» – именно так было заявлено потом на Нюрнбергском процессе.)

– Надо задержать немца, – произнес он.

– Маршал Тимошенко уже отдал приказ по западным округам, чтобы противника не только задержали – уничтожить его!

– И... уничтожить, – как попугай, повторил Сталин.

Из Генштаба прибыл генерал Ватутин с докладом: германская армия наступает по всему фронту – от и до, от моря и до моря, рано утром немцы уже отбомбились по городам, список которых слишком велик, бои идут на советской зем-

ле. Сталин сразу сделался меньше ростом, словно пришибленный сверху чем-то тяжелым, а слова его были самые похабные:

– Великий Ленин завещал нам великое пролетарское государство, а вы (он не сказал «я»!), – все вы про...ли его!

Всего несколько часов назад Лаврентий Берия отдал приказ «растереть в лагерную пыль» арестованных им разведчиков, которые докладывали, что нападение свершится сегодня, а теперь что он мог сказать в утешение своему грузинскому другу? Что мог сказать трусливый Калинин? Подлейший Каганович? Палач и карьерист Маленков? Ничем не могли они утешить своего сюзерена и потому молчали. Сказал сам Сталин:

– Я ухожу... отказываюсь. Мне больше ничего не нужно. Вы тут сами нагадили, сами и разбирайтесь.

Берия гортанно выкрикнул что-то по-грузински.

Сталин махнул рукой и уехал, чтобы скрыться на загородной даче. Тут все члены Политбюро разом заговорили, что вот, мол, хорошо ему, взял да уехал, а мы тут теперь давай разбирайся, где лево, где право, кто виноват, кто прав. Сообща решили тоже ехать на дачу, вернуть машиниста к рычагам правления, чтобы тянул воз дальше. Увидев своих приспешников, гуртом входящих к нему, Сталин аж затрясся от страха – вот сейчас всей кучей навалятся, свяжут, как цуцিকা, и потащат в Бутырки, а сами начнут делить – кому стул, кому кресло, кому престол. Но члены Политбюро чуть не по-

падали ниц перед ним, взывая вернуться на государственный парнас, и тут Сталин ожил, обрел прежний вид, стал возвещать.

– Нельзя, – сказал он, – чтобы народ узнал то, о чем докладывал Ватутин... паника начнется! Лучше скрыть...

Какой уже час шла война, а народ так и не был о ней оповещен. Обращаться к народу по радио Сталин не желал, потому что теперь ему пришлось бы говорить совсем не то, что говорил он еще вчера, и все внимали ему – с трепетом.

– Вон Вячеслав, – показал Сталин на Молотова, – это он лизался тут с Риббентропом... пусть и оправдывается!

Во все времена русские цари, если начиналась война, сами обращались с монаршими манифестами, объясняя народу, кто войну начал и ради чего эта война ведется. Но это – цари, а вот Генеральный секретарь партии решил пересидеть эти дни в кустах, не высываться. В полдень (только в полдень!) Молотов обратился к народу по радио, называя слушателей «граждане и гражданки», будто он прокурор, а перед ним сидят подсудимые, ожидающие удара мечом Фемиды. Молотов сказал, что Гитлер обрушил бомбы на наши спящие города, «причем убито и ранено более двухсот человек...». Нагло врал! Откуда эти двести человек, если весь запад страны полыхал в огне и замертво погибли в первых боях уже сотни тысяч... В этот же день по радио прозвучали слова, ставшие почти государственным гимном:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война...

“Но многое в этом дне осталось и неизвестным для нас!

Немало и сомнительного. Вслед за Сталиным наши историки хором твердили, что договор с Германией был очень выгоден для СССР, ибо за эти два года (1939—1941) наша страна как следует подготовилась к отражению нападения. Верить этому наглейшему вранью нельзя! За эти два года ничего не было сделано для того, чтобы подготовить мощный контрудар по агрессору.

Сталин успехи вермахта объяснял внезапностью и вероломностью нападения. Это для народа начало войны казалось внезапным. Но Сталина-то ведь каждый день извещали о замыслах Гитлера — значит, для него война и не могла быть внезапной. Не было и «вероломства», ибо глупо было бы требовать от Гитлера, чтобы он заранее предупредил Сталина о своем нескромном желании немножечко потревожить его величие своими панцер-дивизиями... Наконец, скажу последнее и самое постыдное: наша великая держава, вступая в эту войну, совсем НЕ ИМЕЛА СОЮЗНИКОВ — результат «гениальной» дальновидности самого Сталина и его прихлебателя Молотова.

Правда, был у нас один союзник — очень надежный.
Это монгольский деятель Хорлогийн Чойбалсан.

Замечательный союзник!

В первый день войны до Мехлиса прорвался с фронта звонок телефона – кто-то из генералов кричал, что его атакуют. – Словам не верю, – отвечал Мехлис. – Составьте подробное донесение по форме, и тогда все будет ясно...

Дожили! Там его, бедного, немцы уже лупят во всю ивановскую, он уже не знает куда деваться, а товарищ Мехлис советует разложить лист бумаги, обмакнуть перышко в чернила и, проставив дату, подробно описать, как его здесь убивают...

17. БЛИЦКРИГ

Спору нет, вермахт был подготовлен отлично. Границу взломали отборной техникой отборные же войска под руководством отборных полководцев – Вильгельма фон Лееба, Теодора фон Бока и Герда фон Рундштедта, которые сами и возглавили *три* удара по трем главным направлениям...

Броня танков, еще в ночной росе, была гулкой.

– Все люки и щели – на герметизацию!

– Исполнено, камарад. Форсаж?

– Да. Полный... полный газ, Франц!

Танки-амфибии (которыми Гитлер так долго пугал Англию) с полного разбега погружались в вязкую тину реки и, перевертывая на две коряги, выкатывались на советский берег, сразу громя все живое. Брест, подобный огнедышащему вулкану, остался далеко позади. В мембраны – голос генерала Гота:

– Теперь забудьте о флангах, которыми займется пехота. Захват пространства – главное! Не бойтесь отрываться от полевых частей, берите переправы... марш, панцер, марш!

– Мост, – доложил водитель танка.

– Берем, – отвечал фельдфебель.

– Коровы... полно коров с телятами.

– Прямо, – указал фельдфебель, – на мост.

Солнце еще всходило, из деревень гнали первое стадо.

Меланхолические буренки, позванивая бубенцами, мелко рысили за пегими важными быками. Впереди шел босой старик пастух, его внучек играл на дудочке. Их глаза, застывшие в ужасе, только на краткое мгновение мелькнули в узком триплексе танка, людской вопль не проник через броню.

– Давлю, – ликующе сообщил водитель...

Танк системы Т-IV (образцовый танк вермахта) покатиł через мост, прыгая по раздавленным тушам, которые расползались под ним, буксовал в мешанине сала и крови. Весь красный и жирный, с ошметками мяса на броне, танк переползал на другой берег. Доложили Готу:

– Мост взят. Переправа обеспечена.

– Удерживайте до подхода мотопехоты.

Откинули люк, вылезли. Переговаривались:

– Не думал я побывать в России.

– Кому курить? У меня пачка белградских.

– Дерьмо! У меня лучше.

– Кницлер, чего ты там возишься?

– Тут между траками застряли бычьи рога.

– Так выдерни их. Вместе с черепом.

– Этим и занимаюсь, камарад.

– Русские! – закричал водитель. – Вон они, вон...

Вдоль лесной опушки перебегали красноармейцы с винтовками, сумки противогазов прыгали за их спинами.

– Всем вниз. Люк! Пулемет. Быстро...

Пулемет, проглатывая обойму, отбрасывал в парусиновый

мешок опустошенные гильзы. Русские скрылись в лесу, и лес принял их в себя и растворил их в себе. Стало тихо.

— А где же их танки? — вдруг спросил фельдфебель.

Танков, увы, не было. Народ был потрясен, и, чтобы успокоить людей, Москва намекала в печати, что передовой рабочий класс Германии возмущен нашествием на первое в мире социалистическое государство и скоро, мол, пролетариат ответит Гитлеру революцией. Политруки перед боем по-прежнему твердили о классовой солидарности трудящихся всего мира, и на фронте не однажды бывали случаи, когда боец вставал из окопа, крича дружески:

— Эй, геноссе... я — арбайтер... не стреляй!

Ответом была длинная очередь из черного «шмайссера».

Такова сила и мощь великой «пролетарской солидарности», о которой так много у нас болтали... Вот и доболтались!

.....

Ровно в 11 часов дня 22 июля Гальдер записал в дневнике: «Паулюс сообщил мне о заявлении статс-секретаря Вейцзекера. Англия, узнав о нашем нападении на Россию, сначала почувствует облегчение и будет радоваться распылению наших сил. Однако при быстром продвижении германской армии ее настроение быстро омрачится, так как в случае разгрома России наши позиции в Европе крайне усилятся».

Он отложил перо:

— Итак, кости брошены на стол, начинаем игру.

– Большую игру, – подчеркнул Паулюс.

– Да, какой еще никогда не вела Германия, но еще никогда Германия и не была сильна так, как сейчас.

Упругие танковые колонны (Манштейна, Гудериана, Клейста, Гота и Гёпнера) железными «метелками» гусениц расчищали дорогу армиям Лееба, Бока и Рундштедта. Против этой быстро несущейся лавины Москва определила три главных направления обороны, которые доверила прославленным маршалам – Ворошилову (против Лееба), Тимошенко (против Бока) и Буденному (против Рундштедта). В ставке Гитлера понимали, что Сталин желает использовать высокий авторитет героев гражданской войны...

В состоянии эйфории Гитлер объявил, что теперь Красная Армия – это чья-то нелепая шутка!

– Сталин, очевидно, решил, что ему предстоит новая «оборона Царицына», как в девятнадцатом году, поэтому он и пугает меня своими кавалеристами... Но где же их танки?

Кейтель с Йодлем – неразлучны. Но Кейтель побаивался авторитета Йодля, уже готовя ему всякие пакости, хотя внешне они казались большими друзьями, и оба с одинаковым неудовольствием видели, что их иногда опережает Хойзингер.

Вот и сейчас он торопливо выступил с готовым ответом:

– Мой фюрер, наши Т-IV протыкают русские танки снарядами насквозь, словно это коробки для обуви. Их броня всего пятнадцать миллиметров; они ходят на легком бензи-

не, и потому от первого попадания вспыхивают, как шведские спички.

(Хойзингер имел в виду наши старые БТ-7, Т-26 и Т-28, известные по парадам на Красной площади.) Гитлер спросил:

– А где же их новейшие на тяжелом топливе? Не меня ли вы пугали танками заводов Сталинграда и Челябинска?

– Кёстринг, сидя в Москве, что-то напутал.

– Гальдер, дайте ему как следует по мозгам.

– С удовольствием это сделаю, – обещал Гальдер, не протестовавший Кёстрингу «контору по покупке мебели...».

...Прощай, милый Цоссен, где по вечерам так сладко пахло резедой и левкоями! В канун войны ОКВ отыскало глухое урочище в дремучем прусском лесу. Сюда согнали пленных офицеров-поляков, началось строительство ставки Гитлера, которую он пожелал назвать «Вольфшанце» (что значит «Убежище волка»). Бетон и колючая проволока, минные заграждения и сигнализация обеспечивали Гитлеру непроницаемость тайны, в которой он собирался выиграть войну. Поляки закончили работу, их отвели в лес и уничтожили, чтобы сохранить тайну. Над личным бункером Гитлера была уложена такая броневая плита, которую не расколет никакая сатанинская сила. На поверхности земли в «Вольфшанце» остались блоки штабов и казино, казармы охраны и служебные постройки, крыши которых маскировали кусты и даже деревья. Все остальное упряталось в глубину. Подзем-

ные помещения напоминали железнодорожные вагоны класса «люкс», с коридорами и дверями, ведущими в отдельные кабинет-купе. Всюду сверкали кафель и никель, каждому генералыштеблеру – ванна с душем и собственным унитазом. Паулюс теперь общался с Берлином по телефону, жена порадовала его благополучной беременностью дочери.

– Поцелуй за меня нашу баронессу Кутченбах! – отвечал Паулюс; перед Гальдером он уже не скрывал своей тоски и тревоги: – Когда же выберемся из этого бурелома?

– После седьмого ноября, когда доставим удовольствие Сталину, устроив парад вермахта на его Красной площади...

Успех вермахта обозначился сразу и очень решительно. На шестой день войны немцы уже вошли в Минск, одиннадцать советских дивизий оказались в тылу противника, сражаясь с «перевернутым» фронтом. В наружном блоке № 18, где царствовали Кейтель с Йодлем (и где фюрер с Геббельсом спасались от духоты подземного бункера), Паулюс обратил внимание Гитлера на всевозрастающее сопротивление Красной Армии, а ширококоротый Геббельс откровенно смеялся:

– Что вы, Паулюс? Они же бегут...

– Да. Но, отступая, они дерутся не за свои жизни, а лишь за выигрыш времени. Наконец, есть такие участки фронта, где наши войска топчутся на месте, их продвижение начинается лишь тогда, когда русские сами оставляют позиции...

Гитлер выслушал молча. Подумал и ответил:

– Ах, Паулюс! Что в этом удивительного? Бродячий и ободраный кот, который питается на помойках, всегда более стоек в жизни, нежели благовоспитанная овчарка. Но разве же кот может быть ценнее породистой собаки?

Свои требования к генералам вермахта Гитлер уже оформил тезисом: «Для нас более важно уничтожить живую силу противника, нежели продвинуться на восток». Исходя из этого, он и рассуждал – как всегда напористо:

– Я все время пытаюсь поставить себя на место этих русских дикарей, попавших под жидовское ярмо марксизма. О чем они там думают? Практически они войну проиграли, а я выиграл ее – за четырнадцать дней. Вот Прибалтика – острый шип, который Сталин вогнал в мое сердце. Она уже почти вся моя, и острие шипа направлено против Сталина. Но одно лишь фронтальное отталкивание русских к востоку ничего нам не даст, кроме неприятностей в будущем. Внезапность нападения обеспечила нам оперативный результат, и сейчас русские готовы бежать хоть до Урала, а потом, оправясь от шока, они снова полезут в Европу, как тараканы на радиатор парового отопления... Таким образом, только полное уничтожение примитивных масс противника может принести нам окончательный и решительный успех. Не отталкивайте русских – уничтожайте!

4 июля Гальдер начал проявлять беспокойство:

– Не слишком ли увлеклись Гудериан с Готом? Их ролики взяли такой разбег, что мотопехота отстала. Это грозит

и Манштейну, который вляпался у Пскова в кровавую лужу. Котлы же с попавшими в них русскими начинают опасное блуждание по нашим тылам. Выбивают гарнизоны. Жгут базы снабжения. Кстати, Гудериан уже просит подкреплений. Кажется, в биографии «быстроходного Гейнца» наступил самый комический момент, как в забавной оперетте Легара. Гудериан оборону советских войск принял за их наступление...

Такой факт был! Под Слонимом русские, рванувшись из окружения, перебили офицеров его штаба, Гудериана спасло мужество шофера, давшего полный газ. Красноармейцы захватили автобус картографического отдела – с грудой карт и планов, разрисованных стрелами прорывов и охватов, столь любезных сердцам обитателей Цоссена и «Вольфшанце». Известие об этом приключении вызвало бурные дебаты в кабинетах и бункерах ОКХ. Гальдер сказал:

– Если бы русские решили распять Гудериана, они бы избрали для эшафота кафедру своей Военной академии. Но перед казнью заставили бы его прочесть лекцию о блицкригах!

Стратегическая «воронка», о которой Паулюс предупреждал еще раньше, расширялась: вторгшись в СССР по фронту в 15 000 километров, вермахт по мере его продвижения получал фронт в 25 000 километров. Между прорывами танковых клиньев образовались глубокие разрывы от 130 до 500 километров и если не практически, то в теории русские уже могли начинать избиение вермахта по обнаженным флангам.

То, что еще не понимали другие, все это отлично понимал Паулюс.

– Выигрывая лишь в оперативном отношении, – говорил он, – мы уже начинаем что-то проигрывать в планах большой стратегии. Мы, кажется, теряем реальное представление обстановки.

– И все-таки, – отвечал ему Гальдер, – я согласен с нашим фюрером: война выиграна нами за четырнадцать дней...

Бывали случаи, когда на один наш батальон выпадал рубеж обороны в десять и более километров – врасстяжку. Много ли тут навоюешь? Потому иногда гитлеровцы шли походной колонной, пустив впереди себя группы мотоциклистов, сами шагали налегке, засучив рукава мундиров и сунув пилотки за пояс, а впереди были развернуты знамена полков и дивизий, как на параде, и даже играли оркестры, – вот она, наглядная картина блицкрига! Окружая наши войска, немцы кольцом лесных пожаров и горящих деревень обозначали для своей авиации главные контуры котлов окружения, чтобы окруженных бомбили наверняка.

Вскоре пунктуальный Паулюс обратил внимание на то, что котлы с окруженными в них русскими не имеют округлой формы – они напоминают узкие параболы, вытянутые с запада на восток: в этой геометрии фигур сказывалось стремление советских войск прорвать кольца окружений.

– Симптом очень выразительный, – заключил Паулюс.

Гальдер долго возился с пенсне, протирая их.

– Вы стали настоящим генералыштеблером. Наша случайная встреча в меховом магазине на Фридрихштрассе оказалась исторической. Если фюрер попросит меня на улицу из этого отхожего места, мой стульчик останется за вами, Паулюс...

Гальдер был баварцем, а потому его юмор всегда покоился на прочных основах грубого раблезианства. Вечером, гуляя по асфальтированной тропинке возле блока № 18, Паулюс встретил графа Шуленбурга. Недавно состоялся обмен посольствами враждующих государств, теперь, естественно, Гитлер пожелал видеть своего московского посла. Но, судя по настроению Шуленбурга, эта встреча имела драматический характер.

– У меня судьба маркиза Коленкура, который, будучи послом в Петербурге, не раз предупреждал Наполеона не забираться в Россию, однако цезарь имел на этот счет иное мнение. Я боюсь, – признался Шуленбург, – как бы и наш «цезарь» не стал выглядеть дворняжкой, получившей хорошего пинка, когда она вздумала заглянуть в мясной магазин.

Паулюс думал о своем – о потерях вермахта:

– Как вы думаете, граф, не рискнет ли Сталин на новый Брест-Литовский мир с нами, немцами, именно сейчас, когда его фронт окончательно взломан и русские отступают?

– Никогда! – убежденно ответил Шуленбург. – Вы плохо, Паулюс, понимаете советскую систему. Там, помимо Сталина, существует еще обширный партийный аппарат, с контро-

лем которого Сталин не может не считаться. Этот чудовищный человек пережил в своей жизни немало острейших кризисов, и потому настоящий кризис для него – не самый опасный. Но даже не будь такого Сталина, русские все равно продолжали бы беспощадную борьбу с нами! Нет, нет, нет, – торопливо сказал граф Шуленбург, – сейчас не восемнадцатый год...

10 июля Паулюс вынужден сделать признание:

– Сорок три процента наших танков на Востоке уже выбиты. Нас выручает лишь то обстоятельство, что, подбитые, они остаются в наших руках и мы еще можем их ремонтировать. Танковые же потери русских я отношу к числу безвозвратных.

Наконец с фронта стали поступать панические известия о появлении русского танка Т-34, от которого снаряды отскакивают, как бобы от стенки. Гудериан предупредил ОКХ, что превосходство Т-34 над немецкими танками «проявляется в резкой форме», а генерал Гот, дабы избежать потерь, приказал своим танкистам избегать боевого соприкосновения с русскими Т-34... Фронтовики рассказывали Паулюсу:

– К нему никак не подобраться, и, чтобы он притих, нужно дать ему под хвост из приличного калибра. Только с кормовых «жалюзи» он еще уязвим! Лобовые же попадания Т-34 воспринимает так, будто в него залепили хлебным мякишем...

«Вольфшанце» напоминало нечто среднее между конц-

лагерем и мужским монастырем со строгим уставом. При неприятных известиях с Востока фюрер наказывал обитателей ставки обедом из «общего котла», откуда черпали жратву эсэсовцы охраны, а остатки скармливали сторожевым собакам. Конечно, Кейтелю с Йодлем не совсем-то нравилось хлебать «фолькс-суп» со свиным смальцем, но чего не сделаешь ради капризного сюзерена. Сам же фюрер поедал пшеничную кашу без масла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.